

№ 1

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

АНАР. <i>Зимние ночи города. Пьеса</i>	3
Юсиф ГАСАНБЕК. <i>Пробуждение. Повесть</i>	31
Елена БАРАНЧИКОВА. <i>Новеллы</i>	80
Гюльшен ТОФИКГЫЗЫ. <i>Сказки для взрослых</i>	101
ЛАЧИН. <i>Сказки о девочках и мальчиках</i>	130

ПОЭЗИЯ

Геннадий САЛАЕВ. <i>Стихи</i>	22
переводы Динары КАРАКМАЗЛИ. <i>Стихи</i>	59
Евгений СТЕПАНОВ. <i>Стихи</i>	91
Алина ТАЛЫБОВА. <i>Стихи</i>	119

ПУБЛИЦИСТИКА

Ширин МАНАФОВ. 20 января в воспоминаниях участников трагедии	24
Вилаят ГУЛИЕВ. <i>От Гянджи...до Алтая</i>	63
Ляман БАГИРОВА. <i>Лики. Эссе</i>	95

2020

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Зам.главного редактора	– Елизавета КАСУМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел прозы	– Надир АГАСИЕВ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел подписки и рекламы	– Джамия ШАРИФОВА тел: (050) 772-09-41
Литсотрудники	– Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	<i>Почетный аскал «Л.А.» Сияуш МАМЕДЗАДЕ, Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелала ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ</i>
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 19.12. 2019 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС
Тел.: 497-36-23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА
***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

АНАР

ЗИМНИЕ НОЧИ В ГОРОДЕ

Пьеса в восьми картинах

Перевод Ханлара ЗИЯЗАДЕ

К 30-годовщине ЧЕРНОГО ЯНВАРЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ГИЙЯС – редактор газеты «Чагдаш», 61 год
ДИЛЯРА – его жена, 55 лет
НАМИГ – их сын, 31 год
БАХРАМ ЗЕЙНАЛЛЫ – дядя Гийяса, академик, 73 года
РАСИМ – его сын, журналист, 37 лет
ШАМХАЛ – прокурор, 68 лет
ЗАКИР – его сын, 29 лет
ФИРУЗ – брат Диляры, 48 лет
АГАРАФИ – бывший друг Фируза, предприниматель, 48 лет
ЧОПУР ДЖАББАР – научный работник, 71 год
САДЬЯР – преподаватель ВУЗа, 60 лет
ВЕДУЩИЙ МИТИНГА
ГОРХМАЗ – 22-23 года
АЖДАР КИШИ – сосед Гийяса, шофер такси, 78 лет
ГУРГЕН – коллега Аждара, шофер такси, 77 лет
СУРЕН – внук Гургена, 26 лет
ДИКТОРЫ ТЕЛЕВИДЕНИЯ В БАКУ И МОСКВЕ
СЮСЯН СЮМБЮЛЬ – певица
ОПЕРАТОР
ДВА ДРУГА ГОРХМАЗА

События происходят в Баку в январские дни 1990 года.

ПЕРВАЯ КАРТИНА

Кабинет заместителя генерального прокурора республики Шамхала Бедирзаде. Его письменный стол, на столе несколько телефонов, конференц-стол на 10-12 человек, на стене портрет Горбачёва и административная карта Азербайджана. Четыре телевизора, каждый показывающий отдельный канал, в том числе и московские. На протяжении всего спектакля на заднем плане расположен большой экран. Периодически сцены с экранов телевизоров показываются и на этом экране.

Шамхал сидит с правой стороны конференц-стола, а трое посетителей – Бахрам Зейналлы, Чопур Джаббар, Садьяр – с левой. В течении беседы секретарша приносит и наливает всем чай.

ШАМХАЛ. Добро пожаловать, рад видеть вас, профессор, извините, академик, дорогой Бахрам-муаллим. Вас я приветствую особо. Благодарю вас, что приняли наше приглашение, ведь я знаю, что...

БАХРАМ. Я только вчера приехал из Москвы. Совещание проходило в очень напряжённой обстановке...

ШАМХАЛ. Да, я знаю, знаю. Я смотрел его по телевизору. И ваше выступление было превосходным.

БАХРАМ. Да, меня столько поздравляли, а академик Гончаров даже сказал, что старая гвардия не стареет. Но дело не в этом.

ЧОПУР ДЖАББАР. Во время вашей речи Горбачёв сидел с открытым ртом.

САДЬЯР. Да, действительно он слушал очень внимательно.

БАХРАМ. Дело не в этом...

Телефонный звонок.

ШАМХАЛ (*встаёт и поднимает трубку*). Да, товарищ секретарь, они пришли, они у меня (*Слушает.*), конечно, товарищ секретарь, обязательно, обязательно (*Повесив трубку, возвращается к столу.*) Это был секретарь. Передавал вам привет.

ЧОПУР ДЖАББАР. Спасибо.

ШАМХАЛ. Бахрам-муаллим, как мне теперь к вам обращаться, уважаемый академик или уважаемый депутат?

БАХРАМ. Шамхал, для вас я всегда только Бахрам-муаллим.

ШАМХАЛ. Конечно, успехи Расима меня тоже очень радуют. Да и не может быть по-другому, ведь он ваш сын. Информация, что он подготовил для ВВС, тоже понравилась руководству. Была бы жива покойная Рухсара-ханым, она бы очень обрадовалась.

БАХРАМ (*вздыхает*). Это жизнь... есть такие недуги, что и медицина бывает бесильна. Как поживает Тамара-ханым?

ШАМХАЛ. Она тоже очень больна.

БАХРАМ. Я же говорил, что обязательно нужна операция.

ШАМХАЛ. Да я весь замотан в делах... Но я не об этом... Дорогие друзья, я обременил вас своим приглашением по другому поводу. Вы и сами видите положение и знаете ситуацию...

ЧОПУР ДЖАББАР. Да, страна разваливается на куски.

ШАМХАЛ. Еще нет, но это может произойти. Считая вас близкими людьми, я сообщу вам очень закрытую информацию. Само собой, всё сказанное не должно покидать пределов этой комнаты.

САДЬЯР (*оглядываясь вокруг*). Эта комната тоже прослушивается?

ШАМХАЛ (*смеясь*). Нет, но то, что прослушивается в других местах, раскрывается в этой комнате. Короче, в Москве силовые министры держат пистолет у виска Горбачева, требуя, конечно, я говорю метафорически, да, требуя от него принятия серьёзных мер.

ЧОПУР ДЖАББАР. Давно пора.

ШАМХАЛ. Согласен, демократия – это хорошо, но ведь всему есть предел... А то это уже превращается в кавардак, самоуправство, феодализм. Демократия...

ЧОПУР ДЖАББАР. Не демократия, а дерьмократия!

ШАМХАЛ. Как бы то ни было, нужно быть немного осторожными. Весь мир на блюдают за нами.

БАХРАМ. Я сказал на встрече с Горбачёвым, что всё нужно решить так, чтоб и волки были сыты и овцы целы.

САДЬЯР. Горбачёв это должен хорошо понимать, он бывалый пастух.

ЧОПУР ДЖАББАР. Почему же – и русские знают, что к чему.

БАХРАМ. Дело не в этом.

ШАМХАЛ. Зачем же мне вас обременять? Вы знаете нашу ситуацию. На Площади с каждым днём выдвигаются всё более радикальные предложения. Москва внимательно наблюдает за этим и требует от руководства республики принятия серьёзных мер. *(Звонит телефон.)* Как раз вовремя... Москва... *(Поднимает один из телефонов.)* Да, здравствуйте. Слушаю вас. Мы делаем всё возможное, чтобы держать события под контролем. Что значит недостаточно? Это – народ, товарищ Ташков. Понимаю, что направляют, но... *(Слушает.)* Хорошо, учтём...

САДЬЯР. И вы оказались в очень сложном положении. С одной стороны – народ, с другой стороны – Москва.

ЧОПУР ДЖАББАР. Что вы тут завели: народ, народ, это не народ, это толпа.

ШАМХАЛ. В любом случае, нам надо сделать всё, чтобы в это тяжёлое время не пролилась кровь.

БАХРАМ. Я говорил Горбачёву и насчёт этого, он сказал, что никому не позволит так унижить армию.

САДЬЯР. Шамхал-муаллим, что же вы хотели сказать нам?

ШАМХАЛ. Вам я хотел сказать, что вы являетесь авторитетными представителями нашей интеллигенции. Джаббар-муаллим, Садьяр-муаллим, и в особенности академик Бахрам Зейналлы. Как говорится, сливки общества. Вы должны взять Площадь под свой контроль, не дать возможности всякого рода авантюристам запутать и завести народ в пропасть.

ЧОПУР ДЖАББАР. Мы готовы сделать всё, что в наших силах.

ШАМХАЛ. Джаббар-муаллим, Садьяр-муаллим, вы являетесь преподавателями ВУЗов. За вашими спинами стоит большая когорта студентов. Они всегда услышат слова своих любимых учителей.

САДЬЯР. Ну да, услышат... они разошлись и перевозбуждены.

ШАМХАЛ. В любом случае нужно что-то предпринять.

САДЬЯР. Как говорил товарищ Берия, попытка не пытка.

ШАМХАЛ. Ваш чай остывает, Бахрам-муаллим, я хочу побеспокоить вас еще по одному вопросу. Вы знаете, что на Площади, да и вообще во всём общественном движении одним из самых активных людей является Гийяс Зейналлы, ваш племянник. Он делает очень радикальные заявления: отставка и всё такое прочее...

ЧОПУР ДЖАББАР. Да если бы он только выступал... это полбеды, он ещё является редактором газеты «Чагдаш»: пишет и печатает всё, что ему вздумается.

ШАМХАЛ. Да, это так. Дорогой Бахрам-муаллим, и я лично, да и руководство считаем, что единственный человек, кто может приструнить его, это вы. Он не станет вам перечить.

БАХРАМ. Ну да, он ещё тот упрямец. Вот именно потому, что он не слушал меня, я больше десяти лет не разговариваю с ним, прекратил всякое общение.

ШАМХАЛ. Знаю, мы в курсе. И причину этого я помню. Много лет назад он не зачислил моего сына в институт. Он согласился с арестом своего сына, но не отступил от своего упрямого решения. Но сейчас речь идёт не о личных делах, мы говорим о судьбе страны.

БАХРАМ. Его сын отсидел три года, освободился.

ШАМХАЛ. Да я знаю. Но действительно, ведь Нияз-муаллим...

БАХРАМ. Гийяс.

ШАМХАЛ. Да. Гийяс-муаллим этим самым оказал нам услугу. Мой сын хоть и не смог поступить в институт, но я устроил его работать в нашу систему. Теперь он уже майор.

БАХРАМ. Шамхал, вы знаете, как хорошо я к вам отношусь. Но этого от меня не просите. Я не буду разговаривать с этим упрямым. Он всё равно наплюёт на мои слова. Не заставляйте меня краснеть. Да и покойной Рухсаре-ханым я обещал, что никогда больше не заговорю с Гийясом.

ЧОПУР ДЖАББАР. Не в обиду академику, да это и не тот человек, с которым можно говорить. И он, и один из его друзей Керим Аскероглу, оба одного поля ягоды, два сапога пара. Злостные националисты, пантюркисты, сторонники Турции...

САДЬЯР. Не надо опять вспоминать старое, Джаббар-муаллим. Время доносов уже прошло, да и кости Сталина уже превратились в прах.

ЧОПУР ДЖАББАР. Вот и сейчас нужен один такой Сталин, чтоб железной рукой смёл всех этих говорунов.

САДЬЯР. Чтоб упрятал за решётку Керима Аскероглу, а прах его отца эксгумировал и отправил в Сибирь.

ЧОПУР ДЖАББАР. Невозможно понять твои убеждения, Садьяр. На чьей ты стороне?

САДЬЯР. На своей.

ШАМХАЛ. Дело в том, что они оба – и Нияз Зейналлы, и Керим Аскероглу находятся под пристальным наблюдением, и в отношении их обоих могут быть приняты очень серьёзные меры. Как видите, я предельно откровенен с вами.

ЧОПУР ДЖАББАР. То есть, они могут быть арестованы.

БАХРАМ. Нет я бы не хотел, чтоб Гийяс был арестован, как бы то ни было, он наш человек, я не хотел бы, чтоб имя нашей семьи было запятнано. Я вообще не хотел бы, чтобы кто-то был арестован по политическим причинам. Мы уже видели то время, и уже прошли его. Не дай Бог, чтоб оно снова вернулось.

ШАМХАЛ. Я никоим образом не оказываю на вас давления, Бахрам-муаллим. Если вы не хотите говорить с Ниязом, то есть и другой путь. Выступите на митинге с присущей вам сдержанностью, мудро и по теме, тогда такие, как Гийяс, потеряют авторитет среди людей. Рано или поздно народ поймёт, кто есть кто. Они отделят популистские высказывания от слов аксакалов.

ЧОПУР ДЖАББАР. Верно, народ сам всё разглядит и взвесит.

САДЬЯР. Даже если иногда будет косоглазить.

ЧОПУР ДЖАББАР. Прошу прощения у академика, но у них – у Гийяса и у Керима – другие намерения. Вывести Азербайджан из состава СССР и присоединить к Турции. Вот их цели. И покойный отец Керима был злостным тюркистом.

САДЬЯР. Ни Керим, ни его отец нигде не говорили, что, мол, давайте выйдем из СССР и присоединимся к Турции. Его отец стал жертвой клеветы и был сослан в Сибирь. После смерти Сталина он был реабилитирован и вернулся назад.

ШАМХАЛ. Да нам всё это известно.

ЧОПУР ДЖАББАР. Ну и что с того, что реабилитирован, он же не отказался от своего пантюркизма. Его каждым словом было – мы тюрки. Да и название нашего языка, оказывается, тюркский. Дорогой мой, хватит подвязывать нас к хвосту тюрков. У человека должна быть какая-то национальная гордость, честь и достоинство...

САДЬЯР. Говоря национальная гордость...

ШАМХАЛ (*перебивает его*). Одну минуту. Это не такой простой вопрос, Джаббар-муаллим. Нужно учитывать и чувства народа: на Площади немало и тех, кто, надеясь выйти из этого тяжёлого положения, полагаются на Турцию. Нужно очень тонко подходить к этому чувствительному вопросу. Не так ли, Джаббар-муаллим?

ЧОПУР ДЖАББАР. Конечно, конечно, вы совершенно правы.

ШАМХАЛ. И мой сын говорит, вы действительно очень надёжный и необходимый человек. Но и у сегодняшних реалий есть свои требования. И я не сомневаюсь, что вы, приняв во внимание настроения сегодняшнего дня, прекрасно выступите на Площади. Это вы можете взять под контроль Площадь, вы можете направить все в нужном направлении. И главное то, что этим митингам должен быть положен конец. Бог знает, какие ужасные сценарии готовит для нас Москва. (*Звонит телефон.*) Он тоже очень беспокоится (*Поднимает трубку.*) Да, товарищ секретарь, у нас получился очень хороший разговор. Мы полностью поняли друг друга. (*Кладёт трубку.*) Да разве

этот телефон даёт нам поговорить по душам? Даст Бог, в спокойное время как-нибудь посидим как следует. *(Снова звонит телефон.)*

Монитор заднего плана – на экране Площадь, заполненная людьми, и выступающие ораторы. Могут использоваться кадры из фильма Заура Магеррамова «Площадь» («Мейдан»).

ЗАНАВЕС

ВТОРАЯ КАРТИНА

Монитор заднего плана – на экране Площадь, переполненная людьми. На переднем сцене главная трибуна Площади. Звучит увертюра к опере «Кёроглу».

ВЕДУЩИЙ МИТИНГА. Дамы и господа! Сегодня наш депутат, аксакал, академик Бахрам Зейналлы присоединился к нам здесь на митинге. Слово ему.

Аплодисменты и свист.

БАХРАМ. Дети мои, мои сыновья, мои дочери, мои внуки и правнуки, соотечественники! Я обращаюсь к вам. Вчера я вернулся из Москвы. В Москве я встречался с руководителем нашего государства товарищем Горбачёвым. *(Звучит свист.)* Дело не в этом. Михаил Сергеевич *(Звуки свиста усиливаются.)* сказал, будьте уверены, никакого разговора об изменении границ не может быть *(слабые аплодисменты, громкий свист)*. Гарабах принадлежит Азербайджану *(Аплодисменты.)* Но и желания армянской стороны тоже должны быть учтены *(Звуки свиста достигают максимума, отчётливо слышны выкрики «предательство».)*

БАХРАМ *(несколько в замешательстве)*. Но ведь мы на протяжении веков жили с армянами как хорошие соседи.

КРИКИ ИЗ ТОЛПЫ. Позор! И это наш аксакал! И это наш депутат! Уходи с трибуны, предатель!

БАХРАМ. Дети мои! Мои дорогие! *(Толпа освистывает его, не даёт говорить. Горхмаз в грубой форме берёт его под руку и уводит от микрофона. Бахрам хватается за сердце и садится на ступени. Достает из кармана таблетку. Обращается к Горхмазу.)* Сынок, дай мне стакан воды.

ГОРХМАЗ. Воду тебе даст Горбачёв. Это Площадь мужества, а не водяной ларёк.

ГИЙЯС *(подходит к нему)*. Дядя...

БАХРАМ *(поднимает голову)*. Гийяс. И ты здесь?

ГИЙЯС *(обнимает его)*. Сейчас принесут воду *(Другой молодой человек приносит воду, Бахрам принимает лекарство.)*

ЧОПУР ДЖАББАР *(забирает микрофон у ведущего)*. Дайте мне слово. Дорогие соотечественники, героические сыновья моего героического народа, бесстрашные сыновья великого Бозгурда! Хватит нам слушать лживые обещания Горбачёва *(оглушительные аплодисменты)*. К сожалению, до сих пор мы не знали, кто наш настоящий враг, а кто друг. Это Горбачёв будет заботиться о нас? Наша надежда и опора – это опять братская Турция *(оглушительные аплодисменты)*. Наше сердце, наша кровь – это тюркская кровь. Но мы и сами чего-то стоим. Где же наши бесстрашные Кёроглу, чтоб своим мечом отрезать уши Зори Балаяну. Где наши Бабеки, чтоб скрутить уши Вазгену...

САДЬЯР *(шепчет ему в ухо)*. Не забудь Атропата.

ЧОПУР ДЖАББАР. Где мудрый Атропат, чтоб э-э-э...

САДЬЯР *(шёпотом)*. Чтоб академику Аганбеяну...

ЧОПУР ДЖАББАР. Снял штаны академику Аганбеяну?

САДЬЯР (*шёлотом*). Гачаг Наби.

ЧОПУР ДЖАББАР (*шёлотом Садьяру*). Его оставим на следующий раз. Да, дорогие соотечественники. И Кёроглу, и Бабек, и Шах Исмаил...

САДЬЯР (*шёлотом*). И Атропат...

ЧОПУР ДЖАББАР. И Атропат, видите, они на этой Площади, среди вас, дорогие собратья. И Бабеки, и Кёроглу сегодняшнего дня...

САДЬЯР. И Атропат...

ЧОПУР ДЖАББАР. И Атропат – это вы. Вы! Вы! Глаза трёхсотмиллионного тюркского мира устремлены на вас. На нас. (*Оглушительные аплодисменты.*)

ЧОПУР ДЖАББАР (*Садьяру*). Ну, а теперь говори, пожалуйста, Атропат. Ты исполнял работу суфлёра для меня, а теперь посмотрим, что ты сам скажешь.

САДЬЯР. Дорогие дамы, господа, друзья, товарищи! Я простой преподаватель ВУЗа. Наверное, среди вас немало и моих студентов. Я не политик и не оратор. Я даже не поэт. Но пламенная речь Джаббар-муаллима взволновала и меня. Моё вдохновение разбушевалось и создало один стих. Не обращайтесь внимания на прорехи в рифме и такте, это идёт из самого сердца. (*начинает с пафосом читать стихи*)

***Родина-мать, Азербайджан,
Душу свою тебе отдам.
Сады твои, горы твои,
Шехиды твои, живые твои
Не оставят надежду твою никогда,
Прекрасные ждут тебя времена.
Пройдут месяцы и года,
Но не разделит нас рек вода.
Ни Астара, ни Араз, –
Соединимся мы в ближний час.
Этой зимой иль этим летом.
Не говорите чушь и вздор,
Смельчаков только видит мой взор.
Прямо к свободе нас приведёт
Этой Площади блеск и почёт.***

Оглушительные аплодисменты, свист. Говорит следующий оратор, его голос удаляется, на переднем плане Бахрам и Гийяс.

ГИЙЯС. Как ты себя чувствуешь, дядя?

БАХРАМ (*кивает головой – «хорошо», говорит с трудом*). Как Диляра, Намиг?

ГИЙЯС. Хорошо, спасибо.

БАХРАМ (*Закиру – молодому человеку, принесшему воду*). Сынок, большое спасибо тебе, что принёс мне воды. Постой-ка, а ты не сын Шамхала?

ЗАКИР. Да.

БАХРАМ. Ну я же говорю, ты кажешься мне знакомым. Гийяс, ты знаешь, кто это. Это сын Шамхала.

ГИЙЯС. Я знаю.

БАХРАМ. Тот парень, которого ты срезал на экзамене.

ГИЙЯС. Не срезал, поставил ему тройку, я хорошо это помню.

БАХРАМ. А теперь он майор безопасности.

ГИЙЯС. И это я знаю. И здесь он курирует нас, наблюдает за нами.

САДЬЯР. Очень хорошо. Государство должно знать своих друзей и врагов.

ЗАКИР. Вы прекрасно выступили, Джаббар-муаллим. Я проинформирую об этом.

САДЬЯР. Ты посмотри на этого информатора, Господи, до чего мы дожили. Ты ещё ребёнок, главный из информаторов уже здесь (*Показывает на Джаббара.*)

ЧОПУР ДЖАББАР. Змея ты, змея. Что ж, от друга Керима Аскероглу нельзя ожидать ничего большего...

ВЕДУЩИЙ МИТИНГА. Слово даётся тому человеку, которого мы хорошо знаем. Редактор газеты «Чагдаш» Гийяс Зейналлы (*Оглушительные аплодисменты.*)

ГИЙЯС. Дорогие братья, эта Площадь не место для проявления красноречия и не поэтический вечер. Здесь действительно решается судьба народа, и мы выдвинули наши конкретные предложения по этому вопросу. Криками «отставка, отставка!» проблема не решается. Мы отправим одного человека из Москвы в отставку, а на его место они направят другого – опять своего человека. До смены руководства должна быть смена политики. И им, и их хозяевам в Москве мы должны предъявить наши конкретные требования. наших соотечественников, изгнанных из Армении, мы должны разместить только в Нагорном Гарабахе и в соседних районах. У руководства республики на это не хватит воли. Наши депутаты должны поднять этот вопрос в Москве в парламенте, как самый важный и не терпящий отлагательств. Второй важный вопрос — это то, что мы должны информировать весь мир о попрании прав человека в отношении наших соотечественников, изгнанных из Армении. Под наблюдением международных наблюдателей они должны быть возвращены на исконные земли своих предков в Армению и в каком-либо месте их компактного проживания получить автономию в какой-либо форме. Только после этого Нагорному Гарабаху может быть дан высокий статус в составе Азербайджана. Да поможет нам Бог! (*Аплодисменты, свист.*)

ЗАНАВЕС

ТРЕТЬЯ КАРТИНА

Квартира Гийяса. Намиг пьёт чай. Только проснувшаяся Диляра входит в комнату. Намиг встаёт и обнимает мать.

НАМИГ. С днём рождения тебя, мама!

ДИЛЯРА. Эх, да какой там день рождения? Ты не видишь, что происходит? Ни о каком дне рождения даже не вспоминаешь.

НАМИГ. Ну в любом случае, 55 лет – это дата.

ДИЛЯРА. А нельзя, чтоб ты не напоминал мне о возрасте? Может, даже и не 55, а больше. Твой трёхлетний срок в заключении и меня состарил на десять лет.

НАМИГ. Я только лишь нёс наказание за своё преступление.

ДИЛЯРА. Какое преступление, мой дорогой. Разве в чём-то была твоя вина?

НАМИГ. Мама, прошу тебя, не начинай этот разговор.

ДИЛЯРА. Я знаю, что и ты не можешь позабыть ту девушку. Как её звали?

НАМИГ. Гюмрю. Давай больше не будем говорить на эту тему.

ДИЛЯРА. Как же мне не говорить на эту тему, если она съедает меня изнутри, сжигает меня.

НАМИГ. Ну хорошо, говори, Господи. Говори и сними с себя этот груз.

ДИЛЯРА. И дядя Бахрам отступил в сторону. Но вся вина на твоём отце.

НАМИГ. Я же сказал, не будем вдаваться в детали. Тем более в такой день...

ДИЛЯРА (*берёт букет цветов с буфета*). Откуда это здесь?

НАМИГ. Ну как откуда, от твоего спутника жизни, у которого ты постоянно находишь недостатки. Пока ты спала, он ещё на рассвете сходил и купил тебе свежие цветы. К тому же ещё написал тебе письмо, оно вон там. (*Диляра открывает письмо, читает, улыбаясь.*) И что же он написал?

ДИЛЯРА. Нельзя читать чужие письма; даже если ты сын.

Звонок в дверь, Намиг открывает, входит Аждар киши с букетом цветов.

АЖДАР. Поздравляю, Диляра-баджи, с днём рождения. Желаю вам – и тебе, и супругу, и сыну – ещё многие годы этого праздника...

ДИЛЯРА. Спасибо большое, дядя Аждар, зачем все эти хлопоты? Удивительно, как ты вспомнил.

АЖДАР. Да разве можно забыть такой день? За три дня до твоего дня рождения... и Намиг... вернулся. Я был вне себя от радости. И нас с матерью вы тоже пригласили. Эх, прекрасные были дни... я подумал, что вечером у вас будет много гостей, это не по мне, поэтому пришёл поздравить сейчас.

ДИЛЯРА. Ни гостей, ничего такого вечером не будет. А даже если и будут, ты всегда самый желанный гость.

АЖДАР. Вот за эту вашу человечность я и люблю вас, и тебя, и брата Гийяса. Ведь кто я такой, простой шофёр такси, но такой гений, как Гийяс, всегда относится ко мне с достоинством и уважением.

ДИЛЯРА. О чём ты говоришь, дядя Аждар? Ты ничем не хуже других. Сядь, выпей чаю.

АЖДАР. Спасибо, дай Бог мне выпить чаю на свадьбе твоего сына. Вечером, после того, как разойдутся гости, я может зайду к вам; у меня небольшое дело к Гийяс-гардашу.

ДИЛЯРА. Пожалуйста, пожалуйста. Наши двери всегда открыты для тебя.

Аждар уходит. Звонок в дверь.

НАМИГ. Да у нас сегодня аншлаг... а ты говорила, что не хочешь проводить день рождения, видишь, как люди любят тебя (*Открывает дверь, входит Расим с большим букетом в руках.*) В городе, наверное, уже не осталось цветов...

РАСИМ. Поздравляем вас, Диляра-баджи. Отец тоже хотел прийти поздравить вас, но сказал, что не знает, примет ли его Диляра?

ДИЛЯРА. Ну что ты такое говоришь? Дядя Бахрам – это аксакал нашей семьи.

РАСИМ. Не знаю, он говорит, что в то время в деле Намига Диляра немного обиделась на меня.

ДИЛЯРА. Ну, кто прошлое помянет... Расим, что было, то было и прошло. Мы всегда рады видеть дядю Бахрама.

Монитор заднего плана – на экране документальные кадры митингов на Площади. Выступающие ораторы, гул толпы, аплодисменты и свист.

ЗАНАВЕС

ЧЕТВЁРТАЯ КАРТИНА

Квартира Гийяса. Вечер. Диляра накрывает на стол, расставляет приборы.

НАМИГ. Кажется, у нас будет много гостей. А ты ещё говорила, что не отмечаешь день рождения.

ДИЛЯРА. Ну что поделаешь? Ты слышал, что сказал Расим утром? Он сказал, что дядя Бахрам тоже хочет зайти вечером.

НАМИГ. Пусть приходит... (*Шутя, с издёвкой.*) Нам только депутата не хватает.

ДИЛЯРА (*с иронией*). Академик. Депутат. Лауреат, ат... ат...

НАМИГ. Кажется, он тебе не нравится.

ДИЛЯРА. Сейчас у него проснулась совесть, а когда тебя сажали на три года в тюрьму, он пальцем о палец не ударил.

НАМИГ. Но мама, а что он должен был делать...Я отбывал срок наказания за своё преступление.

ДИЛЯРА. Опять ты начал? Что ты заладил: преступление, преступление. Ты же не нарочно совершил автомобильную аварию... Да и машина принадлежала Расиму. Расим вышел сухим из воды, а тебя засадили за решётку.

НАМИГ. Вёл машину я. И вина лежит на мне. Не время для этого разговора.

ДИЛЯРА (мягким тоном, ласково). Ты всё её не забываешь.

НАМИГ. А как я могу забыть, мама? По моей вине такая девушка погибла в молодые годы. Единственный ребёнок своей матери.

ДИЛЯРА. А ты ведь мой единственный ребёнок, (Пауза.) ты всё ещё ходишь на её могилу?

НАМИГ. Два раза в год – в день рождения и в день смерти.

ДИЛЯРА. С её матерью?

НАМИГ. Да... пока её мать не скончалась.

ДИЛЯРА. Её мать умерла? Я даже не знала. Когда?

НАМИГ. Два года назад.

ДИЛЯРА. А почему ты не сказал об этом нам?

НАМИГ. Отец знал. Он помог и с похоронами. Ведь у них больше никого нет. Мы похоронили её рядом с Гюмрю.

ДИЛЯРА (вздыхает). Несчастливая девочка... Ну что поделаешь, сынок. Чему быть, того не миновать. И ты не принимай это так близко к сердцу. Уже столько лет прошло. Подумай и о нас с отцом, мы сейчас должны радоваться внукам.

НАМИГ. Интересное время, чтобы радоваться. Ты видишь, что происходит вокруг. Мама, сегодня вечером у нас будет один неожиданный гость. Его пригласил я. Он был в России и вернулся только вчера. И как приехал, сразу нашёл меня, приглашал на ужин сегодня вечером, я сказал, нет, сегодня день рождения моей матери. Так вышло, что мне пришлось его пригласить.

ДИЛЯРА. Кто это, я с ним знакома?

НАМИГ. Агарафи

ДИЛЯРА. Кто?

НАМИГ. Агарафи. Не помнишь, он был близким другом дяди Фируза?

ДИЛЯРА. Постой, постой. Я вспомнила. Его тоже арестовывали; за мошенничество и хищение... А у тебя что за дела с ним?

НАМИГ. Ровно два года и три месяца мы с ним вместе сидели в Шушинской тюрьме.

ДИЛЯРА. Господи Боже, да уйдут те дни навсегда. Куда ты, и куда этот вор?..

НАМИГ. Вор или не вор, мама, там все равны. Агарафи там был атаманом. Он говорил, что отец чем-то не угодил ему, срезал его сына на экзамене, но добавлял, что хорошим на хорошее может ответить любой мужчина, а хорошим на плохое может ответить только по-настоящему сильный человек. Он оберегал меня там.

ДИЛЯРА. Ну, что было, то было. Держись подальше от таких людей, сынок.

НАМИГ. Как же мне быть подальше, если я обязан ему жизнью?! (Дилляра смотрит на него с удивлением.) Да, это так. У начальника тюрьмы был заместитель Амбарян. Он терпеть нас не мог. Особенно интеллигенцию. Почему-то ко мне он особо придирался. Однажды в пьяном состоянии он сблtnул, что, мол, мне нужно отомстить этим туркам за пятнадцатый год... Потом он опять что-то сказал, и я ответил ему, он бросился на меня и хотел ударить, но вступился Агарафи и не дал ему сделать это. Он хотел посадить меня в карцер, и опять Агарафи не позволил этого. Ведь и Амбарян знал, что Агарафи является авторитетом среди заключённых. Позже я узнал, что когда нас выводили на прогулку во двор, Амбарян собирался убить меня

под предлогом попытки к бегству. И этому не дал случиться Агарафи. Он не отошёл от меня ни на шаг, пока мы находились во дворе.

ДИЛЯРА. Боже мой, сынок, что же ты пережил, мой ребёнок... У меня волосы встают дыбом, когда ты рассказываешь об этом.

НАМИГ. Так что, когда я вижу армянина, я как будто вижу Амбаряна. Терпеть не могу их всех.

ДИЛЯРА. Не говори так, сынок, и среди армян есть и хорошие, и плохие.

НАМИГ. Будь прокляты их хорошие. Не говоря о плохих. Давай я помогу тебе... (Расставляет стулья). Вечером в одиннадцать я должен на два дня уехать в район.

ДИЛЯРА. А что за дела у тебя в районе?

НАМИГ. Организационные вопросы.

ДИЛЯРА. Теперь ты ещё присоединился к Народному фронту. Господи, я не знаю, почему и у тебя, и у твоего отца всегда должна болеть голова. Вот и сегодня твой отец выступает на митинге. Посмотрим, опять к чему это приведёт...

НАМИГ. Не волнуйся, мама. Это правое дело. И это наш долг.

Звонят в дверь. Входит Фируз, целует Диляру, вручает сестре подарок в большом свёртке.

ФИРУЗ. Поздравляю сестра, поздравляю. Многих лет тебе вместе с твоим сыном и твоим невеждой мужем...

ДИЛЯРА. Не начинай опять, хотя бы в такой день.

НАМИГ (сурово). Дядя Фируз...

ФИРУЗ. Всё, молчу, молчу... Да разве может быть такое, чтобы единственный брат не мог приходить в дом к единственной сестре?

ДИЛЯРА. Кто же тебе запрещает?

ФИРУЗ. Мне никто не запрещает, но твой муж делает такое лицо, что после этого и не хочется приходить. Да и возраст уже не тот, чтоб игнорировать его выходы. Ну да бог с ним... Сегодня я пришёл, переборов свои демонов. Я сказал себе, что же я за брат такой, если не поздравлю свою сестру с днём рождения.

Входит Гийяс, открыв дверь своим ключом. Увидев Фируза, теряется, но здоровается и с ним.

ГИЙЯС. Добро пожаловать. (Вручает подарок Диляре.) Ну что ж, давайте садиться за стол...

ДИЛЯРА. А ждать дядю Бахрама не будем, он передал, что зайдёт?

ГИЙЯС. Я знаю, но он будет позднее. Его вызвали в Центральный Комитет, но, как говорит дядя Бахрам, (смеётся) дело не в этом. (Звонок в дверь.) Эта встреча с депутатами в ЦК закончилась очень быстро. Намиг, открой дверь.

Входит Агарафи, здоровается с Гийясом, передаёт подарок Диляре.

АГАРАФИ. Поздравляю, Диляра-баджи, как говорится, чем богаты...

ДИЛЯРА. Большое вам спасибо.

НАМИГ. Отец я рассказывал тебе, Агарафи спас мне жизнь.

ФИРУЗ (подходит к Агарафи, протягивая руку, радостный). Агарафи!

АГАРАФИ (не подавая руки). Мы разве знакомы?

ФИРУЗ. Я же Фируз, Агарафи, неужели я так изменился, что ты меня не узнал? Я тотчас же узнал тебя.

АГАРАФИ. Вы меня с кем-то путаете.

ФИРУЗ. Ну как же так, Агарафи? Это же я – Фируз, твой друг Фируз.

АГАРАФИ. У меня нет друзей по имени Фируз.

ФИРУЗ. Как так нет? Неужели ты забыл? Ту би ор нот ту би? Я читал тебе монолог Гамлета. Тебе очень нравилось. Агарафи (*Берёт Агарафи под руку.*), что с тобой, может, ты обижен на меня? Ведь мы были как братья.

АГАРАФИ (*внезапно сурово*). Как братья, да уж... а что это за брат, который столько лет даже не интересуется, что же случилось с его братом? Как меня посадили в тюрьму, так и всё – конец. Ни здрасте, ни до свидания. Скатерть со стола – и друзья со двора...

ФИРУЗ (*стыдливо*). Прости меня, Агарафи, пожалуйста, забудь мои грехи, время было такое – мерзкое время. Я подумал, что вместе с тобой и меня засадят за решётку.

АГАРАФИ. Причём здесь время? Конечно же, своя шкура дороже брата.

ФИРУЗ. Прости меня ...

АГАРАФИ. Что у меня осталось, чтоб тебя простить? Меня раздели до нитки, сейчас я гол как сокол... Да чёрт со мной, ты хотя бы поинтересовался, что с моей семьёй; что с ними, как они, живы, здоровы? (*Фируз молчит, опустив голову.*) Когда меня арестовали, то весь мой дом перевернули вверх дном, жена заболела и попала в психушку, сын, собрав манатки, убежал в Россию, до сих пор я не могу найти его, не знаю, где он и что с ним.

ФИРУЗ. Будь проклят этот советский строй! Умелого делового человека засаживают за решётку за то, что он разбогател; разрушают его семью. Ты тоже жертва того режима, поговори с Гийясом, пусть он отведёт тебя на митинг, выступи, что, мол, и я немало пережил бед от рук этих проклятых коммунистов.

АГАРАФИ (*внимательно смотрит на Фируза*). Да, ты тот же Фируз, тот же Фируз, совсем не изменился. Благодарю Всевышнего, что ты дядя Намига. А не то я бы с тобой разобрался по-другому. А то, что я оставил тебе (*Смеётся.*) на карманные расходы, ты, наверное, давно проел и сверху запил водой.

ФИРУЗ. Вот когда говорят, что кафтану завидуют, а что под кафтаном – не ведают...

Во время разговора Агарафи с Фирузом Диляра вышла в другую комнату, переделалась и вернулась.

ДИЛЯРА (*подходит к ним*). Старые друзья, как мило вы беседуете... Пожалуйста ста проходите к столу.

Периодически Намиг переключает каналы телевизора. Новости из Баку и из Москвы показываются и на экране большого монитора.

Звонок в дверь. Входят Бахрам и Расим. Передают свои подарки Диляре.

БАХРАМ (*целует Диляру*). Поздравляю тебя, дочка. Прости своего старого дядю. Как говорят, конь о четырех ногах, и тот спотыкается. Все мы не без греха. Прости.

ДИЛЯРА. Ну что вы говорите, дядя Бахрам. Рада видеть вас, добро пожаловать. И большое спасибо за цветы.

БАХРАМ. Подойди-ка сюда (*Отводит Диляру в сторону, достаёт из кармана небольшую коробочку и даёт Диляре.*) Это серьги покойной Рухсары-ханым. Чистейший бриллиант. Но дело не в этом. Возьми.

ДИЛЯРА. Ну что вы, дядя Бахрам, зачем же это?

БАХРАМ. Это воля покойной. За три дня до своей смерти она позвала меня, достала эти серьги, и сказала, чтоб я передал их Диляре. Мы виноваты перед ней, не смогли помочь её сыну.

ДИЛЯРА. Извините меня, дядя Бахрам, но я не могу принять их. Гийяс будет в бешенстве. Оставьте их у себя и подарите их будущей жене Расима.

БАХРАМ. Расим не собирается жениться. Говорит, что я могу жениться только на англичанке, а наша власть этого не позволит.

ДИЛЯРА. И я тоже не смогу носить серьги покойной.

БАХРАМ. Оставишь для жены Намига.

ДИЛЯРА. У Намига тоже нет намерений жениться.

БАХРАМ (*вздыхает*). Он всё еще страдает о судьбе той девушки, Расим говорил мне.

РАСИМ. О чём вы там шепчетесь, идите уже за стол.

ГИЙЯС. Должно быть, Диляра жалуется дяде на меня.

БАХРАМ. Твой старый дядя одной ногой уже в могиле, не обижай меня, ты оби-дишь и душу покойной Рухсары. (*Кладёт коробочку на буфет.*) Идём.

ГИЙЯС. Бокалы полны, добро пожаловать всем. За ваше здоровье...

БАХРАМ. Ну нет, так не пойдёт, сегодня день рождения нашей дорогой Диляры. Все тосты должны звучать в её честь. Диляра всегда будь такой молодой, прекрасной, вместе с мужем, сыном...

ФИРУЗ. И с братом.

БАХРАМ. И с братом, и со всеми близкими и дорогими людьми...

ДИКТОР (*на экране монитора*). Начинаем наш концерт, азербайджанская народная песня «Сары Гялин». Исполняет народная артистка СССР Фидан Гасимова. (*звучит песня.*)

ГИЙЯС. Дядя, расскажи, что было в ЦК, опять давали сладкие обещания?

БАХРАМ. Народные депутаты СССР, то есть мы, были приглашены на встречу с Примаковым и Гиренко.

ФИРУЗ (*на ухо Агарафи*). Примаков – председатель Верховного Совета, а Гиренко – это секретарь ЦК КПСС.

АГАРАФИ (*небрежно*). Я знаю...

БАХРАМ. Из наших депутатов пригласили только пятерых человек. Меня, Арифа Меликова, Тофига Исмаилова, Вели Мамедова, да, и ещё Анара. Но дело не в этом.

ГИЙЯС. Так в чём же дело, дядя?

БАХРАМ. Дело в том, что и Примаков, и Гиренко клянутся и божатся, что никакого чрезвычайного положения объявляться не будет. И в Баку не будут вводиться войска.

ГИЙЯС. И вы им поверили?

БАХРАМ. Но ведь нет никаких оснований не верить им. Не будут же должностные лица такого уровня лгать. К тому же после того ужаса в Тбилиси они не посмеют применить силу.

АГАРАФИ. Верю кошке и ежу, а тебе погожу. Кто им поверит.

БАХРАМ. Мы предложили, чтоб была созвана внеочередная сессия Верховного совета СССР; ведь сейчас мы в отпуске. Они сказали, что в этом нет необходимости. Горбачёв сам лично контролирует ситуацию.

ГИЙЯС. А не сам ли Горбачёв заварил всю эту кашу? То, что они сделали в Грузии, не послужило им уроком.

РАСИМ. Нет, нет, здесь не Грузия. То, что они сделали там, здесь они сделать не смогут. За Грузией не стоит Турция.

ДИЛЯРА. Ну хватит уже говорить о политике. Плов остывает. Или он вам не понравился?

АГАРАФИ. Благословенны твои руки, сестра, вкуснейший плов.

БАХРАМ. У меня слюнки потекли. После кончины покойной Рухсары я уже столько лет не ел такого вкусного плова.

ДИЛЯРА. Намиг, прибавь звук телевизора, кажется, это новая певица.

ДИКТОР (на экране монитора). Выступает молодая певица Сюзен Сюнбюль. Старинная народная песня «Ah, sərin, sərin»... (Молодая певица начинает петь.)

*Ah, sərin, sərin sənin sözlərin,
Ah, dərin, dərin sənin qözlərin,
Ah, canim mənim, vəfali yarım,
Sevqilim mənim, qülüm, dildarım.*

БАХРАМ. Да это же армянская песня. «Ах, Сирун, Сирун» ...

РАСИМ. Ну что ж, армянам можно присваивать нашу долму, можно заявлять, что «Сарыгялин» – это армянская песня, можно красть и не выпускать из рук «Аршин мал алан», а если мы возьмём одну их песню, мир развалится?

ФИРУЗ (уже в подпитии, подмигивает Агарафи). Ворон ворону глаз не выклюет. У вора украсть – не грех.

АГАРАФИ (в том же состоянии). Ну, ты лиха-то не поминай.

БАХРАМ. Дети мои, вы все мои дети. Я хочу вам кое-что сказать. В истории бывают такие моменты, когда народ, вся нация должны объединиться в один кулак, и учёный, и рабочий, и врач, и сельчанин, и интеллигент, и безграмотный, и молодой, и старый, и праведник, и вор – все должны стать как один, все должны объединиться против общего врага. Кто наш враг?

НАМИГ. Армяне.

ФИРУЗ. Русские, это русские наускивают армян.

БАХРАМ. Нет, наш враг находится среди нас самих. Зависть друг к другу нас гложет, успех своих же собратьев покоя нам не дает. Всему завидуем: успеху, славе, богатству... И сами не можем чего-то достичь, а тех, кто может, за подол назад тащим, чтоб не смели нас в чем-то обогнать.

АГАРАФИ. Спасибо, профессор, ты вытащил занозу из моего сердца.

ГИЙЯС. Выходит, что в эти тяжёлые дни мы должны бороться сами с собой?

БАХРАМ. Дело не в этом, Гийяс. Даже если я и не шел по тому пути, по которому идёшь ты, я всё же уважаю твои убеждения. Каков отец, таков и сын. Мой покойный отец тоже был таким упрямым. Говоря «упрямый», я имею в виду, что он твёрдо стоял на своём слове. И твой покойный отец был похож на него. Жаль, что я в этом не похож на них.

ДИЛЯРА. Ну что вы говорите, дядя Бахрам, вы – корона всей нашей семьи.

БАХРАМ (он тоже немного пьян). Если б я был короной, вы бы подняли тост и за меня.

ГИЙЯС (встаёт и обнимает Бахрама). Ну что ты, дядя, ты как ребёнок, правда. Ты – гордость не только нашей семьи, ты – гордость всего нашего народа. Твоё имя, слава, профессионализм, искусство, самоотверженность...

Звуки понемногу затихают, сцена постепенно темнеет. В полной темноте слышен стук в дверь, Гийяс в пижаме включает свет, идёт к двери.

ДИЛЯРА (выходит в халате). Кто это в такое время?

ГИЙЯС (открывает дверь). Аждар киши, к добру ли? Что-то случилось?

АЖДАР. Какое добро в такие дни, Гийяс-муаллим. На вас одна моя надежда. (Кого-то зовёт.) Проходите. (Один из пришедших человек того же возраста, что и Аждар, Гурген, а другой – его внук 23-24 лет Сурен.) Моя душа верит только вам. Не знаю, может я совершаю ошибку, но...

ГИЙЯС. Пожалуйста, Аждар киши.

АЖДАР. Это мой напарник...э-э-э... мой друг Гурген. А это его внук...

ГУРГЕН. Сурен...

АЖДАР. Мы вот уже тридцать лет работаем на одном такси, днём моя смена, вечером его, или наоборот, вечером я, днём он.

ГИЙЯС. Переходи к делу, Аждар киши.

АЖДАР. Дело в том, что сегодня парня я отвезу в аэропорт и отправлю в Москву. А послезавтра я провожу Гургена в Грузию. Сколько лет мы делили хлеб.

ГУРГЕН. Да, эли, сколько лет мы делили хлеб.

ДИЛЯРА. Хорошо, Аждар киши, а что ты хочешь от нас?

АЖДАР (*прочищает горло*). У нас здесь есть горячие ребята в округе, хотели влезть к ним в дом. Через заднюю дверь несчастные выбрались и пришли ко мне. Эти парни знают, что мы напарники, значит, придут и к нам.

ГИЙЯС. И короче...

АЖДАР. Короче, мы были добрыми соседями столько лет, я знаю, какие вы люди. Я могу позволить себе обратиться к вам. Пусть Гурген побудет у вас две ночи... Я сам отправлю его в Грузию.

ДИЛЯРА. О чём вы говорите... Те, кто выслеживают вас, могут выследить и нас. У Гийяса столько врагов... Да и Намиг никогда не согласится на это. Хорошо, что его в этот вечер нет дома.

АЖДАР (*опечаленно*). Ну что поделаешь, я вас понимаю.

ГИЙЯС. Аждар киши, ты не должен обижаться на нас, ты же понимаешь...

АЖДАР. Что мне обижаться, я понимаю, понимаю... Идём, Гурген, ты остаешься у нас, Господь милостив.

ГИЙЯС. Стой! (*Диляре*.) Покажи ему мою комнату, пусть ночует там.

ГУРГЕН. Да благословит тебя Господь! (*Хочет поцеловать руку Гийяса, Гийяс отстраняется.*)

АЖДАР. Я знал, что ты настоящий мужчина и человек. (*Застывшему Сурену*.) Пойдём.

ГУРГЕН. Дядя Сурена – большой человек в Москве. С Горбачёвым он чашка-ложка. Горбачёв не обедает без него.

ГИЙЯС. Что ж, приятного аппетита.

ГУРГЕН. Пусть Господь проклянёт виновника и зачинщика всего этого. Сурен, сынок, встань и целуй руки и ноги этого прекрасного человека. (*Сурен хочет наклониться к ногам Гийяса, Гийяс решительно отталкивает его в сторону.*)

ГИЙЯС. Стыдно, поднимись на ноги. Ну, не задерживайтесь...

ГУРГЕН. Клянусь верой, нет на свете народа лучше этого.

На экране монитора документальные кадры: Площадь, митинги, совещания Верховного Совета СССР и Верховного Совета Азербайджана.

ЗАНАВЕС

ШЕСТАЯ КАРТИНА

Квартира Гийяса.

ДИЛЯРА (*пьёт чай*). Гурген киши, иди выпей чаю. Не бойся, здесь никого нет.

ГУРГЕН (*со страхом проходит и садится. Пьёт чай*). Да хранит тебя Господь, ахчи! Да хранит Господь твоих детей!

ДИЛЯРА. Не называй меня ахчи, у меня есть имя; Диляра...

ГУРГЕН. Да хранит тебя Господь, Диляра, доченька! Таких человеческих людей я не видел, клянусь распятием. И в Гарабахе мы с испокон веков жили с мусульманами как друзья. Да разрушит Всевышний дома тех, кто посеял эту вражду, да проклянёт Господь зачинщика всего этого!

ДИЛЯРА. Скажи правду, Гурген киши. Говорят, что и у бакинских армян собирались деньги для помощи тем дашнакам в Гарабахе.

ГУРГЕН. Да разрушит Бог дома дашнаков, пусть крыши их домов упадут им на головы, чтоб их дети остались сиротами, чтоб их жёны рвали на себе волосы!

ДИЛЯРА. Ну хорошо, хватит уже тебе сыпать проклятиями. Ты мне скажи, и ты переводил деньги?

ГУРГЕН. Дай тебе Бог здоровья! Чтоб ты видела свадьбу своих внуков! Чтоб твои сыны и дочери были родителями сыновей! Чтоб твои внуки и правнуки...

ДИЛЯРА. Ты не меняй разговор, киши, ты скажи мне, и ты давал деньги?

ГУРГЕН (*глубоко вздыхает*). Ну что уж мне скрывать, и я из зарплаты, с выручки переводил деньги на счёт. У нас был такой один Рантик, дурной армянин, он и нас обманул, что, мол, деньги пойдут на ремонт армянской церкви...

ДИЛЯРА. Ну если он так вас обманывал, этот Рантик, о котором ты говоришь, так может он просто прикарманывал те деньги.

ГУРГЕН. Ну что мне сказать? Да пусть Ацватс накажет раздорщиков! И Рантика вместе с ними!

Громкий стук в дверь.

ГУРГЕН (*испуганно*). Ахчи...

ДИЛЯРА. Скорее вставай и иди в ту комнату.

Гурген прячется в другую комнату, Диляра, убрав его стакан, открывает дверь. Горхмаз и два крепких парня входят внутрь.

ГОРХМАЗ. Это вы прячете армян?

ДИЛЯРА (*сбивчиво*). Каких армян? Кто вы такие?

ГОРХМАЗ. Где вы спрятали армянина, пусть выходит.

ДИЛЯРА. Да что вы зачастили, армяне, армяне? Здесь нет никаких армян. Это квартира Гийяса Зейналова. Что здесь делать армянам?

ГОРХМАЗ. Не имеет значения (*хочет пройти в комнату*).

ДИЛЯРА (*встаёт поперёк двери*). Туда нельзя.

ГОРХМАЗ. Почему? Там вы прячете армянина?

ДИЛЯРА. Думай, что говоришь. Я гожусь тебе в матери. Это моя спальня. Там не убрано. Вы что, не мусульмане? Что за дела у чужого мужчины в спальне у посторонней женщины?

ГОРХМАЗ. Отойди, я сказал (*хватает Диляру за руку*).

НАМИГ (*входит, открыв дверь своим ключом*). Мама! Кто эти люди? (*Горхмазу*) Убери руки. (*С силой отталкивает его*.)

ГОРХМАЗ. Ты кто такой?

ДИЛЯРА. Это мой сын, он был в районе, хорошо, что ты вовремя вернулся, сынок.

НАМИГ. Чего они хотят?

ДИЛЯРА. Пристали, что вы прячете армян у себя в доме.

НАМИГ. Вы что, с ума сошли? Вы знаете, чей это дом. Что здесь делать армянам? Уходите. (*Намиг открывает дверь комнаты и входит внутрь. Диляра в тревоге. Намиг возвращается.*) Я же сказал вам, уходите, или я буду говорить с вами по-другому (*вытаскивает из кармана удостоверение и показывает им*).

ГОРХМАЗ (*читает*). Совет обороны Народного Фронта. Что поделаешь, нам поступил сигнал, что здесь прячут армян.

НАМИГ. Наверное, сигнал был насчёт верхних соседей. Идите туда, у него и мать армянка, и жена...

ГОРХМАЗ. Извините. (*Уходят.*)

НАМИГ (*после их ухода рассерженно матери*). Что это значит, что делает этот Амбарян в кабинете моего отца?

ДИЛЯРА. Это не Амбарян – это Гурген.

НАМИГ. Все армяне Амбаряны. Отец знает?

ДИЛЯРА. Конечно, это друг Аждара киши, он попросил, твой отец согласился спрятать его на два дня.

НАМИГ. Ну и дела, Господи.

ДИЛЯРА. Ну хорошо, ради Бога, а зачем ты направил их к тем соседям, действительно у него мать и жена армяне?

НАМИГ. Ты ведь даже не знаешь, что они уже два года, как переехали в Израиль. Их квартира пустует. Там никто не живёт.

ДИЛЯРА (*смеётся*). Да ну тебя, я же говорю...Мой золотой сынок.

*Освещение меняется.
Квартира Гияса, чуть позже.*

ГИЙЯС. Ты накормила друга Аждара?

ДИЛЯРА. Он не хочет ничего есть. Съел одну-две долмы; говорит, что долма – это наше блюдо.

ГИЙЯС (*смеётся*). В лодку сел и с лодочником ругается?! Они неисправимы. Ну ладно, позови его, пусть попьёт чаю. Скажи, что и чай тоже изобрели армяне.

Диляра зовёт Гургена.

ГИЙЯС. Гурген-киши, что означает слово «долма»?

ГУРГЕН. Ну, долма, она и есть долма, да, эли...

ГИЙЯС. Долма – это означает заполнять лист мясом. Ну и с каких пор это стало вашим блюдом?

ГУРГЕН. Пусть будет ваша, эли, и долма, и плов, и бозбаш, и кебаб, шашлык. Ваше, наше, да какая разница. Да разрушит Господь дом зачинщика раздора!

ГИЙЯС. Гурген-киши, у вас есть такая поговорка: ин тэг хай, ин тэг вай. Что это значит?

ГУРГЕН (*вздыхает*). Да, верно...Там, где есть хай, то есть армянин, там будет вай, то есть слёзы. Ну такая мы нация, эли, вспоминая, что за беды приходили нам на голову, мы плачем.

ГИЙЯС. Так сами во всем виноваты... Жили и жили бы себе спокойно. Но вы обязательно по какой-то причине устраиваете раздор. И всегда вы кладете глаз на чужие земли.

ГУРГЕН. Да и не говори, не говори. Да разрушит Всевышний дома тех, кто посеял нипаг меж нами!

ДИЛЯРА. Что такое нипаг?

ГИЙЯС. Это нифаг – раздор. У армян нет в алфавите буквы «ф», поэтому вместо «ф» они говорят «п».

ГУРГЕН. Хорошо и правильно сказал поэт: День миновавший всегда лучше, чем нынешний день. Клянусь верой, какие были прекрасные дни. Со сколькими тюрками мы стали кумовьями.

ДИЛЯРА (*смотрит на экран телевизора*). Постой, постой, разве это не твой внук? Говорит из Москвы. Гийяс, прибавь звук.

ГУРГЕН. Вай, Сурен, внучек, душа моя, шеничериме! Добрался живым и здоровым. (*Гийяс прибавляет звук телевизора.*)

ТЕЛЕВЕДУЩИЙ. Наш собеседник – Сурен Айвазян из Баку. Как вам удалось вырваться из того бакинского ада?

СУРЕН. Один старый друг моего деда, русский, тайно вывез меня.

ГУРГЕН. Русский?

ГИЙЯС. Да постой ты, послушаем, что ещё за ложь он будет говорить.

СУРЕН. Вы не представляете, какие это изверги – азербайджанцы. Моего деда-старика избили до полусмерти, выкололи один глаз. Я даже не знаю, жив ли он сейчас? И этого русского дядю Васю тоже, наверное, убили.

ГУРГЕН (*не может взять себя в руки*). Ах ты бесчестный, сын бесчестного, шандыга!

СУРЕН. Если бы не русский дядя Вася, меня тоже убили бы...

ГУРГЕН. Да будет проклята твоя вера, сукин ты сын! (*Встаёт и бросается на телевизор.*) Да породившего тебя...

ГИЙЯС. При чём тут телевизор, так уж ты его вырастил и воспитал...

ГУРГЕН. Если я так его вырастил и воспитал, пусть будет проклят мой отец...

ГИЙЯС. Диляра, переключи на Баку.

Диляра переключает телевизор на бакинский канал.

На экране концерт. Играют и танцуют.

ГУРГЕН. Брат Гийяс, прошу тебя, позвони Аждару, пусть заберёт меня и похоронит рядом с матерью. Я не хочу больше жить.

ГИЙЯС. Чтоб потом Сурен сказал, что азербайджанцы хоронят армян заживо.

На экране монитора концерт резко обрывается.

ДИКТОР. Передаём официальное сообщение Азеринформа. Центральный Комитет Коммунистической партии Азербайджана, Президиум Верховного Совета Азербайджанской ССР, Совет Министров Республики сообщают, что чрезвычайное положение в городе Баку объявлено не будет. Призываем народ не поддаваться провокациям. Наш народ...

Громкий звук взрыва.

Все экраны гаснут.

ГИЙЯС (*взволнованно*). Что-то происходит. Я должен идти в редакцию.

ДИЛЯРА. В это время?

Звуки выстрелов, сирены.

ГИЙЯС. Ты не слышишь звуки стрельбы? По-моему, в город вводят войска.

ДИЛЯРА. Где же наш сын?

ГИЙЯС. Не волнуйся, придёт. И я тоже зайду в редакцию и сразу вернусь. Не выходи из дома.

На переднем плане сцены неизвестное место, Расим с оператором ведут съёмку. То, что они снимают, мы видим на экране монитора. Двигающиеся танки, бронетранспортёры, помятые, раздавленные, изрешечённые пулями автомобили, раненые люди, трупы. Звуки стрельбы, сирены, гудки кораблей...

Документальные кадры ночи 20-го января.

СЕДЬМАЯ КАРТИНА

Утро чёрного января. Документальные кадры выступлений в Верховном Совете и в Академии. На этой сцене мы видим документальные кадры конкретных выступающих: Исмаил Шихлы, Зия Буниатов, Бахтияр Вахабзаде, Юсиф Самедоглу, Халил Рза Улутюрк. При наличии записи звучат их собственные голоса, в другом случае в исполнении актёров мы слышим их слова.

ИСМАИЛ ШИХЛЫ. Я участник Великой Отечественной войны. Я видел ужасные вещи. Но такого зверства я не встречал. Я не был свидетелем такой ужасной жестокости по отношению к своему собственному мирному населению. Коммунистическая партия потеряла своё лицо. Она воюет со своим собственным народом. Мне 71 год. Я 45 лет являюсь членом партии. В партию я вступил на фронте. Но сейчас эта партия превратилась в нечто, ещё хуже, чем фашистское СС. Я больше не хочу быть членом этой партии.

ЗИЯ БУНИАТОВ. Все эти интриги являются делами КГБ СССР. И сумгайытские события были спровоцированы и организованы ими преднамеренно. Я прямо обвиняю Горбачёва, Язова, Крючкова. Я участник Великой Отечественной войны. На фронте все народы воевали вместе плечом к плечу. Эти люди намеренно в злобной форме натравливают народы друг на друга.

БАХТИЯР ВАХАБЗАДЕ. Московская пресса распространяет о нас всякого рода клевету и ложь. На нас наговаривают, что мы притесняем другие народы, в особенности русских. Это мерзкая ложь. Наш народ всегда ценил соседа больше, чем родственника, друга больше, чем брата. Бог свидетель, что мы никогда не были против русского народа. Мы на стороне справедливости и истины. И те, кто устроил всю эту провокацию против нас, сейчас хотят столкнуть нас с русским народом. В этом плане особое усердие проявляют московская пресса и Центральное телевидение.

ЮСИФ САМЕДОГЛУ. Давая лживые обещания о том, что в Баку не будут вводиться войска, они готовились к этой бесчеловечной акции, то они говорили, что пришли уничтожить Народный фронт, или защитить партию, или предотвратить погромы. Они и сами не знают, чем и как оправдать свои преступные действия.

ХАЛИЛ РЗА УЛУТЮРК.

Davam edir otuz yeddi
Daha kəsgin, daha ciddi.¹

İstəmirəm azadlığı
zərrə-zərrə, qram-qram
qolumdakı zəncirləri
qıram gərək, qıram, qıram.²

ЗАНАВЕС

ВОСЬМАЯ КАРТИНА

Квартира Гийяса. 2 часа ночи. Диляра как безумная мечется по комнате. Открывает дверь и входит Гийяс, показать его состояние – зависит от актёра.

¹ ...и продолжается тридцать седьмой,
всё более страшный, всё более злой...

² Не хочу я свободу
лишь крохами брать,
должен цепи свои
разорвать, разорвать!

ДИЛЯРА (*бросается к нему*). Ах! А где Намиг?
ГИЙЯС (*говорит с трудом*). Возьми себя в руки, Диляра. Намига нет.
ДИЛЯРА. Что? Ты сошёл с ума?
ГИЙЯС (*всхлипывая*). Намига убили.

Душераздирающий крик Диляры. Сцена темнеет, при появлении света мы видим Диляру и Гийяса, сидящих в разных концах комнаты, схватившись за головы. Через какое-то время, осторожно открыв дверь, входит Гурген.

ГУРГЕН. Что случилось? (*Никто не отвечает.*) Что случилось, эли?
ДИЛЯРА (*вдруг взрываясь*). Что случилось? Я тебе сейчас покажу, что случилось. (*Бросается на Гургена, хватая его за шиворот.*) Твой внук в Москве льёт на нас грязь и ложь, а мой единственный сын стал шехидом. Убит и погиб.
ГУРГЕН (*хватается за голову*). Вай ме...
ДИЛЯРА. Да чтоб тебя и всех вас, вай ме... Отдай мне сына. Всё это случилось по вашей вине (*хочет расцарапать лицо Гургена*).
ГИЙЯС (*встаёт и разнимает их, Гургену*). Иди в ту комнату.
ДИЛЯРА. Где мой ребёнок?! Отдайте мне моего ребёнка! (*Кричит и плачет.*)

Вдруг дверь в комнату резко открывается от сквозняка.

ГИЙЯС (*заходит внутрь, и сразу выходит*). Гурген выбросился с балкона.

На экране монитора документальные кадры. Похороны погибших шехидов. Через какое-то время все оставшиеся в живых участники пьесы, встав на переднем плане, смотрят на экран большого монитора. На экране документальные кадры исторического выступления Гейдара Алиева в постоянном представительстве Азербайджана в Москве. Выступление Гейдара Алиева на русском языке своим голосом, затем его голос затихает и продолжение текста звучит в исполнении диктора.

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ГЕЙДАРА АЛИЕВА.

Уважаемые товарищи, дамы и господа! Я узнал об этом вчера утром и, естественно, оставаться равнодушным к этому событию не мог. Я пришёл сюда, чтобы здесь, в Постпредстве, выразить своё соболезнование всему азербайджанскому народу в связи с трагедией, повлекшей большие жертвы.

ПЕРЕВОД В ИСПОЛНЕНИИ ДИКТОРА.

В ночь с 19-го на 20-е января в Баку были введены крупные силы Советской Армии и внутренних войск МВД. Уже известно к каким трагическим последствиям это привело. Это было большой политической ошибкой руководства. Оно не имело представления об истинном положении вещей в республике. Не были знакомы с психологией азербайджанского народа, не имели связей с различными слоями населения. Все, принимавшие участие в принятии этого решения, должны понести ответственность. Передайте мою глубокую скорбь, и искренние соболезнования нашему народу. Сейчас у меня нет иной возможности сделать это.

На экране монитора документальные кадры. Возвращение Гейдара Алиева в Баку, Принятие присяги после избрания Президентом, Азербайджанский флаг развевающийся над Площадью Свободы.

КОНЕЦ

ЧЕРНЫЙ ЯНВАРЬ – 30

ГЕННАДИЙ САЛАЕВ

Плач свечей

Аллея Шехидов. Здесь женщины-свечи
Стоят в изголовьях мужей, сыновей...
Туманом печали укрытые встречи
Свиданий-прощаний с любовью своей.

Опущены головы, руки и плечи,
Вокруг только черные платья, платки.
И вроде бы полдень, а вроде бы вечер,
Как после морского отлива пески.

И капают сосны прощальной слезою
На плиты навеки ушедших годов,
И слезы ложатся застывшей смолою
На мрамор холодных могильных рядов...

Твоих волос касаюсь я...

Вновь пред тобой мой обелиск –
мой каменный двойник.
Не плачь.
В твоих глазах печаль и свет,
в руках букет гвоздик.
Не плачь.

Прости меня, любовь моя,
что встать я не могу,
Подбитой птицей я упал,
у ног твоих поник.
Не плачь.

Прости, что не успел всего
себя тебе отдать,
Что я подбит был в двадцать пять,
что малого достиг.
Не плачь.

Я из земли гляжу в тебя,
а дух мой над тобой,
Прости – не песни я дарю,
а слезы, боль и крик.
Не плачь.

Твоих волос касаюсь я,
стремлюсь в твои глаза,
Хочу тебя я напоить,
но высох мой родник.
Не плачь.

Когда ушел я, ты была
как месяц молодой,
Сейчас – седины, ночь в глазах,
в морщинках милый лик.
Не плачь.

Мой стебель срублен, но мой сын –
уже ровесник мне,
Он корень мой, он будет жить,
и в этом я велик.
Не плачь.

Шехидом стал я, защитив
тебя, ребенка, дом,
И обелиском пред тобой
я каменным возник.
Не плачь.

Хотел цветы тебе дарить,
но не могу, прости,
Теперь ты мне их приноси,
я буду ждать тот миг –
Не плачь...

20 ЯНВАРЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ УЧАСТНИКОВ ТРАГЕДИИ

Мы публикуем воспоминания тех, в кого стреляли ворвавшиеся в мирный город советские войска. Московская пресса в 1990 году называла участников мирных митингов экстремистами. В 1990 году были собраны рассказы врачей, которые в ночь с 19 на 20 января в невероятно тяжелых условиях оказывали помощь пострадавшим жертвам военного террора.

Вспоминают врачи бакинских больниц

Вугар Юсифзаде, врач 1-ой клинической больницы (в 1990 году она еще носила свое старое название – больница имени Семашко): *Ночью 20 января я находился в районе Сальянских казарм. Из военного училища выехали танки, на люках сидели молодые солдаты. Если бы у тех, кто заблокировал выход из училища, были бы автоматы, вряд ли произошло то, чему я свидетель. К нам подошел офицер и потребовал дать дорогу танкам. Мы сели на асфальт перед воротами училища, и тогда солдаты бросили в нашу сторону несколько дымовых шашек. Когда ветер разнес дым, мы увидели, что в 50 шагах от нас стояли солдаты, прозвучала команда офицера, и солдаты защелкали затворами автоматов. С криками «Ура, вперед!» солдаты бросились на небольшую группу из сорока человек, мужчин и женщин. Началась паника, и мы бросились бежать, вдогонку раздавались выстрелы, несколько человек было ранено. Мне удалось спрятаться в кустах и я сам видел, как к раненым подходили солдаты и добивали их штык-ножом. После того, как таким образом была расчищена дорога, двинулись танки, давя лежащих на земле людей.*

Эльдар Алиев, врач-анестезиолог Института клинической экспериментальной хирургии: *Как только ночью 20 января раздалась в городе пальба, многие хирурги нашей больницы, у которых были автомобили, примчались на работу. Раненые стали поступать после часа ночи, и первая операция началась в два часа. Операции шли одна за другой всю ночь. К утру мы узнали, что та же ситуация и в других центральных больницах города.*

Джангир Гусейнов, тогда – главврач больницы Скорой медицинской помощи: *22 января в нашей больнице находилось 176 раненых, которые были прооперированы за двое суток нашими хирургами. Одно это свидетельствовало о лживых уверениях центральной прессы о якобы ста раненых во время входа войск в Баку. Кроме раненых, в больницу привозили трупы убитых людей, к утру 20 января привезли 30 трупов. Каждый день кто-то из раненых умирал.*

Нушаба Асадзаде, врач-терапевт: *Трупы складывались в ванной комнате, затем переправлялись в морг. В ночь на 20 января с каждым часом прибывало все больше и больше раненых. Оперировали во всех операционных, и даже в перевязочной и приемной, так как места в операционных уже не было, а поток раненых нарастал.*

Адалят Рустамов, хирург больницы Скорой помощи: *Ровно в половине первого ночи 20 января в больнице погас свет. Как мы проводили операции? Жгли свечи, затем принесли керосиновую лампу. К счастью, в больнице был свой генератор, и вскоре удалось его запустить.*

Д. Гусейнов, хирург: К тому времени я оперировал уже 35 лет, казалось бы, все перевидал, но такие раны, как на раненых 20 января, я видел впервые в жизни. Не только внутренние органы, но и кости были разрушены одной пулей.

Фуад Алиев, патологоанатом: Днем 20 января в наш морг было доставлено 85 трупов. 75 из 85-ти случаев – огнестрельные ранения в спину. Двое умерли от избиений, шестеро раздавлено БТР-ом, несколько человек погибли от колото-резаных ран, убиты штык-ножами. В 19-ти случаях люди от автоматных очередей, у одного из убитых мы насчитали шесть огнестрельных ран. Стреляли в упор, как говорят военные, на поражение.

Фуад Абдуллаев, врач клинической больницы им. Миргасымова: Я был дежурным в ту ночь и видел, что военные не позволяли нашим медсестрам и врачам подойти к раненым и убитым. Их много лежало прямо перед зданием нашей больницы и возле памятника 11 Красной Армии, возле которой ворвавшиеся в город танки стреляли в толпу.

Джахангир Атакишиев, врач-уролог той же больницы: Мы с Фуадом дежурили в хирургическом отделении. Когда началась пальба, я поднялся на крышу больницы, откуда было хорошо видно, как танки, сделав «круг почета» вокруг памятника 11-ой Красной Армии, разлетались по проспектам города, стреляя и давя толпы людей. Очень много погибло около памятника 11-ой Красной армии. Со стороны собравшихся не было произведено ни одного выстрела по танкам. Жертв было очень много, так как площадь перед памятником большая и негде было скрыться от десятков танков. Как только танки отъехали от памятника, мы бросились спасать раненых. В больницу раненых стали привозить с половины первого ночи. Кроме раненых огнестрельным оружием было много пострадавших с симптомами отравления удушающим газом типа «заман» или «зарин»: рвота, слезотечение, кровохаркание, явления удушья. Как только был сделан разрез брюшной полости одного раненого, вся операционная наполнилась запахом отравляющего газа. Мы вынуждены были остановить операцию и проветрить операционную. Мы работали всю ночь, поток раненых уменьшился только к шести часам утра. Одна из наших медсестер была ранена автоматной пулей, когда вела раненого в больницу. В наше отделение поступило тогда 38 человек, из них шестеро умерли еще до операции. Двое погибли во время операции. В отделение травматологии в ту ночь доставили 40 раненых, все молодые люди, самому старшему было 30 лет.

М. Гасымов, в 1990 году был главврачом Республиканской больницы: 21 января в больнице закончился перевязочный материал, кончились антибиотики, болеутоляющие. Не было недостатка только в крови, с утра 20 января толпы людей пришли на станцию по переливанию крови. Сдавать кровь приезжали и в нашу больницу, много крови сдали медсестры и врачи. С медикаментами и другим материалом для операций нам помогли коллеги из больниц Агсу, Бейлагана, **Шемахи** и других городов республики. Никакой помощи из Москвы, других городов СССР не поступало. 25 января в реанимации из огромного числа раненых осталось только трое, остальные переведены в палаты хирургических отделений. С 25 января все усилия были направлены на то, чтобы собрать медикаменты на случай новой атаки войск. Врачи считали, что вероятность очень высока. Днем 20 января в нашу лабораторию обратилось до трех тысяч человек, желающих сдать кровь. У 145 человек мы взяли кровь, остальных направили на Республиканскую станцию переливания крови.

Солтан Алиев, заместитель главного врача: *С 20 января, кроме дежурных по отделениям, мы создали 31 бригаду из врачей и медсестер, которые, сменяя друг друга, должны были дежурить круглосуточно по больнице. Все крупные больницы Баку перешли на такой же график работы. Мы пополнили запас медикаментов, болеутоляющих, операционного материала и были готовы к приему нового потока раненых. К счастью, этого не случилось. Если бы не мероприятия по подготовке к новому массовому поступлению раненых, у многих наших врачей и медсестер усугубилось бы состояние стресса. То, что увидели 20 января хирурги, так подавляло, что только состояние повышенной готовности спасло их от последствий испытанного психологического шока.*

22 января на сессии Верховного совета Азербайджанской республики была создана следственная комиссия по расследованию событий 20 января, выявлению организаторов и исполнителей кровавой расправы над гражданами Азербайджана, учиненной войсками Минобороны СССР, КГБ и МВД СССР в ночь с 19 на 20 января и последующие дни. В комиссии принимали участие депутаты Верховного совета, представители общественности, министры здравоохранения, юстиции, внутренних дел, председатель Верховного Совета. В комиссию стекалась информация не только из Баку, но и со всей республики. Днем 20 января на улицах и в домах было обнаружено 120 трупов. Обстоятельства гибели самые разные. Некоторые погибли, не выходя из дому. В людей стреляли солдаты не только после наступления комендантского часа, но и днем.

Выписка из журнала приемного отделения больницы Скорой помощи от 23 января: Поступила 23 января в 10 утра с огнестрельным ранением в грудную клетку 10-летнего Самира Багирова. В 14 часов доставлена с огнестрельным ранением шеи 12-летнего Гюльтекин Пашаева.

По словам Тамерлана Караева, заместителя следственной комиссии, в январе 1990 года ни по одному факту гибели мирных граждан не было возбуждено военной комендатурой Баку ни одного уголовного дела, за исключением уголовного дела по факту наезда БТР на автомобиль с учеными из НИИ хлороорганического синтеза.

Вспоминают «экстремисты» и «боевики»

Так центральная пресса тех дней называла жертв кровавой бойни, учиненной в Баку.

К. Керимов, старшеклассник: *20 января, где-то в районе 14 часов, я гулял с приятелем по парку. Мы увидели солдат, они открыли по нас пальбу. В меня попали, я упал, приятель убежал.*

К. Керимов поступил в Республиканскую больницу с диагнозом: Проникающее ранение брюшной полости, сквозное ранение грудной клетки.

А. Кулиев: *24 января я дежурил в штабе Народного фронта Насиминского района. Вошли солдаты, начали обыск, искали оружие, безрезультатно. Нас было 19 человек. Надели на нас наручники и предупредили, что если заговорим по-азербайджански, будут стрелять. Нас повели в здание райкома партии. Заставили сесть на корточки, положить руки за головы, и в таком положении продержали 6 часов. Если кто пошевелится – били дубинками и прикладами автоматов.*

А. Рустамов: *Меня арестовали 24 января за нарушение паспортного режима. Вот ведь как получилось, меня избивали в кабинете первого секретаря райкома партии, в котором за два года до этих событий мне вручали партийный билет. Я по профессии врач-хирург и провел много операций в январе. Избили меня так, что после пришлось лежать в одной палате с теми, кого еще недавно оперировал я сам.*

С. Мамедов: *Я был арестован, меня и еще несколько человек привели в какой-то подвал и начали допрос. Военные называли нас душманами, спрашивали «сколько*

я армян убил», требовали, чтобы я признался, что боевик и принимал участие в погромах и грабежах. Затем они раздели меня и подвели к двери со следами крови, сказали, что если я не признаюсь, меня расстреляют. Не добившись признания от меня, повели в районное РОВД, была уже ночь, наступил комендантский час. Один солдат говорит: «Эй, турок, иди сюда». Я подошел. «Беги, – сказал солдат, – а я буду стрелять, попаду – я меткий стрелок, а нет – считай, что тебе повезло». Я побежал, мне повезло, он не попал.

Яшар Наджафов: В ночь на 20 января вместе с друзьями по институту я был на митинге возле памятника 11-ой Красной Армии. Ничего подобного никто из нас не мог представить. Я служил в Афганистане. Если бы советские войска так вели себя там, весь мир поднялся бы против СССР. Когда я помогал раненому товарищу сесть в машину Скорой помощи, солдаты открыли огонь по ней и меня тоже ранили.

Военная комендатура успокаивает население

Эмилия Агаева, жительница дома №97 по улице Алескера Алекперова: Утром 20 января приезжала военная машина и по громкоговорителю нас предупредили, чтобы мы не выходили из дома. В 16 часов я выглянула в окно и увидела, как к нашему дому подъехали две бронемшины, подняли стволы пулеметов и начали стрелять прямо по окнам. Мы бросились в коридор и легли на пол. Через некоторое время стрельба прекратилась, но 21 и 22 января обстрелы нашего дома возобновлялись. До сих пор не могу понять, почему военные требовали, чтобы жильцы оставались дома. Получается, чтобы было больше жертв.

Жительница того же дома Татьяна Шик: В своей квартире я подобрала 28 гильз. Пулеметчики выбили стекла во всех окнах, были изрешечены все стены, исковеркана мебель. Жильцы нашего дома звонили в комендатуру и говорили, что танки обстреливают наш дом. А там их «успокоили»: «Если бы это были танки, от вашего дома ничего не осталось бы».

«Было оказано ожесточенное сопротивление», – заявляли военные

Но не упомянули, что «сопротивлялись» провокаторы.

Э. Захарьяш, начальник политотдела флотилии, член военного совета, позднее пытался оправдать действия армии в Баку: «Мы сделали все, чтобы избежать потери людей, десант высадили морем. Был отдан четкий приказ: огонь открывать на огонь. Прошедшее в Тбилиси научило нас быть щепетильными во всех вопросах. Когда высадили десант – он встретил сильное сопротивление, ожесточенный автоматный огонь. Высадку поддерживала бронетанковая техника. В свете прожекторов было видно, как несколько человек в гражданской одежде с автоматами сели в две легкие машины и умчались по направлению к городу».

В этом кратком отчете все поразительно. Что военные называют щепетильностью? 120 трупов за одну ночь? Почему не было организовано преследование лиц, оказавших «ожесточенное сопротивление».

Пять часов в огне

В ту трагическую ночь кандидат географических наук Мамед Садыгов был одним из тех, кто несмотря на огромный риск попасть под автоматные пули оккупантов, бросился на помощь раненым и развозил их на машине по больницам города.

Группа людей, примерно 200-250 человек, в которой находился М. Садыгов, поздним вечером 19 января заблокировала выход из пехотного училища, так называемых Сальянских казарм.

К полуночи М. Садыгов на своей машине направился к памятнику 11-ой Красной Армии возле нынешнего метро 20 января.

Рассказ участника событий 20 января М. Садыгова: Ближе к полуночи мы услышали гул приближающихся танков. Они входили в город со стороны поселка Баладжары нескончаемым потоком.

Описав «круг почета» вокруг памятника, танки разлетались по четырем направлениям: в сторону Сальянских казарм, по улице Пишевари, в сторону проспекта Ленина (ныне пр. Азадлыг) и к Тбилискому проспекту, в сторону больницы им. Семашко.

Обстреленная из пулеметов толпа на площади возле памятника рассеялась.

Площадь была заполнена стонущими ранеными людьми.

За танками появились БТРы, которые поливали разбегающихся людей автоматными очередями. Многие были ранены в спину. От Киностудии до памятника 11-ой Красной армии вся улица была полна ранеными и убитыми. Мы с группой товарищей организовали почти сразу после того, как танки разъехались по этим четырем направлениям, доставку раненых в больницы. В первую очередь мы доставляли раненых людей на ближайшую от памятника станцию Скорой помощи № 5.

Автомобили – частные и кареты Скорой помощи – непрерывно доставляли в больницы раненых. Я на своем «Жигули» до утра сделал несколько рейсов, доставляя раненых к врачам. Солдаты открывали шкальный огонь по автомобилям, в которые мы сажали раненых. Стреляли не только по частным авто и такси, но и по машинам Скорой помощи.

Несколько убитых и раненых, доставленных на подстанцию №5, имели огнестрельные и колото-резаные раны, попросту говоря, раненых добивали штык-ножом.

В ту ночь, кроме двадцати машин станции Скорой помощи №5, непрерывно доставляли раненых еще десятки такси и владельцы собственных автомобилей. Под автоматным огнем эти люди развозили раненых по больницам.

Медсестра Ирада Гусейнова работала в ту ночь диспетчером на станции №5. она фиксировала всех доставленных раненых.

И. Гусейнова: В ночь на 20 января на нашу подстанцию было доставлено 89 человек. После первичной обработки ран мы направляли раненых в больницы города. В основном мы отвозили их в Республиканскую больницу, она недалеко от нашей подстанции.

М. Садыгов: Мы создали добровольную группу по доставке раненых. Водители Скорой помощи и такси, рискуя жизнью, под шквальным огнем автоматчиков доставляли раненых со всех горячих точек, от памятника 11-ой Красной Армии до памятника М. Азизбекова. Они не только доставляли раненых, но и были первыми, кто в Республиканской больнице сдавал кровь. Потому что запасы крови в больнице были исчерпаны в первый же час доставки раненых.

Через неделю в сводках военного коменданта Баку, опубликованных в газетах, сообщалось, мол, командование сделало все возможное для предупреждения жертв среди мирного населения и, якобы, под обстрел попали только боевики. Но я лично свидетель того, что в ночь на 20 января в Республиканской больнице, в больнице имени Семашко, в ряде других бакинских лечебниц был отключен свет и операции делались при свечах. Я хочу отметить тех, кто входил в ту трагическую ночь в нашу группу добровольной доставки раненых.

Это главврач подстанции № 5 А. Мурадов, водитель Скорой помощи Инглаб Мамедов, и жители города, доставлявшие на подстанцию и в Республиканскую больницу раненых на своих автомобилях: А. Абдулгасанов, А. Алиев, М. Гасанов, Н. Мирзоев...

Доставка раненых активизировалась к четырем утра. Многие и погибли от того, что солдаты автоматным огнем не подпускали нас подъехать к раненым.

Один раненый мужчина лет тридцати рассказывал нам, что где-то между 1 и 5 микрорайонами несколько танков и БТРов обстреляли раненых, лежащих на улице.

Житель пятого микрорайона Сеид Эминов, пытаясь вытащить из этой кровавой мясорубки раненых, был сам ранен в плечо и все же помог одному из лежавших на асфальте.

Никогда не забуду, как около Велотрека мы с водителем Н. Мамедовым подобрали парня, он был ранен в живот и истекал кровью. Мы нашли его слишком поздно, слишком большая кровопотеря.

Когда мы подъезжали с умирающим к Республиканской больнице, он попросил остановить машину и приподнять его голову. Окинул взглядом погруженный в темноту город и скончался.

Результаты независимого расследования

В период с 12 по 22 июля группа независимых военных экспертов провела расследование январских событий в Баку. Изучили материалы следственной комиссии Верховного совета Азербайджана, оперативные сводки партгосаппарата и УВД Баку, баллистические и трассологические экспертизы, медицинские заключения и показания персонала больниц и моргов города. Эксперты просмотрели 18 видеокассет (54 часа), опросили должностных лиц, военнослужащих и жителей Баку. Осмотрели места происшествий. Комиссия пришла к выводу, что в январе 1990 года в Баку было совершено военное преступление, и потребовала возбудить уголовное дело против министра обороны СССР Д. Т. Язова и ряда других лиц, виновных в совершении военных преступлений. Приводим выдержки из доклада независимых экспертов.

Ввод войск

«Ночью 20 января дороги, ведущие в город, и въезды в места, где располагались части Бакинского гарнизона, были заблокированы грузовиками, охранялись пикетчиками. Документального подтверждения наличия оружия у пикетчиков не имеется, таких подтверждений не представили официальные лица.

Ввод войск начался 20 января в 00. 00 часов в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О введении чрезвычайного положения в городе Баку» от 19 января. Использовались танки, БМП, БТР (вся бронетехника была без бортовых номеров), с кораблей ККВФ был высажен десант.

Войсками велась беспорядочная автоматнo-пулеметная стрельба по всем направлениям, что привело к многочисленным жертвам среди гражданского населения. Особой жестокостью отличались действия войск, вошедших в город со стороны аэропорта – они были укомплектованы резервистами. Среди резервистов оказалось много уголовников. В 6 часов утра 20 января войска установили полный контроль над городом. Спорадическая стрельба продолжалась в отдельных частях города 20-24 января, особенно интенсивно в районе Сальянских казарм».

Оповещение о введении чрезвычайного положения (ЧП)

«Заблаговременное предупреждение населения о готовящемся применении военной силы имеет большое значение, жертв было бы меньше. П.1 ст 4 Международного пакта о гражданских и политических правах от 1966 года провозглашает необходимость официально объявлять о введении ЧП. Между тем о ЧП в Баку население впервые узнало от коменданта города Дубиняка по радио и из листовок, которые начали сбрасывать с вертолетов лишь в пять часов утра 20 января. Когда город был занят войсками, была пролита кровь».

Об «Ожесточенном сопротивлении» со стороны боевиков войскам.

«Естественно предполагать, что в течение 5-дневных боев какое-то количество боевиков и снайперов с оружием будет захвачено. Установлены фамилии, типы захваченного оружия. Однако должностные лица не представили следственной комиссии ни одной фамилии боевика, ни одного доказательства применения оружия против войск.

Эксперты пришли к выводу: в первые часы 20 января интенсивного пулеметно-автоматного огня на поражение и огня снайперов по вошедшим в Баку войскам со стороны жилых домов поселка «Красный восток» не было. Огонь со стороны поселка «Красный восток» (он находится рядом с Сальянскими казармами) 21-24 января велся холостыми патронами специальной группой. Эта имитация была необходима командованию для создания видимости длительного боевого противодействия экстремистов для оправдания многочисленных жертв среди гражданского населения».

Последствия ввода армии в Баку

«В ходе введения ЧП в Баку имело место:

Расстрелы людей на месте в упор с особой жестокостью. Расстрелян, например, автобус номер 39(Икарус) вместе с пассажирами, в том числе и детьми;

умышленные наезды танков и БТР на легковые машины и убийство находящихся в них людей;

обстрелы больниц, машин Скорой помощи. Например, танками были обстреляны машины Скорой помощи номер 67-50 АГП, 67-51 АГП, 39-97 АГС;

убит врач Александр Мархевко;

использование пуль к автомату Калашникова калибром 5,45 со смещенным центром тяжести, который при попадании в тело изменяет направление движения. Такая пуля не просто выводит человека из строя, а многократно увеличивает его страдания;

мародерство, грабежи квартир и граждан, оскорбление задержанных, унижение их человеческого достоинства».

Выводы комиссии

«Вооруженные силы СССР были использованы в Баку не для защиты от внешней агрессии, а против собственного народа. Эта карательная операция представляет собой заранее организованное побоище невинных людей, совершенное с применением запрещенных международным правом средств ведения войны. Министр обороны СССР, руководивший операцией и допустивший возможность совершения личным составом армии военных преступлений, совершил тем самым военное преступление, подпадавшее под действие статьи 6 Устава международного трибунала. А также статей Уголовного кодекса Азербайджанской ССР, касающихся преступлений против личности(Гл. №3).

В отношении других лиц из состава армии, совершивших военные преступления, должны быть возбуждены уголовные дела. Материальный ущерб, нанесенный гражданам Баку, его учреждениям и организациям, должен быть возмещен Минобороны СССР».

А. Евстигнеев, капитан первого ранга запаса, кандидат технических наук.

Г. Мельков, капитан второго ранга запаса, доктор юридических наук.

Б. Мурасов, полковник запаса.

Отрывок из одной из статей в московской прессе 1990 года: «Необходимо обеспечить по возможности безболезненную эволюцию и перестройку политического мышления».

Что имеет в виду М. Горбачев под «безболезненной эволюцией», мир понял по событиям 20 января в Баку.

Опрос провел Ширин МАНАФОВ

ЮСИФ ГАСАНБЕК

ПРОБУЖДЕНИЕ

Повесть

Перевод Натаван ХАЛИЛОВОЙ

Я работал художественным редактором в музыкальном издательстве. В отличие от скучных, угнетающих, давящих своей тишиной подобных заведений, наше наполнило скорее филармонию. Классические музыкальные произведения здесь проигрывались на фортепиано и редактировались, в исполнении выдающихся певцов и певиц прослушивались песни и романсы и только после этого подписывались к печати. В те годы я был членом художественных советов, имеющих особые полномочия. По этой причине мои песни, написанные в соавторстве с известными композиторами, принимались без проволочек и очень скоро становились популярными. Спектакли по моим пьесам проходили с аншлагами, а опубликованные романы и повести вызывали резонанс. Все, что выходило из-под моего пера, неизменно получало положительные отклики у критиков. Художники, которых я приглашал в издательство для оформления книг, поэты и писатели в дорогих ресторанах устраивали для меня богатые угощения, и обильные застолья тянулись неделями.

Издательство закрылось. Рыбу выбросили на берег. Черепаха перевернулась на спину. Я стал чужим в мире искусства. В редакциях мне уже не были рады. Мои сборники стихов и прозы, переводы издавать не торопились. Хоть я и оставался свободным писателем, однако творческих привилегий я все-таки лишился. Помаевшись какое-то время, я решил вернуться в свой город, к родному очагу.

На автовокзале в Губе меня встретили одноклассники и друзья детства.

Прием в честь возвращения начался в ресторане «Губа», знаменитом своими цыплятами-табака, затем в забегаловке «Деведабаны» и завершился в полутемном кафе «Гюлистан», пропитанном запахом обожженного кирпича.

Везде меня встречали тепло. Я слышал, как мне вслед говорили: «каков отец, таков и сын», «ходячая энциклопедия», «кто называет себя поэтом, должен открыто сразиться с ним». Некоторые городские «интеллектуалы» останавливались, жали мне руку. Мне так и хотелось сказать им: «Ну где ты, и где я, я – поэт не какой-то маленькой провинции, как вы, а большой страны, можно даже сказать, мирового значения! И знамя своей поэзии я вознесу до вершины устада Низами», но, набравшись терпения, я молча слушал их.

Юные девушки при виде меня замедляли шаги и смущенно жались друг к другу, глядели широко раскрытыми глазами на мою высокую, статную фигуру, на аккуратно зачесанные, с ровным пробором, блестящие волосы, жадно разглядывали на мне распахнутую кожаную куртку и хихикали по-детски, и звуки этого смеха, как дуновение воздуха от веера, еще больше разжигали чувства в моей душе.

Некоторые братки со словами «чем можем быть и поэту?» тянули меня в ресторан, а я, не решаясь сказать «я ведь вас не знаю», искусственно улыбался этим искренним приглашениям, а потом ругал себя.

Тоскливые дни, собираясь в месяцы, тянулись вереницей. Безработица, бедность усугублялись, все это тяжким грузом оседало в моей душе.

Мои так называемые «друзья», когда-то считавшие за честь чокнуться со мной бокалами, теперь, не глядя на меня, проходили мимо, когда-то громогласно разглагольствующие о дружбе и верности, теперь, завидев меня, переходили на другую сторону улицы.

Как же все-таки притягательна слава, она зачаровывает. Вначале я просто купался в ней, наслаждаясь каждым днем. Говорил, что это и есть рай, описанный Аббасгулу-агой Бакихановым в «Гюлистан-Ирем». На самом деле оказалось, что это территория лентяев, не желающих признавать, что есть слово «работа», неудачных картежников, пьяниц, месяцами, годами не выходящих из запоя.

А я, пытаюсь избавиться от этого очарования, все больше и больше погружался в этот зачарованный мир. Я все еще улыбался, однако сердце мое обливалось кровью. Но, несмотря ни на что, я держался бодро и никому не показывал своих чувств. Выйти из создавшегося положения должен был я сам.

Я пошел на центральную почту. Сотрудник в переговорном пункте поздоровался со мною. Он наизусть знал номер, по которому я звоню. Сообщил, что он как только получит соединение, пригласит меня в кабину.

Настроения не было. На улице ливень, бьющий в ритме джаз-оркестра, мог бы оживить уснувшие надежды и вдохнуть в них новую жизнь.

... А я вне мира литературы был одинок и беспомощен.

Диспетчер позвал меня и указал пальцем на освободившуюся кабинку. Всю свою надежду я связал с «Гоздесте Балададаш ами», который когда-то работал начальником милиции в шекинском, гейчайском и уджарском махалах и обещал устроить меня на работу в Баку. Услышав мой голос, дальний родственник откашлялся: «Не торопитесь, когда будет подходящая работа...» Я перебил его: «Ами, дорогой, моя жизнь схожа с существованием бездомной дворняги, которая бесцельно слоняется по дворам. Вы, слава Богу, обеспечены. У тех, кто приходит к вам с дарами, дела быстро налаживаются. Дети, зятья вам помогают. И маузер ваш всегда наготове. А у меня только поломанное ружье, да и у того ни единого патрона! Ради Бога, поторопите тех, кто пообещал вам работу для меня...»

Отбойные гудки выстрелом ударили в висок.

Жестоко. Только теперь я понял слова великого Сабира о тех, у кого вместо сердца в груди камень: «Почему ты наградил, Аллах, нас кровью ледяной?». Вдруг я осознал, что стою у «Ворот падишаха» в нарядной верхней одежде, скрывающей под собой отрепья. Даже ногти моих друзей по пирушкам не поменяю я на липовых полковников. Войти внутрь? Потом все будет выглядеть очень даже естественно. Не будет раздражать равнодушные окаменевших сердец. Разве не здорово жить и не зависеть ни от кого, не стесняться и не прятаться? Но нет, не хочу жить бессовестно и нагло. Почему я стал таким беспомощным? Я известный поэт. Член Союза писателей.

Поеду в Баку, вломлюсь в кабинеты секретарей, заставлю их помочь мне выйти из этого положения. По телефону всего не скажешь. А лицом к лицу не посмеют отказать мне. Но как добраться до Баку? В кармане ни копейки. Надежда оставалась только на проезжающие мимо «Ворот падишаха» попутные машины.

Дальнбойщики из России, проехав крутую и извилистую дорогу, обычно останавливались у подъема к мосту через реку Гудиалчай, чтобы передохнуть. Я могу подойти к какому-нибудь пожилому водителю, поговорить с ним и как-нибудь уговорить его довезти меня до Баку. А там, в Союзе писателей, я уже буду не уговаривать, а требовать у председателя Мехти Гусейна восстановления моих прав.

Пройти бы к тому подъему через эти «Ворота падишаха»! Что мне теперь делать? Войти туда – опять появится водка в граненых стаканах и будет без тостов выпиваться залпом, начнутся разговоры о былых возможностях, когда и Кура, и Араз были по щиколотку. И тогда сегодняшней день ничем не будет отличаться от вчерашнего. И есть опасение, что завтрашний день будет таким же, как и сегодняшний.

Был полдень. Я отошел от соблазнительных «Ворот», перешел дорогу и встал в тени растущего там дуба. Этот дуб был не из тех развесистых счастливиц, в ветвях которых пели дрозды и скворцы. Он был хилым и невысоким. Горе-работники, прокладывая тут дорогу, закидали его асфальтом, и корни несчастного дерева стали засыхать. Дуб стал жертвой безразличия и бессердечности. Если бы он смог разрастись, тогда по осени он служил бы «дорожным знаком» для журавлиного клина, а по весне стал бы зеленым маяком для возвращающихся с зимовья птиц. ...Одна из ветвей дуба умудрилась как-то проникнуть во двор поликлиники. Острые концы железных прутьев забора, истязая, медленно убивали прокраившуюся во двор ветку. Нет, я не буду искать извилистых путей! Спину сгибать не стану! Но в Баку журналы и газеты просто оккупированы стихами и рассказами одного моего друга. На всех телевизионных каналах, куда не переключишь, везде его голова торчит. Он сейчас на хорошей должности сидит. «Кому везет, тому солнце и ночью светит». Превратился в александрийский маяк в лазурном океане поэзии. Скособочился аж под тяжестью орденов и медалей. Под ним «Жигули-06», в кабинете телефон прямой связи с трехзначным номером, правительственные телефоны с четырехзначными номерами. На вечерах поэзии юные красавицы бросаются к нему с поцелуями. А кто я? Вся боль души моей строка за строкой выливалась в стихи.

*Ты поэт.
И я поэт.
Ты на коне,
И мир весь твой!
А меня и Бог покинул,
Даже дети взоры прячут.
Ты поэт, и я поэт, –
Ты возглавляешь все списки.
А я – «и другие».
Твоя могила на Почетной аллее,
Будет утопать в цветах!
А мой труп – на кладбище «Волчьих ворот»
Утонет в дождях и в селях!..*

Я поднял голову. Господи, как же красиво и завораживающе! Тополиные листья под лучами солнца золотились в вышине. Свет струился сквозь листья, освещая аллею парка, ведущую на вершину Шахдага.

Что же мне так не везет-то? Меня пробрала ледяная дрожь. Я повернулся и посмотрел на «Ворота падишаха». Пойти туда? Вернуться? Может, это как-то успокоит меня?

Тополиный лист, скользнув по моему плечу, упал на землю. Края его пожухли и свернулись, и он был похож на миниатюрный старый чарык. Мог бы этот лист упасть в другом месте и в другое время? Мог бы. Но то, что он упал именно сейчас под мои ноги, казалось, имело какое-то особое значение.

Нет. Хватит! В лесах Гашреша под дождем и снегом извелась душа моя. Чего я только не натерпелся, пока довез до городского рынка арбу с дровами, чтобы поместить их на буханку черного хлеба! Хватит. Как-никак, а все-таки я довольно известный поэт. Писатель должен возвращаться в литературных кругах, писать, публиковаться. Великий пролетарский писатель Максим Горький писал утонченному Чехову: «Уважаемый Антон Павлович! Я живу и пишу в далекой провинции. Но мне кажется, что тут мне не хватает воздуха. Вокруг меня нет коллег, с которыми я хотел бы поделиться тревожащими меня вопросами. Но я также хорошо знаю, что литературные городские круги полны сплетен, зависти, наговоров и лжи».

Дальновидный Чехов ответил очень коротко: «К сожалению, вы правы. Но писатель, остающийся за пределами литературного круга, подобен птице с одним крылом. А с одним крылом летать невозможно».

...Небо было прозрачно-голубым. Самолет, вылетевший из-за гор, стремительно разрывал эту голубизну, оставляя за собой черный след, который колыхался в воздухе, как веревка на виселице. След стал распадаться. Разорванные облака трансформировались и приняли форму человека. Что это, Господи? Погоди, может, Бог указывает мне путь?! Я должен наложить на себя руки. Может, прямо у этого тополя?! Я схватился за голову и какое-то время оставался недвижим. Сердце зашлось. Мне захотелось простора. Я вскинул руки к небесам, к Богу. Но что это? Я всмотрелся. На вершине «Qizil Qaya» стоял человек. Он снял пиджак и, широко размахнувшись, швырнул его вниз, разорвал на себе брюки и также бросил их вниз. В белом нижнем белье он замер на вершине, как памятник. Он размахивал руками, грозя кому-то кулаком. Внизу началась сумятица. Старики, дремлющие на скамейках у «Ворот падишаха», вскочили со своих мест. Полупьяные клиенты ресторанов, наспех вытерев рты рукавами, устремили свои взгляды на стоящего на вершине человека. Стоящие у подъема к мосту люди сбились в кучу. Проезжающие машины остановились. Мелкие торговцы, торгующие на перекрестке зеленью, шором, сливками, семечками и сигаретами, поспешили к площадке перед подъемом. Повара из ресторана «Шахдаг», продавцы из рыбного магазина, врачи и больные из поликлиники, – все высыпали на улицу и уставились на вершину горы «Qizil Qaya». А герой этого события то метался из стороны в сторону, то размахивал руками, то прыгал. На площадке у подъема яблоку негде было упасть.

Слышались различные комментарии:

– Ты только посмотри на этого Араба Мустафу! Молодец! Смотри, куда взобрался! Мы знали, что он задира, скандалист и даже убийца. Но оказывается, у него еще и альпинистский дар есть!

– Эх, бедняга, только недавно вышел из тюрьмы. Ну и что, что он вор, он свой срок отсидел. В поисках работы обращался и в райком, и в исполком. А ему отказали. Вот он и взобрался туда в знак протеста. Вот же, если бы мне сказал, то и я с ним поднялся бы туда. Тьфу на этот закон! – с этими словами пышноусый Музаффар в сердцах швырнул кожуру от семечек в спину стоящего перед ним человека.

Дорога, ведущая к подъему, окуталась плотным слоем пыли от карет «скорой помощи», пожарных машин, мотоциклов гаишников и милицейских автомобилей, устремившихся вверх.

– Товарищи, скорее, спасем Араба Мустафу! – раздалось слова из громкоговорителя. – Что ты замер? Растерялся? Давайте, бегите на вершину «Qizil Qaya»!

Ни ум, ни знания, ни талант, ни широкое мировоззрение не помогут тому, кто не может устроить свою жизнь! А ты посмотри на человека, который и имя свое написать не может, посмотри, как он устраивается в жизни. «Высокомерный всегда остается в проигрыше. Но нет! Нет, я согласен умереть, но не опущусь до такого состояния. Я бек и сын бека, и потом – я духовный внук и последователь великого Физули», – терзаясь, думал я и медленно продвигался к вершине. Вдруг внутри меня раздался голос: «Подожди! Не иди проторенной тропой! Смерть поэта должна быть такой же оригинальной, как и его стихи. И потом, Араб Мустафа поднялся на эту гору не покончить с собой, он просто артистничал. Самоубийство – признак слабости!»

...

Я вспомнил пьесы, которые мы ставили в драмкружке в Педагогической школе.

Роль, сыгранная мной в пьесе «Вешние воды», стала поворотной и сыграла роль маяка в моей судьбе. Разве это не счастье, не веление судьбы?! С этой пьесой мы участвовали в конкурсе, его посмотрел автор, и моя игра ему понравилась, это очень воодушевило меня, кроме того, он приобщил меня к литературе.

Посоветовавшись, мы приняли решение. На этом конкурсе первое место должно быть нашим. И вот после этого-то и должно было начаться что-то грандиозное. Другие коллективы позеленеют от зависти, а нас, посадив на машины, повезут в Баку. Мы прославимся на весь мир. В газетах во всю полосу будут печатать наши фотографии, о нас будут говорить по радио, показывать по телевидению.

– Больше всех понравится мое исполнение, – похвастался Нурага. – Меня сразу возьмут стажером в театр. А потом по одному звонку меня примут в Театральный институт!

Конечно. Кто не хочет взобраться на вершину Олимпа? Иметь помощников, несущих за ним чемоданы, носить дорогие костюмы. И чтоб твои двери штурмовали журналисты, мечтающие взять у тебя интервью. Ох, Нурага, сам не осознавая того, он невидимыми нитями связывал меня с профессией актера.

Но без труда не выловишь и рыбку из пруда....

Я был одним из самых активных участников драмкружка. Словно меня мать родила на сцене. На конкурс мы подготовили драму Самеда Вургуня «Вагиф». Но мы предполагаем, а Бог располагает. Наши ожидания не оправдались. Бугдам, высокий и красивый парень, который должен был играть Вагифа, тяжело заболел.

– Ну и что? Что с того, что Бугдам заболел? На нем что, свет клином сошелся? Что, я не смогу Вагифа сыграть?! Да, ростом я не вышел, но могу надеть туфли на каблуках. Я лысый, но могу надеть парик Яго из «Отелло», – подступил к руководителю драмкружка Нурага, кривя нижнюю челюсть.

Он был отличником. Никто из нас не мог состязаться с ним в алгебре и геометрии. Но никто не мог сравниться с ним и в способности на пустом месте затеять спор и ссору. Даже когда у доски отвечал, нос его краснел, как редиска, глаза пучились, дыхание становилось прерывистым.

В репетиционной комнате стоял гвалт.

Руководитель драмкружка не ответил Нураге.

– Ребята, одну минуту, успокойтесь, – сказал он. Наступила тишина. – На конкурсе мы должны выступить с актуальным произведением, с пьесой, которая будет говорить о нашей современной жизни.

Он вынул из своего потертого, выдавшего вида портфеля рукопись толщиной в два пальца.

– В большинстве театров сейчас идет эта пьеса, – сказал он, показывая всем рукопись. – Называется «Вешние воды». Наша страна только вышла из войны. Мы вновь начинаем жить мирной жизнью. Мы должны залечить военные раны. В колхозах закипает трудовая жизнь. Распахиваются новые земли. Вешние воды, питая фруктовые сады Губы, чайные плантации Ленкорани, хлопковые поля Мугани, увеличивают урожаи. Давайте и мы внесем свой вклад в это движение обновления. Порадуем наших тружеников этим спектаклем.

«Ур-ра!», «Первое место будем нашим!», «Мы сорвем аплодисменты в Баку!», – закричали юные артисты. Только Нурага был мрачен, его мечте о роли Вагифа не суждено было сбыться. Это не ускользнуло от внимания руководителя драмкружка.

– Я уже распределил роли в этой пьесе, – сказал он.

Все замолчали и уставились на худрука. А тот подошел к Нураге и положил ему на плечо руку:

– Сошьешь себе штаны-галифе. Сапоги у тебя, кажется, есть. А поверх рубашки наденешь военный ремень. Будешь играть председателя колхоза.

Лицо Нураги аж просветлело. Он хлопнул в ладоши:

– Конечно, потом покажем этот спектакль в Баку. Меня оставят в театре стажером и по одному телефонному звонку примут в институт!

Художник сделал красивые декорации к спектаклю. На заднем плане были нарисованы две вершины Шахдага с плывущими над ними облаками, на переднем – яблони с прислоненными к стволам лестницами.

Я был за сценой. Из-за изношенной, изъеденной молью занавеси я наблюдал за зрительным залом.

В партере все места были заняты. Женщины в ложах прихорашивались, стараясь продемонстрировать свои драгоценности. Дети, пришедшие с родителями, скрестив ноги, сидели между рядами на полу. Стоящие у входа зрители, которым не хватило сидячих мест, держа в руках шапки, тоже, не дыша, смотрели на сцену, ожидая поднятия занавеса.

В жюри царило оживление. Али Тертерли, инструктор из райкома, вертел в руках программку. А вдруг ему не понравится моя фамилия – ведь она заканчивается на «бек». Что мне делать, если меня снимут со спектакля? Меня прошиб холодный пот. Я посмотрел на задумчивого человека, сидящего рядом с инструктором. Его я видел впервые. «Наверное, из Баку», – подумал я. Он был тихий, задумчивый и очень мне понравился. Его голубые глаза были устремлены на сцену, и по лицу его скользила едва уловимая улыбка. Он то и дело поправлял свои зачесанные назад волнистые волосы. Странно, занавес еще не поднят, что там есть такого, что человек этот все время улыбается, глядя на сцену? Может, он знает сюжет пьесы? Галстука на этом приезде из Баку не было. «Значит, любит свободу, не приемлет никакого давления», – решил я.

Мы за занавесом сбились в кучу. Худрук давал последние напутствия:

– Старайтесь в зал не смотреть. Не теряйтесь. Говорите громко, – затем вернулся на сцену и объявил членам жюри: – Мы готовы.

Председатель жюри – главный режиссер государственного драматического театра Губы – кивнул головой, улыбнулся и произнес:

– Можно начинать.

В спектакле я играл Угура, только что вернувшегося с фронта. Это был молодой человек, полный планов о строительстве в родном селе дорог, детского сада и школы.

В первой сцене я выступил не очень хорошо, найти путь к сердцам зрителей мне не удалось. Только в конце послышались редкие аплодисменты.

Во второй сцене я выступал в паре с Нурагой, который играл председателя колхоза Алхана. Я подошел к нему и сказал: «Спасибо, машаллах, вы до неузнаваемости изменили село. Колхоз разбогател, в село воду провели, в домах появилось радио». После этого Нурага-Алхан должен был перечислить новшества, которые еще ожидали сельчан. Но Нурага-Алхан вдруг замолчал и уставился на меня. Я тихонько дернул его за полу пиджака. Он молчал.

Главный режиссер, нервно закатывая рукава рубашки, кашлянул. Нурага молчал. Райкомовский инструктор, тыча своими длинными пальцами чуть ли не в лицо Нураги, крикнул:

– Ах ты... что ж... ты замер? Воды в рот набрал? Говори же!

Но Нурага молчал. Что же делать? Развернуться и дать ему пощечину, чтобы пришел в себя?! Но внутренний голос сказал: «Нет, так нельзя! Возьми себя в руки! Найди выход из положения!» Я потряс Нурагу за плечи:

– Значит, ты хочешь сказать, что Али, самый бедный человек в селе, больше не ест ржаной хлеб? А Мадад, который вечно ходил в рванье, теперь носит костюмы?

– Молодец, сынок, – вскочил с места «приезжий из Баку» и захлопал в ладоши.

У меня от радости сердце аж зашло. А как же?! Мне аплодировали. И не какие-то сверстники, а сам «приезжий из Баку», член жюри.

В зале стояла мертвая тишина. Нурага в задумчивости прохаживался по сцене. Дойдя до середины сцены, он вдруг закричал:

– Да, Угур, сынок, ты еще молод. Но знаний много не у того, кто много учился, а у того, кто много путешествовал. Ты, громя фашистов, прошел полмира. Вот скажи-ка мне, каким ты видишь будущее нашего села?

Вот тут меня прорвало. Разве не о светлом будущем нашего села я мечтал? С широкими улицами, высокими зданиями. Я совершенно позабыл о том, что нахожусь на сцене.

– Отцы, матери, – обратился я к залу и сидящим в первых рядах аксакалам. – Я хочу, чтобы в нашем селе дома строились по плану, вместо узких и кривых улочек проложили широкие асфальтовые улицы и площади. Я хочу, чтобы электричество не только освещало наши дома, но и подавало воду на наши пшеничные поля и возило грузы! Фруктовые сады ломаются от урожая, я хочу, чтобы в наших селах открывались консервные заводы.

Я вышел за пределы текста. Но я должен был сказать все, что у меня лежало на сердце. Вначале я хотел остановиться, но предпочел высказать наболевшие проблемы со сцены, даже если это кому-то не понравится.

– Растет поголовье скота. Нужно построить молочный комбинат. На строительство приходится везти кирпич из Баку. Хорошо бы самим иметь кирпичный завод.

Председатель жюри постучал карандашом по бутылке «Бадамлы», худрук грозил мне кулаком. «Бакинец» выглядел взволнованным. Он расстегнул ворот. Режиссер, вытянув руку, пытался что-то мне сказать, но «бакинец» опустил его руку. ...Наклонившись немного вперед, он все свое внимание сосредоточил на сцене. Его строгий взгляд немного смутил меня. Я уже не знал, что делать. Но останавливаться было уже поздно. И тут я услышал «бакинца»:

– Молодой человек, продолжай, играй роль дальше! Откуда у тебя столько страсти? Твои требования актуальны и идут от жизни. Будь смелее, не бойся! – подбодрил он меня.

И я, подумав: «двум смертям не бывать, а одной не миновать», продолжил с жаром:

– Гудиалчай протекает мимо нашего села, на его берегу можно построить курорт не хуже, чем Карловы Вары. Когда-то в этих местах бывал Кёроглу. Эта земля дала таких пехлеванов, как Сали Сулейман и **Тунч Муса**. Сейчас арена битвы принадлежит их внукам. Если в нашем селе построят спортивный комплекс, то олимпийские медали будут наши. На отрогах Шахдага природа создала естественные условия для лыжного спорта. Пусть Шахдаг станет символом высоты, на которую мы поднимемся. Травы на наших землях шелковые, родники сладкие, как мед, воздух пропитан мятой, а солнечные лучи нежны, как руки матери. Жизнь свою не пожалею за эту землю, за ее овраги и степи!

В зале раздался гром аплодисментов, стучали ногами, хлопали в ладоши, свистели. Раздавались крики: «Да здравствует автор», «Его перо сильнее штыка». Режиссер встал и повернулся к зрителям:

– Тихо, тихо, товарищи! Не нужно мешать нашей работе!

Но его уже никто не слушал. Зал гремел овацией. Режиссер повернулся к «бакинцу»:

– Что будем делать, товарищ автор? Вы создали нам проблему, – проворчал он. – Надо положить этому конец. Выйдите на сцену и скажите актеру, играющему Угура, чтобы не самовольничал. В противном случае я буду вынужден остановить спектакль!

«Приезжий из Баку» широкоими шагами поднялся на сцену. Растрепанной пятерней зачесал волосы назад. Я видел, как он приближается. Мне стало страшно, что мне делать, если он прогонит меня со сцены. Я осторожно взглянул на его лицо. Глаза его горели, губы дрожали. Он подошел ко мне, взял за руку и потянул на авансцену:

– Дорогие зрители, поздравляю вас. Сейчас, на ваших глазах, на этой сцене мы открыли для себя этого смелого молодого и талантливого человека, чья душа и

сердце полны поэзии. Я – автор этого произведения Ильяс Эфендиев. Написанное автором – свято, и никто не имеет права менять в тексте даже одно слово. Но то, что от себя добавил сегодня в произведение Садреддин, всем понравилось. Если добавления актера приносят пользу произведению, то мы должны принять это. Я выражаю свою благодарность руководителю драмкружка и всему коллективу. А молодому актеру Садреддину желаю удачи, кто знает, может, в будущем он станет пламенным поэтом или писателем.

Зал взорвался аплодисментами. Ильяс-муаллим принимал от зрителей цветы, поднимал над головой, а потом передавал их мне. Несмолкающие аплодисменты воодушевляли меня на достижение вершины славы.

На смотре мы взяли первое место. Потом на автобусах нас повезли в Баку. Мы сыграли пьесу на сцене Национального театра. Выдающиеся мастера сцены высоко оценили наше исполнительское искусство и наградили нагрудными значками. Однако ни меня, ни Нурагу стажерами в театре не оставили. И в институт по телефонному звонку нас не устроили. Но еще в Губе, когда Ильяс-муаллим вывел меня на авансцену, сказав: «Садреддин обладает редким талантом! Я поражен его поэтическим даром», он указал мне жизненный путь.

В 1955 году Ильяс-муаллим выпустил свою пьесу «Вешние воды» в новой редакции. Моя роль в этом произведении стала первой главной ролью в моей жизни. Привязала меня к искусству, литературе...

* * *

...Я неотрывно смотрел на дорогу, а слух мой все пытался уловить звук подъезжающей машины! Я себя чувствовал щепкой, которую уносит селевым потоком. И никакой надежды на спасение. Если бы был хотя бы один спасительный лучик света, это придало бы мне сил, я бы все выдержал, вытерпел, выплыл. Но я один, словно в пустыне. Где ты, где же ты, мой Бог, покажи мне свои чудеса. Пусть в этой мертвой пустыне забьет родник «Абу-Земзем».

Я услышал звук подъезжающей машины. Такой звук может издавать только «Волга». Господи, помоги мне! Хотя, может, и не остановится она. «Терпение, терпение», – успокоил я себя. Да, из-за поворота выехала «Волга». Нет... откуда мне такое счастье?! Владелец такой машины не заинтересуется второсортным рестораном. Даже если эта машина остановится, вряд ли ее хозяин возьмет себе попутчика.

Автомобиль, подъезжая ко мне, сбавил скорость, кажется, даже кто-то помахал мне из машины рукой. Я протер глаза. Нет, точно мне оттуда махали рукой. Если машина повернет на площадь, значит, у меня есть шанс. Если же нет, какое мне дело, куда и зачем она едет. «Волга» остановилась у гостиницы «Шахдаг», задняя правая дверь открылась, оттуда вышел человек и раскрытой пятерней зачесал назад свои растрепанные волнистые волосы. Он заправил рубашку под ремень и, широко размахивая руками, уверенными шагами направился ко мне. Если бы у него в руках была палка, то можно было бы подумать, что он сейчас пустит ее в ход. По мере того, как он приближался ко мне, глаза его расширились, а лицо приобретало суровый вид. Ильяс-муаллим?! Да, так и есть.

Какая удача! Как же мне повезло! Я обрадовался как ребенок. Мне захотелось побежать ему навстречу и кинуться на шею, но я не решился. По его размашистым шагам было ясно, что он чем-то недоволен. И было от чего. В свое время он подержал меня, следил за моим творчеством, в выступлениях на пленумах приводил цитаты из моих стихов, защищал меня от завистников, включал меня в группу, когда выезжал в творческие командировки. Конечно, его, желающего видеть меня среди знаменитых и уважаемых людей, не мог не расстроить мой вид: заросший, в потрепанных брюках, в рубашке с оторванными пуговицами, в стоптанных туфлях. Он устремил на меня свой взгляд, способный разрушить гору за моей спиной.

– Что ты тут делаешь, Садраддин? Ты же сейчас должен быть в издательстве, работать. Когда бы я ни встретил Ислама Сафарли, он говорит, что возвращается из «Музгиза», куда ходил за гонораром. Недавно в парке им.Сабира встретил Сулеймана Рустама, сказал, что ты опубликовал его либретто «Журавль». Я порадовался, что у тебя дела идут хорошо – заключаешь договоры с поэтами, заказываешь песни композиторам, заслужил авторитет и уважение... Погоди, – он отступил назад. – Что это за вид, что за борода? Мама здорова ли?

– Да, спасибо.

– Ты здесь, наверное, в отпуске?

– Нет, издательство закрыли.

– Что? Кхе-кхе, – он кашлянул. – Вот как! Твой ровесник Халил Рза со словами «Не хочу свободы по чуть-чуть» ставит на колени советскую империю. В него стреляют, а он от своих идей не отказывается, его воля не сгибается. А закрытие издательства сломало тебя? Здесь почему стоишь?

– Хочу на попутной машине в Баку поехать.

– Отец, если Садраддин хочет поехать в Баку, давай отвезем его на автовокзал и посадим на рейсовый автобус, – сказал Тимучин, вытиравший в это время лобовое стекло.

– Нет, – сказал Ильяс-муаллим, немного подумав. – И потом тут дело довольно сложное, – он подошел к Тимучину, недовольно качая головой. – Сто раз отмерь, один раз отрежь. Не решай все в спешке. – Я напряг слух. – Я слышал, что он начал пить. – Мне хотелось провалиться сквозь землю. – Нет ничего проще, чем проводить его в Баку. Но это не выход. И что делать в такую жару в Баку?

– Я поеду и поругаюсь с председателем Союза писателей Мехти Гусейнзаде, – не выдержал я.

Взгляд Ильяс-муаллима стал жестче.

– Мехти Гусейнзаде – орел. При одном его имени все замолкают. Одно время в нашем Союзе писателей образовалась группа «Саїрарақ» («Серые шапки»). Их глава требовал себе и своим людям привилегии. Говорил, мол, в России Литфонд среднему писателю выделяет и дачу, и машину, и писаря, и повара, и садовника. Говорил: «Чем Толстой лучше меня? Дайте двух секретарш, и я каждый год вам на стол буду класть по «Войне и миру». Но Мехти Гусейнзаде их быстро приструнил. Многие были на ножах с Мехти из-за того, что он в лицо правду говорил, плохое называл плохим, хорошее – хорошим. Но если ты напишешь хорошее произведение, он раскрывал свои объятия. ...Чтобы биться с орлом, нужен орел. Ты только посмотри, кто собрался биться с Мехти Гусейнзаде! Написал бы стоящее произведение! Пока что этого нет. Но когда в прошлом году твои новые стихи вызвали резонанс, Мехти поздравил меня. Он знает, что я тебя опекаю. Почему ты им недоволен? Может, ты хочешь отдохнуть на даче в Переделкино или в Доме творчества в Ялте?

– Нет! Пусть Мехти-муаллим даст мне должность, пусть даст работу, чтобы я работал.

– Какую работу? Тебе дали работу. Ты член Союза писателей. Мехти Гусейнзаде выделил тебе в центре города трехкомнатную квартиру. У тебя хорошее перо. Пиши на злободневные темы. Если ты писатель, то должен подставить плечо своему народу. Проблем много, какую назвать? Хочешь работать – работай, пиши.

– Нет, я хочу показать себя. Гордиться своим творчеством.

– Я прекрасно понимаю тебя, Садреддин, – сказал Ильяс-муаллим. – Тебя волнует твое будущее, твое творчество. Это меня радует. Ты ищешь пути выхода. Но ты выбил мяч за пределы поля. Не оправдал моих надежд. И все же я не позволю тебе сломаться. Может, пламя творчества еще не вошло в твою душу, не потекло по венам? Вот я испытываю счастье, когда ставлю последнюю точку в своем произведении. Знаю, что меня будут поздравлять, слать телеграммы, звонить. Но откроет ли

мое произведение какую-нибудь закрытую дверь, станет ли лучиком надежды для сломленного? Мои произведения – это барабаны, бьющие тревогу. Я хочу слышать отголоски этого барабанного боя, хочу, чтобы они гремели еще громче. Но ведь и ты писатель, Садреддин, ты обязан принести славу своему народу. Садреддин, я верю, что ты поднимешься на Олимп, причем опираясь только на свои руки, ногтями и зубами вгрызаясь в горную твердь. Иди, садись в машину!

Мне показалось, что, если я помедлю, он силой затолкает меня в машину. Его слова, полные укоризны, словно острые ножи пронзали мою душу. Я хотел как-то отвертеться, но Ильяс-муаллим приказным тоном сказал:

– Иди!

Я понимал, что его расстроил мой убогий и несчастный вид. Помогать всем, кто искал у него помощи и поддержки, было в природе Ильяс-муаллима. Он любил меня. Кто-нибудь другой, увидев меня на дороге в таком состоянии, проехал бы мимо.

...Жизнь этого писателя, обогатившего нашу литературу гуманистическими образами, сама могла стать темой для захватывающего романа. Еще в молодые годы его произведения часто попадали под запрет. Но мир не без добрых людей. Главный редактор газеты «Коммунист» Али Велиев не раз вырывал его из рук палачей, спасал его, когда двери ада уже готовы были открыться перед ним. Писатель, немало пострадавший в свое время, не мог остаться безучастным к моей судьбе.

...Мы сели в машину. Тимучин нажал на педаль газа. Парк с кипарисами и чинарами остался позади. Доехав до перекрестка, Тимучин сбавил скорость и посмотрел на Ильяс-муаллима.

– Отец, куда ехать? В Баку или к тете? – спросил Тимучин.

Летние месяцы Ильяс-муаллим проводил на курортах Кисловодска. А когда возвращался в Баку, останавливался на несколько дней у своей сестры Махбубе в Губе, покупал ее детям одежду и школьные принадлежности. Затем встречался с доярками Сусая, Будуга и Хыналыга – эти встречи организовывались райкомом. Ночуя в шатрах пастухов, он любил рано утром пройтись босиком по нескошенной траве.

– Куда торопиться, за нами никто не гонится. Уже два дня в дороге. Садраддин, давай отдохнем в каком-нибудь прохладном месте, – предложил Ильяс-муаллим и, повернувшись, посмотрел на меня. – Ты хорошо знаешь эти места, где здесь можно хорошо отдохнуть?

Меня будто кипятком ошпарило. Мать тяжело больна, брат лишился доходного места. Пригласить домой было делом невозможным.

Что мне делать? Как решить эту проблему? Слова Ильяс-муаллима «ты хорошо знаешь эти места», означали, что я должен все организовать. И слова «где здесь можно хорошо отдохнуть?» вовсе не означают, что мы можем сесть на берегу реки и попросту ополоснуть ноги. Это может означать шашлык из молодого барашка на шампурах, с пылу с жару. Тушеная курица, мясо теленка в собственном соку, зеленые гутабы с домашним гатыгом! Но все это не дают за спасибо. Да, нелегко придется мне сегодня.

Я всегда был готов служить Ильяс-муаллиму. И вовсе не для того, чтобы он включил мои книги в издательский план и отправил меня представителем на съезд в Москву. А потому, что он человек слова и чести, готовый отдать всего себя за правое дело. На заседании Президиума Союза Писателей решался вопрос творческой командировки в Германию азербайджанских писателей. Я был удивлен дипломатическими способностями Ильяс-муаллима. Любезно выслушав каждого, он обратился к писателям: «А может быть, мы отправим пару молодых писателей в эту командировку? Они – наше будущее и наша надежда. Сегодняшняя Европа – это модернизм и многие другие литературные тенденции. Молодежь быстрее перенимает инновации. Они могут добавить от себя что-то новое в современное развитие. В результате наша литература станет богаче и привлечет читателей. Давайте пошлем молодых и

активных писателей». Предложение было принято. Только ради этого дипломатического решения вопроса я был готов устроить пир для Ильяс-муаллима.

Но куда мне вести гостей, может в курортную зону Гашреш?

С заведующим курорта Бабой я ходил вместе в детский сад и в школе мы сидели за одной партой. Позже, когда с руководством района мы приезжали сюда, он выбегал нам навстречу со словами: «Да, Садрадин, мой друг детства», пытаюсь таким образом заработать себе очки.

Так в чем же дело, чего я так боюсь? Деньги уходят, в основном, на водку и вино. А Ильяс-муаллим в жизни никогда не пил. И я соберу себя в кулак, потерплю, не буду пить. «Может быть, мне удастся как-нибудь выкрутиться из сложившейся ситуации, – подумал я, – отведу в сторонку Бабу, и скажу ему: Выручай брат, мы же с тобой друзья детства, мой гость знаменитый писатель. Он заменил мне отца. Накрой нам стол, только дорогие блюда не подавай. Подай легкие салаты. Гонорар за мои новые стихи уже в пути, дня через два-три расплачусь с тобой». Надеюсь, он мне поверит и не оставит меня в неловкой ситуации.

– Тимучин, вези нас к источнику Гашреш. Жара стоит такая, что люди спасаются в лесах. Отдохнем там, – сказал я.

Тимучин не ответил.

– Да, источник Гашреш, – сказал Ильяс-муаллим и на минуту задумался. Потом добавил: – У этого источника много народу бывает?

– В домиках мест свободных нет! Приходится накрывать столы на скалах. Некоторые вынуждены есть стоя, возле буфета. Все роднятся здесь. Знакомые и незнакомые угощают друг друга.

Ильяс-муаллим кивнул.

– Люблю я такое согласие и единство. Мое сердце радуется, когда люди доброжелательны к друг другу, – сказал он и легонько хлопнул Тимучина по плечу.

Машина взяла курс в направлении источника Гашреш. Вдали виднелся Шахдаг, впадина в середине напоминала седло. Асфальтовую дорогу по обе стороны обрамляли торжественно выстроенные в ряд чинары.

Чем ближе был Шахдаг, тем лучше становилось на сердце. От прохладного воздуха по телу пробежала сладостная дрожь. Через открытое окно салона машины наполнился запахом трав и луговых цветов, крики пастушков, отгоняющих назойливых кузнечиков, напомнили мне мое детство, которое прошло в этих краях. Прямо здесь, в лесах Гашреша, я пил воду, которая набиралась в листья лопухов, набивал живот мушмулой, боярышником и орехами и, наполнив свою тележку сухим хворостом, распевая песни и пританцовывая, приезжал на городской базар. Эти леса и кормили меня, и одевали, научили меня не склонять голову перед трудностями и вдохновили меня на поэзию.

Машина бесшумно двигалась по лесной дороге. Увидев с правой стороны восклицательный знак на указателе, Тимучин нажал на педаль тормоза, и машина снизила скорость.

Впереди тракторы разбивали скалу, рабочие в желтых спецовках кирками и ломами копали рвы. Экскаваторщик зачерпывал своим большим ковшом камни и песок и высыпал в кузов рядом стоящей машины. Часть песка высыпалась, не дойдя до кузова, поднимая клубы пыли. Ильяс-муаллим захотел открыть дверцу машины.

– Отец, что ты делаешь? – сказал Тимучин и убрал его руку с ручки дверцы. – Не выходи, сейчас проскочим. Мне часто снится наше путешествие в Сарсанг. Хочу забыть об этом, как о страшном сне.

– Не говори так. А что делать тем, кто днем и ночью работает в таких условиях? Они содержат семьи, растят детей и делают наше будущее светлее. Пыль и смрад Сарсанга осели в моих легких и крови, сынок. И однажды эти камни и пыль золотыми строчками пролились на лист бумаги. Я написал роман «Көрпүсаланлар» (в русском

варианте «Кизиловый мост» – **Ред.**). Останови машину! Я хочу выйти. Посмотри на яму, которую оставил после себя бульдозер. Там, сбоку, должен быть древний полноводный арык, называется арык Шихмамеда. Меценат по имени Шейх Мамед провёл его. Бульдозерист не обратит на это внимания. Забьет еще невзначай.

Мы вышли из машины, и вдруг к нам навстречу выбежал запыхавшийся, чисто выбритый, раскрасневшийся молодой человек:

– Уберите машину отсюда! Экскаватор может повредить ваш автомобиль! – увидев, что его просьба осталась без должной реакции, прораб спросил у Ильяс-муаллима: – Простите меня, кто вы? Мне знакомо ваше лицо. Я вас где-то видел? – он снял очки, вытер их о сатиновый пиджак и снова надел. – Кажется, да, в деревне Галахудат. Мы строили там ферму. Руководство совхоза планировало провести с вами встречу. Да, я вспомнил. Вы писатель! Ильяс-муаллим, этот экскаваторщик – стахановец. Он выполняет работу десятерых рабочих. Любит, когда его хвалят. Если о нем что-то напишут, рабочая производительность у него станет еще больше. Но прошу вас, уберите отсюда свою машину. Поезжайте через лес, – и указал в сторону холма. – Я попрошу ребят, они спилят несколько деревьев и откроют вам дорогу.

«Как это спилят деревья и откроют дорогу? – задумался я на секунду. – Это тот самый лес, где за каждое спиленное дерево, за каждую сломанную ветку лесничий Бахтияр мог учинить страшную расправу. И правильно делал! И деревья, и реки, и птицы, и человек свою жизнь должны прожить сполна».

Я только хотел открыть рот, как Тимучин подошел к прорабу и сказал:

– Товарищ, ничего не надо. Нет никакой нужды рубить деревья. Я сам смогу найти дорогу и выехать.

Ильяс-муаллим направился к площадке, где работал экскаваторщик. «Стахановец» остановил свою работу, высунул из окна кабинки голову.

– Нет, ты посмотри, что делается, – недовольно качая головой, сказал Ильяс-муаллим. – Разве может быть такая безответственность? – он повернулся к прорабу. – Ну, экскаваторщик – подневольный человек, он выполняет приказ, как вы говорите, работает за десятерых. Но вы ведь – образованный, грамотный специалист. Ваша работа должна прославлять вас. Поэтому вы должны знать, что находится вокруг вашего объекта, исследовать каждый сантиметр.

– А в чем дело, Ильяс-муаллим? Кабель здесь не проходит, канализационных линий нет. Стройка идет по плану.

– А этот арык, вы что, не видите его? Этот арык – исторический памятник.

– Где вы здесь видите исторический памятник? Если здесь был бы памятник истории, я бы тоже его заметил! – но увидев строгий взгляд Ильяс-муаллима, прораб опустил глаза. – Ильяс-муаллим, чем вы недовольны?

– Иди сюда, – он взял прораба под руку. Они направились в сторону арыка. Ильяс-муаллим остановился возле куста ежевики. – Я говорю про этот арык. На первый взгляд здесь нет никакого движения. Но если присмотреться, то ты увидишь, как внизу тихо течет вода.

– Не могу поверить своим глазам, вода из арыка течет вверх.

– Да, этот арык был проведен по уникальному расчету. Вода под действием своей силы течет из ущелья в селение Деведабаны в предгорьях Губы.

– Получается, что этот шейх жил в селении «Деведабаны» и провел туда воду из реки Гудиялчай? – спросил прораб.

– Нет, Шихмамед жил совсем в другой деревне. Там у него, если выразиться современным языком, была хорошая вилла, пышные сады и родники.

– Тогда почему он провел этот арык в селение Деведабаны?

– Величие души и благородство воодушевляют людей на благотворительность. В селении Деведабаны была засуха, и люди, жившие там, страдали, были лишены возможности вспахать и засеивать свои земли. И арык, проведенный для них Ших-

мамедом, вернул жизнь этим землям. Были заложены сады и огороды. Помогать людям – это традиция нашего народа. Такие люди как Гаджи Зейналабдин Тагиев, Муса Нагиев появились не на пустом месте. Они создавали рабочие места, открывали школы и театры. Зейналабдин Тагиев потратил несколько миллионов, чтобы провести шолларскую воду в Баку.

Прораб виновато почесал за ухом.

– Где у нас такие возможности?! Я занимаюсь мелкой работой. Прокладываю мост над оврагом. Мне дали план, и я должен его выполнить.

– Как тебя зовут, сынок? – спросил Ильяс-муаллим.

– Я Зульфугар, внук каменщика Хашемина.

Ильяс-муаллим повернулся ко мне:

– Садраддин, вы можете написать очерк про труд людей, которые здесь работают. Мосты, соединяющие людей, могут вдохновить наших писателей-романистов. Здесь есть очень богатый материал для газеты «Молодежь Азербайджана». Мосты, проложенные над оврагами и реками, объединяют страны, народы и культуры. Репортаж можно называть «Мост Зульфугара».

Для профессионала достаточно одного знака, а я не из тех, до кого все туго доходит. Я хорошо понимал, что этим очерком Ильяс-муаллим хочет снова меня вернуть в мир литературы. Он пытался раздуть из искры пламя.

Зульфугар медленно поднял голову и отвел в сторону покрасневшее лицо:

– Простите меня, я должен идти, мне нужно отпустить бригаду на перерыв.

Наступила тяжелая тишина. В этом лесу я хорошо знал каждый куст, различал шелест листьев, трескотню насекомых. Но что это за шум? Как будто в лесу кто-то бился на мечах. Звуки ударов топоров о стволы деревьев напоминали пулеметную очередь. Казалось, деревья стонали и просили пощады, но палачи были безжалостны, и удары сыпались один за другим. Люди, рубившие деревья, не были бессердечными. Но нужда в хлебе насущном и обязанность перед семьями делали их черствыми. Чувство чести и совести наполняет душу человека, но не кормит его.

– Ильяс-муаллим, во многих странах мира много голодных, нищих людей. В Мозамбике, Танзании дети рождаются больными. Почему люди не живут, как люди? ООН твердит о создании процветающего мира. Много говорят, дают пустые обещания. При этом каждый день в мире от голода умирает триста тысяч человек. Бог создал этот мир и все его блага для того, чтобы люди были здоровыми. Один японский писатель сказал: «Я не люблю людей». Это его беда, но во многих случаях мы тоже не видим человеческого единства.

– В целом я согласен с тобой. Но давай поговорим конкретнее!

– С удовольствием. Со мной часто такое происходило. Я покупал билет на спектакль, который давно хотел посмотреть. Но двери театра были закрыты. Выяснилось, что спектакль отменили из-за того, что билетов было продано недостаточно. А как же те люди, которые отложили свои дела, выкроили время, купили билеты и пришли на спектакль? Почему они должны быть лишены возможности посмотреть спектакль?

Ильяс-муаллим расстегнул ворот рубашки. Казалось, ему не хватает воздуха.

– Ты задел мое больное место. Конечно же, это неуважение к зрителю. Этот вопрос выносился на заседание коллегии в Министерстве культуры. Я говорил, что если в зале есть хотя бы один зритель, то спектакль должен быть сыгран.

– А если быть справедливым до конца, то как, скажите, может существовать театр, если продается всего один билет? Чем платить работникам театра, как расплатиться за коммунальные услуги?

– Садраддин, ты опять попал в десятку. Меня очень тревожит, что театр сам себя должен содержать. Как ни стараюсь, ответа на этот вопрос найти не могу. У меня есть возможности решить эту проблему. Спектакль по моей пьесе «Ты всегда со мной» успешно был сыгран на сцене. На нем присутствовал первый секретарь ЦК

Гейдар Алиев. Ему очень понравился спектакль. После его окончания он собрал всех нас, похвалил работу ведущих актеров, оценил режиссерские находки, отметил, что драматургия Джафара Джаббарлы играет большую роль в азербайджанской литературе. Я стоял в сторонке и слушал его, он подошел поприветствовать меня, и я, пользуясь случаем, затронул проблему самоокупаемости театра. Он внимательно меня выслушал, а потом, смеясь, сказал: «Ильяс-муаллим, я вижу, вас очень тревожит этот вопрос, думаю, некоторые наши министры услышат вас и подготовят дельные предложения. Государство должно заботиться об искусстве. Задача литературы и искусства заключается в том, чтобы воспитывать в людях высокие чувства. Я двумя руками голосую за то, что спектакль должен быть сыгран, даже если в зале всего один зритель. Может, в этом спектакле зритель найдет ответ на долго мучавший его вопрос. Может, просмотренный спектакль поможет решить какие-то его семейные или производственные проблемы. И если даже этот один-единственный зритель придет на спектакль дважды, труппа должна выступить перед ним. Человек должен быть выше всего»... Вот так-то, дорогой Садреддин, у нас сложная профессия. Поставив точку, ты думаешь, что выразил свою мысль, но уже через минуту понимаешь, что ничего не написал, и опять хватаешься за перо. В Национальном драматическом театре ставятся спектакли по моим произведениям. Роман «Не оглядывайся назад, старик» переведен на многие языки. Мои повести и рассказы известны во всем мире, поток писем от читателей не прекращается. А что в итоге? Я был бы более счастлив, если бы мог выдать замуж девушку-хлопкоробку, которая трудится под знойным солнцем Кюрдамира. Каждое произведение – это частичка души автора, его переживаний. Хотелось бы, чтобы мои произведения, как кинжал, рассекали все препятствия. Чтобы обезумевший от любви Меджнун в поисках своей Лейли мог бы найти пути для воссоединения с ней. Хочу, чтобы мои произведения были призывом против землячества, родства, коррумпированности.

Ильяс-муаллим замолчал. Потом вдруг, повысив тон, словно рядом были плохо слышащие люди, сказал:

– Не останавливайся! Молчание, застой – означает разложение. ... Муза не прощает измены. Но эта муза может поднять на своих крыльях до небес того, кто служит ей верой и правдой. А с тобой дьявол сыграл злую шутку, ты запутался в его сетях. Ты поддался дьяволу, и муза отвернулась от тебя. Когда писатель сбивается с дороги, он теряет себя, как поезд, сошедший с рельсов.

Меня прошиб холодный пот, губы пересохли, мне трудно было глотать. Меня душил кашель, я не мог издать ни звука.

– Тимучин, мне трудно дышать из-за этой пыли, в бардачке есть что-нибудь, чтобы смочить горло? – спросил Ильяс-муаллим.

– Нет, отец, ничего нет. Но впереди есть магазин, если хочешь, я могу купить там бутылку, – сказал он и хитро улыбнулся мне.

Я не сдержался:

– Знаешь что? Мне ничего не нужно, – сказал я.

– Вообще-то я имел в виду холодную бутылку «Бадамлы», – сказал Тимучин.

«Умри, Садраддин, так тебе и надо. Он испытывает тебя. Ты должен выдерживать. Сталь закаляется под молотом» ...

Ильяс-муаллим протянул мне мандарин, который он вытащил из бардачка.

Это как бироте – вначале дают подзатыльник, а потом булочку? Хочет утешить меня? Но кто бы смог проглотить подобный упрек? Я молча, терпеливо сносил свой позор. Боль, поразившая меня у подножия Шахдага, вновь овладела мной.

Тимучин въехал во двор ресторана, мы вышли из машины. Я проводил Ильяс-муаллима, чтобы он смог умыться с дороги. Сейчас мой друг Баба выбежит к нам навстречу и радостно скажет: «Мы жаждали тебя, поэт, где тебя носит? Ты несешь с собой благословение. Когда ты здесь, даже листья на этих деревьях превращаются

в деньги», – и поведет нас к самому лучшему домику.

Родник находился в овраге. Веяло прохладой, цветы у обочины дороги были только что политы. Я вдохнул полной грудью. Нарциссы, досыта напившись влаги, гордо подняли свои головы. Глядя, как ветер колышет лилии и тюльпаны, я вспомнил последние аккорды симфонического мугама «Кюрд овшары» Фикрета Амирова.

А вот и Баба! Но я не слышу привычных слов восторга при виде меня. Не вижу его расплывающейся по всему лицу улыбки. Где теплые объятия, где горячие поцелуи? С поджатыми губами и сведенными к переносице бровями, с кислым лицом Баба нехотя подошел к нам.

– Эх, оборвалась твоя ленточка, поэт, да, оборвалась, – сказал Баба.

Меня как будто ударило током:

– Что значит «оборвалась ленточка»? Что ты этим хочешь сказать?

– Откуда мне знать? Но так говорят ашуги, когда не везет с костями. А твоя ленточка точно оборвалась.

Меня сковал ужас.

– Нет, ничего не оборвалось. Я этого не позволю. Я пришел к тебе с Ильяс-муаллимом. Он непьющий. Да и я тоже перешел на «сухой закон». С нами у тебя не будет большой растраты. Прошу тебя, обслужи нас.

– Ты имеешь в виду писателя Ильяса Эфендиева?

– Да, это великий писатель.

Баба задумался на мгновение. Потом взглянул на меня и хитро улыбнулся.

– Ильяс-муаллим дорогой гость для меня. Мне ничего не жалко для него. Но ты сбился с пути и ленточку свою оборвал. И даже если ты приведешь сюда весь Союз Писателей, это тебе не поможет!

Я вытащил из кармана удостоверение Союза писателей и сунул ему под нос:

– Возьми это в залог!

Баба покрутил в руках удостоверение и помахал им, как веером:

– Скоро сюда придут инкассаторы государственного банка забирать выручку.

Ты предлагаешь сдать им твое удостоверение? Извини, ничем не могу помочь. Вот видишь в первом домике человека, это главный прокурор Хачмаса. Клиент должен быть таким! Я ему еще ни выпивки, ни шашлыка не поднес. А он пачку денег выложил передо мной. В ресторан нужно так ходить, а не как ты, с пустым карманом. Ты был достойным человеком, и у тебя денег куры не клевали. И я гордился тобой.

– Все, что ты говоришь, истинная правда. Но у меня сложная ситуация. Жаль! Конечно же, сытый голодного не разумеет, – сказал я. – В надежде на тебя я привел сюда моего гостя! Как мне теперь быть?!

– Погоди, не пори горячку. У писателя если нет денег, то уж точно есть Бог над головой, – сказал Баба и улыбнулся. – На «Второй просеке» делают лесозаготовки. Рубят электропилой, топором, как попало, грузят на машины и вывозят. Лесорубы хорошие деньги там зарабатывают. Ты профессионал в этом деле. У тебя есть опыт. Для тебя срубить дуб и разрезать на куски – раз плюнуть.

– Кто дает разрешение?

– Лесничий, дядя Бахтияр.

– Интересно, узнает он меня, если увидит?

– Да даже если и не узнает! Дружба-дружкой, а денежки счет любят. Так что ты подайся лучше на «Вторую просеку». Тебе покажут, какие деревья нужно рубить. Разрубишь ствол на бруски и соберешь в тележку, а дядя Бахтияр переведет твою работу в кубы и на месте расплатится с тобой.

– А как же топор, большой железный клин, – где я их возьму?

– Он все сам даст тебе. Погоди, рука руку моет, – с этими словами он быстрыми шагами направился под навес, где на углях жарился шашлык.

Я увидел свет в конце тоннеля, и мне стало как-то легко дышать.

«Если топор будет острый, то срубить дерево не составит труда. А разрубить на бруски и сложить в тележку дело легкое. Пока Ильяс-муаллим будет отдыхать с до-роги, я успею вернуться и заказать хороший стол, – подумал я. – Только вот на «Вторую просеку» путь не близкий. Пешком это займет не меньше часа. Погоди, почему это пешком? На машине Тимучина поеду», – решил я. Вернулся Баба и протянул мне полную сумку.

– Возьми это, передашь бригадиру Саше, – сказал он.

Тимучин проверял масло в машине. Увидев меня, он опустил капот машины и пошел мне навстречу.

– Хороший шанс. Отец отдыхает в гостинице. Вот прямо сейчас и разберемся, где черное, а где – белое. Давай присядем вот на эту зеленую траву и сыграем в нарды. Я покажу тебе мастер-класс. А если тебя это расстроит, выпьешь кувшин холодной воды, и все пройдет!

– Да! Ну что ж? Только не забывай что это моя родина Губа. Никто не мог победить мифического героя Ахиллеса, пока его нога касалась земли. Послушай, как шелестит листва над головой. Она уже сейчас аплодирует моей победе. Но, к сожалению, Тимучин, я не смогу с тобой сыграть. Мне срочно нужно ехать в лес на «Вторую просеку».

– Почему? Что-то случилось? – Тимучин серьезно посмотрел на меня.

– Ничего особенного. Не беспокойся. Приближается зима, и люди запасаются дровами. Матери нужны дрова на зиму. Через час вернусь.

– Это для тети Саяд? Пойдем, конечно. Лень и апатия одолевают человека на курортах. Уже сколько времени я не занимаюсь в спортзале, не поднимаю штангу, не боксирую. А в лесу я хоть немного разомнусь.

Через несколько минут мы были на уже знакомой мне «Второй просеке». Чем дальше мы пробирались, тем гуще становился лес. То тут, то там слышался стук топоров. Этот стук, как лай бешеных собак, терзал мою душу. А известно ли тем счастливицам, которые сейчас отдыхают у родников, под тенью раскидистых ветвей, о трагедии деревьев? А ведь именно корни деревьев, проходя через подземные камни и скалы, напиваясь соком земли, питают эти родники, делая их чистыми и звонкими!

Дядя Бахтияр сразу узнал меня.

– Где же тебя носило все это время? Тебя и не узнать, вон как вымахал, возмужал. А все потому, что ты вырос в этих лесах. Именно физическая работа в лесу стала фундаментом для твоего здоровья. Несмотря на твой небольшой рост, ты проворнее всех взваливал на плечи тюки с сухим хворостом. Я слышал, ты стал писателем? Только очень уж нервная работа у писателей. Возвращайся ко мне. Осенью яичница с зеленью, а зимой – шашлык из кабана. А работа для тебя всегда найдется!

Сашу мы нашли возле заготовленных дров. Все его лицо было в древесной пыли. Он пожал мне руку, и я почувствовал его мозолистую ладонь.

– Ого, какие люди! – сказал Саша, широко улыбаясь.

Я протянул ему сверток, переданный Бабой.

– Это Баба прислал тебе.

– Ух ты, красавчик Баба! Битый парень. И знакомства хорошие имеет с нужными людьми. И клиент хороший, – сказал Саша и открыл сумку. – Вот это да! Ну, молодец! Зелень, овощи! А это что такое? Шашлыки, тушеное мясо, антрекоты! Да тут еще две бутылки «Московской» есть! – Затем обернулся к нам с Тимучином: – Значит, я помогу вам срубить два дерева, затем распилим их на бруски и сложим в тележку. А дядя Бахтияр посчитает деньги за два куба и отдаст вам.

Тимучин снял рубашку и бросил ее на ближайший куст. Подняв над головой топор, он, что есть силы, ударил по стволу дерева. Топор со звоном отскакивал, словно от камня. Мышцы на руках и спине Тимучина постепенно начинали раздуваться.

– Молодец, настоящий Геркулес – сказал Саша, глядя на Тимучина. – Seriously взялся за дело. Но даже если он срубит его, толку не будет. Слишком узловатый ствол у этого дерева. Если ствол не распиливается по стандарту, то древесина считается негодной. – Сказав это, Саша откупорил бутылку, сделал несколько глотков из горлышка. У меня потекли слюнки, и я звучно сглотнул слюну. «Будь что будет, была, не была», – подумал я и схватился за горлышко бутылки, но Саша подался назад, и моя рука повисла в воздухе. Мне стало стыдно, что у меня вырвали бутылку.

– погоди, не конец же света... Жди своей очереди, – с насмешкой сказал он. Я как будто пробудился от тяжелого сна.

– Здесь неучтенных деревьев не осталось, мы все срубили, – сказал Саша. – Завтра придет комиссия и проведет ревизию. Вы можете подождать до завтра?

Увидев, что я замялся, Саша сказал:

– Ну, раз вы принесли с собой топоры, значит, деревья должны быть срублены и распилены сегодня. Молодой человек, – он протянул руку, – вы видите два фиштакковых дерева на холме? Как они прекрасны. Они могут прожить еще тысячу лет. Только я их спилю под корень и присыплю землей!

– Как у тебя только рука поднимается? Тебе не жаль? Эти деревья делают наш воздух чище, радуют глаз, ветки служат домом для птиц, служат прибежищем для зверей и насекомых.

– А что мне делать? Что-то уходит, что-то приходит. Это закон жизни. И это не мной придумано. Я отец, и у меня тоже есть мечты и желания. Такие крутые парни, как вы, приезжают сюда на пикник с красивыми девушками, а я сыну велосипед не могу купить. Девушки не могут выйти замуж потому, что у них нет достойного приданого. Я должен семью свою содержать, а зарплата – кот наплакал.

– На чужом несчастье счастья себе не построишь, – сказал я. – Каждое дерево все равно, что клад.

Я вышел из леса в подавленном состоянии и с пустыми руками. Бессилие и неспособность что-то сделать тяжелым грузом давили на плечи. Застолье для гостей не состоится. Сейчас я не то, что бутылку, но целую бочку бы выпил. Тогда бы мне море было по колено. На глаза Ильяс-муаллиму показаться было стыдно. Я не мог найти выхода из сложившейся ситуации. Может, вернуться к Саше и забрать у него бутылку? Но что будет потом? Если я сорвусь, то придется проститься со всеми моими планами. Броситься с вершины «Qizil Qaya». Но нет, Коран запрещает самоубийство. Бог не прощает таких вещей. Нужно проводить Тимучина и вернуться к роднику, – думал я, подходя к машине.

Тимучин остановил машину возле калитки. Баба, увидев нас издалека, пошел к нам навстречу и взял меня под руку.

– Ну вот, я решил все твои проблемы, – и, повернувшись в сторону мангалов, кликнул властным голосом: – Эй, ребята, там, в домике с правой стороны, напротив родника, накройте хороший стол. Заставьте стол самыми лучшими закусками и напитками, – приказал он.

Ужас сковал меня, я не знал, как буду расплачиваться за все это...

...Но Баба сказал:

– Водитель Тахира Султанова принес запечатанную коробку и сказал, что это – посылка для поэта. Коробка в кабинете. Пойдем, вскроем и посмотрим.

Я открыл коробку. Здесь были костюм, туфли, рубашка и галстук.

– Это письмо тоже для тебя, – сказал Баба и протянул мне письмо.

Я взял конверт и на минутку задумался. «Это тот самый Тахир – дипломат, политик, филантроп, могущественный бизнесмен, поэт, который знает всему цену. Здесь же не театр, чтобы мне наряжаться. Может быть, ему стало известно о моих трудностях? Может быть, в конверте и деньги есть?!» Я вскрыл конверт. Денег не было, но было письмо.

«Садраддин, – писал Тахир, – я сидел с гостями из Баку и видел, как вы выходили из машины. Я послал водителя на склад. Надень эти вещи. Ильяс-муаллим – знаменитый писатель, если он водит с тобой дружбу, значит, доверяет тебе. Спасибо ему за доверие. Держись за него крепко! Пусть он гордится тобой, этим ты и нас порадуешь. Извини, я срочно должен отвезти гостей в Баку».

Баба взглянул на этикетку костюма:

– И рубашка, и галстук – отличного качества, – сказал он, и широко улыбнулся.

– Тахир опять ставит меня в неловкое положение, – сказал я.

– Да ладно тебе, он может себе это позволить. Для него это капля в море, – сказал Баба и закрыл коробку.

– Баба, ты деловой человек и знаешь цену всему. Как ты думаешь, сколько все это может стоить? – спросил я.

– Точную цену не скажу. Но в Красной слободе все это сметут в мгновение ока. Барыга Симон легко даст за это 500-600 рублей.

Я ничего не ответил, но по коже пробежал холодок. Я чувствовал, как мои губы расплываются в улыбке и постарался скрыть свою радость. Теперь я спокойно могу сесть за богато накрытый стол, который подготовил для нас Баба и расплатиться за все посредством этого дорогого подарка.

Родник находился в ущелье. Чистый, прохладный воздух наполнял долину. Морось в голубоватом небе дрожала, как тюлевая занавеска. Высохшая от пота рубашка прилипла к моему телу и жгла меня.

Чем ближе мы подходили к роднику, тем темнее становилось в лесу. Беседки у подножия горы светились неоновым светом. Построенные на железобетонных основаниях, сложенные из белого камня, они издали привлекали внимание. Между беседками и родником был постелен ковер. Официантки в белых передниках проворно бегали туда-сюда.

С левой стороны пиროвала группа людей во главе с краснолицым прокурором, которого Баба представил как богатого человека. Шашлыки из мяса и курицы подносились с пылу, с жару. На стол подавались и тарелки с долмой, и плов на подносах. Я подошел к Бабе, который наблюдал за пиршеством. Увидев меня, прокурор поднял свое тучное тело и, вытерев губы салфеткой, сунул ее себе в карман.

– Эй, Баба-муаллим, что за неучтивость? Почему ты не приглашаешь за мой стол этих уважаемых людей? – и подошел к нам. – Для представителей интеллигенции нам ничего не жалко. Ничего, что лицо заросло щетиной, глядишь, завтра станет депутатом или секретарем райкома. Вот, – он протянул руку в сторону протекавшего внизу арыка, – вы давеча уехали куда-то на машине, а этот пожилой человек, который приехал с вами из Баку, какой-то странный.

Тимучин нахмурил брови.

– Вы имеете в виду Ильяс-муаллима? Что вас удивило в нем? – спросил я.

– Да как сказать, он подошел и встал возле арыка, смотрел, как течет вода, на камни на дне реки, будто с ними разговаривал, пошел вдоль арыка и вон там, на лужайке, присел на корточки и стал умываться. Видно, жара замучила его. Только он показался мне знакомым, где-то я его видел. Кто этот мужчина?

– Писатель, поэт, знаменитый драматург. Ильяс Эфендиев, – сказал я.

– Надо же! Что вы говорите?! Надо же, какое везение! Моя жена не пропускает ни одного спектакля по его пьесам, а потом целый месяц в доме только и слышишь, что ее восторги. Все твердит, «Ильяс-муаллим – настоящий писатель, так точно все выразил». Я тоже читал его книги. Несколько раз он был награжден орденами. Все это замечательно. Теперь все ясно. Но вы видите вон ту поляну, – он указал на открытую поляну среди скал. – Да, видите, на поляне стоит граб?

– Да, видим, – сказал Тимучин. – И что с этим деревом не так?

– Не знаю! Но Ильяс-муаллим крутился вокруг этого дерева и что-то бормотал.

Потом подпер свисавшие ветки, стал гладить листья молодого карагача, который растет рядом с грабом. После отошел и прислонился к скале. Прости меня, муаллим, я человек далеко не глупый, но понять действия Ильяс-муаллима я не могу.

– Все ясно. Скорее всего, Ильяс-муаллим на той поляне репетировал постановку новой пьесы. А граб, молодой карагач, скалы – все это живые артисты.

– Ах, вот оно что. Тогда у меня есть просьба к нему, как вы думаете, не откажет он? – сказал смущенно прокурор.

Тимучин озабоченно повернулся ко мне и хитро улыбнулся:

– Этот занятный дядя, наверное, хочет занять большую должность в республиканской прокуратуре.

Баба дал команду: «Писателям, прибывшим из Баку, должен быть оказан наилучший прием». Официанты поставили стол в тени раскидистого граба. Смуглая кудрявая официантка с локонами, спадавшими ей на плечи, казалось, работала не только руками, но и глазами, и бровями, делая какие-то знаки. С засученными до локтей руками, она расправляла скатерть на столе, выбраковывала, если попадались, старые вилки и ложки и, нахмутив брови, торопила шашлычника.

– Назлы, Назлы, – крикнул ей Баба.

– Слушаю, дядя Баба, – отозвалась девушка.

– У меня в кабинете есть новый японский обеденный сервиз. Принеси его и займись сервировкой!

Кудрявая официантка помахала нам платком, приглашая к столу.

Арык делил поляну на две части, потом, разбиваясь о скалу, струился вниз. Под сверкающими лучами солнца водопад сверкал, как выкрашенные белой краской железные крыши в дождливый день.

Раскидистые ветки граба колыхались на ветру. Вода в арыке билась о скалу, издавая звуки, напоминающие звуки настраиваемого тара.

Назлы обратилась к Ильяс-муаллиму:

– Я давно мечтала познакомиться с вами.

– Вот как? Могу вам чем-то помочь? – вопросительно взглянул Ильяс-муаллим на официантку.

– Одну минуту... я хотела кое-о-чем попросить вас! – она быстрыми шагами направилась к подсобному столику, стала что-то искать там, один за другим выдвигая ящики. Наконец достала книгу и, перелистывая ее на ходу, направилась к нам. Ильяс-муаллим делал заметки в своем блокноте. Назлы подошла к нему и осторожно положила книжку перед ним. Увидев книгу Ильяс-муаллим широко улыбнулся.

– Вот уж не думал, что моя книга может дойти до такой глухой деревни.

– Весть об этой книге дошла до нашей деревни раньше, чем сама книга. Мы заказали ее через «Азеркитаб», и нам из Баку прислали двести экземпляров. В течение двух дней все было распродано. Не могли бы вы дать свой автограф? – сказала Назлы и ткнула указательным пальцем в титульный лист.

– Конечно же, могу! Только мне интересно, ты нашла в этой книге что-то полезное для себя?

– Конечно, все рассказы читаются с большим интересом. Рассказ «Унесло потоком Сару» написан с болью, каждая страница пылает огнем. В честь Сары даже есть песня «Унесло потоком Сару», каждый раз, когда я слышу ее, я хочу, чтобы эта река высохла. Но Сара из вашего рассказа – не покорная, она не бессловесная. Примером отваги ей послужили небезызвестные Томирис, Хаджар.

– Да-да, – сказал Ильяс-муаллим и провел ладонью по волосам. Писатель видел плоды своего труда, видел, что его старания и бессонные ночи не пропали зря.

– В песне Сара бросается в реку, выражая таким образом протест против насилия и общественного мнения, – сказала Назлы, – но сейчас времена изменились, сейчас женщина имеет право голоса, может выбрать себе любую профессию, везде только и говорят о свободе женщины. Но, к сожалению, есть еще те, кто считает рождение девочки в семье несчастьем, они спешат выдать своих дочерей за кого угодно, только бы поскорее избавиться от них.

– Да, особенно в южных регионах. Очень жаль! Видимо, просветительская работа проводится в этих местах недостаточно, – покачал головой Ильяс-муаллим.

– Но в нашем селе есть девушки, которые борются за свои права. Одна из девушек, которая не хотела выходить замуж за пожилого, нелюбимого человека, не стала лить слезы, паниковать и просить помощи у матери, просто дала прочитать своему отцу ваш рассказ «Сара» из этой книги.

– Да, молодец, очень отважная и современная девушка. А был результат?

– Конечно, был! Отец расторг помолвку, и эта девушка сейчас учится в университете на факультете филологии.

– Очень смелый поступок. Об этом можно написать что-то очень интересное, – сказал Ильяс-муаллим и многозначительно посмотрел на меня. – Ну, что скажешь? Можно написать очерк-портрет, а для радио можно написать лирическую новеллу, – Ильяс-муаллим продолжал тактические атаки, желая вернуть меня к творческой деятельности. Затем он обратился к Назлы: – Та девушка – герой. Разрешите мне подарить эту книгу той героической девушке. Ты можешь назвать мне ее имя?

– Могу. Ее зовут Назлы.

Ильяс-муаллим подписал титульный лист книги и протянул ее девушке.

– Передай эту книгу Назлы.

– Спасибо. Но книга останется у меня.

– Почему у вас?

– Потому что я и есть та самая Назлы, – сказала девушка и смущенно опустила голову.

– На каком факультете университета ты учишься?

– На факультете филологии. Я учусь заочно. А еще я пишу стихи и рассказы.

Ильяс-муаллим протянул Назлы ручку с золотым пером.

– Это перо приносит удачу. Все, что я написал этим пером, было опубликовано. Я дарю его тебе. Дарю, чтобы ты могла написать красивые стихи и рассказы, которые могли бы вдохновить читателей на борьбу с несправедливостью.

– Не знаю, может, отцы правы, что хотят поскорее выдать своих дочерей замуж? – сказала Назлы, и на ее глаза навернулись слезы. Потом еле слышным голосом спросила: – Что вам принести?

Настал момент истины. Я должен опередить Ильяс-муаллима и сделать заказ. Баба оценил подарок Тахира в пятьсот-шестьсот рублей. Мне не жаль потратить эти деньги на застолье!

– Назлы-ханым, мы сильно проголодались! Принесите нам чего-нибудь вкусенького, только не скупитесь. Пусть всего будет вдоволь. И жареное, и отварное, и кутабы не забудьте, – сказал я.

Вскоре наш стол ломился от обилия блюд.

Аромат тушеного мяса и свежее испеченных лепешек сводил с ума. На шампурах мясо чередовалось с кусочками белого курдюка. Соус из уксуса с чесноком возбуждал аппетит.

Но выше нас, в домике с зелено-красными шарами, стояла мертвая тишина. Собравшиеся здесь раболепствующие чиновники изредка протягивали руки, брали со стола хлеб с сыром и в ожидании указаний напряженно наблюдали, как первый секретарь жадно ел руками лучшие блюда ресторана, игнорируя столовые приборы.

– Товарищ Новрузов, почему, когда ты ешь, у тебя шевелятся уши?

Но Новрузов ничего не ел. «Как могут шевелиться уши, если я ничего не делаю?», – хотел возразить секретарю Новрузов, но не рискнул.

– Так точно, товарищ Омаров, мои уши больше не будут шевелиться, – и прикрыл руками свои уши.

– Открой свои уши! Боже, кто меня окружает! Где ум кончается, там глупость начинается. До тебя и так все туго доходит, а если ты еще и уши прикроешь, вообще превратишься в бревно. Я же приказал, чтобы ты привел ко мне этого Ильяс-муаллима! В чем дело?

– Как только я его ни просил, он все равно отказался.

– Почему? В чем причина?

– Никакой особенной причины нет. Сказал только «Спасибо», и все.

– Нужно было уговорить его! Сказал бы: «Первый секретарь часто говорит о вас. На рабочих совещаниях дает нам ценную информацию о ваших зрителях. Он почитает за честь посидеть с вами. Вы великий писатель. Мы часто видели вас вместе с руководителями государства, они часто ходят в театр на ваши спектакли. Глава государства наградил вас орденами и медалями, сделал вас Народным писателем. Мы в долгу перед вами». Ты сказал ему все это?

– Конечно, конечно! Я все сказал, товарищ Омаров. Я еще сказал, что мы помним, как в прошлом году он навестил свою сестру, которая живет в нашем совхозе «Бахарлы». Там постоянно отключался свет. Мы никак не могли решить эту проблему. Но стоило вам один раз позвонить в Баку, и с тех пор в совхозе и днем, и ночью есть свет. Наш секретарь товарищ Омаров очень уважает и любит вас, – сказал я.

– Да, хорошо сказал. А он что ответил тебе?

– Сказал, передайте ему мой привет. Но что я могу сделать, ко мне пришло столько друзей. Я не могу уйти и оставить их здесь. Пусть секретарь простит меня.

– Садись на место, бездарный. Партийный работник должен уметь даже иголку из стога сена достать. Придется самому заняться этим делом.

В соседних беседках кипела жизнь. Вдруг из-за накрытого напротив нас стола поднялся коренастый парень:

– Слава Ильяс-муаллиму! Большое уважение и почтение великому писателю! – выкрикнул он. Смех тут же прекратился. Увидев, что внимание всех обращено к нему, парень продолжил: – Удивительная штука жизнь, Ильяс-муаллим. Я вашу пьесу «Не могу забыть» не на сцене театра, а на борту корабля, в далекой Испании смотрел.

Ильяс-муаллим поднялся.

– Что-что? В Испании? На борту корабля? Когда?

Парень пожал руку Ильяс-муаллиму. Он был взволнован и возбужден, большие черные глаза блестели.

– Ильяс-муаллим, разрешите пришвартоваться к вашему столу? – спросил он.

– Конечно, буду очень рад. Присоединяйтесь! Морякам на суше, везде, где им понравится, есть место, – сказал Ильяс-муаллим и улыбнулся. Тимучин усадил гостя.

– Меня зовут Сахават, – сказал парень. – Долгое время я работал матросом в Каспийском пароходстве, плавал на корабле. Потом выучился, стал капитаном. Когда выпадало время, любил читать книги. У вас есть одно произведение – «Не оглядывайся назад, старик». Правда, немного печальное. Все, что остается позади, считай, потеряно. Так и проходит время, выливаясь в дни и годы. Все прошедшее сродни старым, вышедшим из употребления деньгам.

Ильяс-муаллим повернулся в мою сторону:

– Садреддин, наш моряк – тоже поэт!

– Потому что моряки, не успев отчалить от одного берега, попадают под очарование другого берега. Тоска по дому, по земле ни на минуту не покидает их. Они становятся сентиментальными и ранимыми. В небесной выси, в широте горизонта, в переливах волн есть поэзия, – заметил я.

– Ильяс-муаллим, а хотите знать, что мне понравилось больше всего в том романе? – спросил парень.

– Да, это было бы очень интересно. Что же вам понравилось? Может быть, живописная природа Гарабага или искренняя привязанность народа к земле?!

– Это самой собой, Ильяс-муаллим! Но в Гарабаге один аксакал по имени Байрамали носит при себе маузер.

– Так...

– Читая роман, я все ждал, когда выстрелит этот маузер. Но маузер так ни разу и не выстрелил. Но если бы, не дай Бог, маузер выстрелил, то соловьи из Туршсу, с родника Исы, покинули бы эти места. И прекрасный воздух Гарабаха потерял бы свою чистоту и прозрачность, все было бы отравлено, и тогда мир музыки был бы лишен таких певцов, как Сейид Шушинский, дядя Хан, Бюльбюль.

– Ты правильно уловил мысль, понял, почему оружие не выстрелило...

...В наступившей тишине послышалось блеяние. По тропинке в нашу сторону направлялись мужчина и женщина. Мужчина, привязав веревку к рогам барана, изо всех сил тянул упирающееся животное.

– Шахназ, зачем так мучить животное? Грех это. Если его нужно зарезать, давай я быстро разделаюсь с ним.

– Да погоди ты, Сулейман, дай мне доставить жертвенного барашка на место, – не сдавалась жена. Потом рукой показала в сторону Ильяс-муаллима: – Я так долго ждала, когда он приедет на родник Гашреш! Уже вся деревня знает о его приезде. Весь народ собирается сюда. Сегодня здесь будет праздник. И этот жертвенный барашек должен быть зарезан у его ног. Я же при тебе не раз повторяла этот обет.

Ильяс-муаллим поднялся навстречу женщине и попытался ее успокоить.

– Дочка, к чему все эти хлопоты и подарки! Вы ставите меня в неловкое положение. Если чем-то могу вам помочь, то не стесняйтесь, говорите. Сделаю все, что в моих силах. Если дети ваши хотят поступить в бакинский институт, пусть приезжают в Баку, мой сын Тимучин поможет подготовить документы и сдать их, куда нужно. Если у вас проблемы со здоровьем, я позвоню в министерство здравоохранения и договорюсь с врачами. Если вы хотите устроиться на работу, с удовольствием помогу. Но все это не стоит ваших хлопот!

– Нет, Ильяс-муаллим, мне ничего не нужно, я пришла выразить вам благодарность, – сказала женщина. – Сейчас я очень счастлива, – она смущенно потупила глаза. – За это я должна сказать спасибо Богу на небесах, и вам – на земле. А причиной всему ваш рассказ. Благодаря этому рассказу, я стала самым счастливым человеком на земле.

– Да? – Ильяс-муаллим смущенно закашлял. – Ханым, счастье в руках Бога и судьбы. Но и у слова есть сила строить города и рассекать скалы. О каком же рассказе идет речь?

– Вот мой муж, его зовут Сулейман. Он тракторист, для него трактор – это и работа, и развлечение. Когда я училась в девятом классе, он признался мне в любви. Сказал, что любит меня больше, чем Меджнун свою Лейли. Я прямо ответила ему, что никогда не выйду за него. Я подумала, он всего лишь тракторист, зачем он мне нужен. Но вот мне в руки попал ваш рассказ «Кирщик и красная роза». Я прочла этот рассказ. В нем прекрасная девушка, которой я даже в подметки не гожусь, влюбляется в кирщика. Я как будто пробудилась от тяжелого сна. Сомнению не было больше места. Подобрав подол юбки, я побежала в сторону, откуда раздавался звук работающего трактора. Прибежала и села к нему в кабинку. С тех пор я самый счастливый человек на свете. Ни в чем он не отказывает мне. Я так сильно его люблю, что мазут и солярка для меня сейчас все равно, что аромат духов.

– Шахназ, мне здесь резать этого барана, или живьем отправим в Баку? – спросил Сулейман.

– Нет-нет, зачем в Баку? – запротестовал Ильяс-муаллим. – Весь народ здесь собрался.

Люди, рассевишиеся, где придется, накрыв импровизированные столы, поднимали свои бокалы и со словами «Живите сто лет, Ильяс-муаллим», «Да будет ваше перо острым», опустошали свои бокалы. Я не мог расслабиться, с одной стороны чувство зависти (да-да, я должен в этом признаться!), с другой – запрет на выпивку, раздражали меня. Однако я должен как-то присоединиться к торжеству, произнести тост за здоровье драматурга. Выпив водки, я сразу стану смелее, язык развяжется, зрочки расширятся, и я смогу рассказать о великодушии мастера, о том, как он протягивает руку помощи утопающим, помогает подняться упавшим, служит опорой беспомощным. Я взял в руки запотевший стакан, холодный пот прошиб меня.

Я с завистью смотрел, как Ильяс-муаллим хмелеет от народной любви. Я положил стакан: «Нет, я тоже должен покорить эти вершины, и на крыльях вдохновения увековечить себя в памяти людей».

Вся поляна была заполнена людьми. Все стремились на торжество в честь Ильяс-муаллима, хотели перекинуться с ним хотя бы одним словом, сфотографироваться с ним на память.

Помощник первого секретаря райкома Новрузов вышел из домика, где обедал первый секретарь. Он спустился по ступенькам, отстранил рукой официантку, которая побежала к нему навстречу, подошел к нашему столу и встал напротив Ильяс-муаллима.

– Ильяс-муаллим, наш первый секретарь накрыл стол, соответствующий вашему положению, – сказал он и показал рукой в сторону домика. – Да, товарищ Омаров ждет вас, чтобы начать пиршество в вашу честь. Нам тоже будет приятно послушать ваши мудрые речи. Ну, давайте, вставайте, пойдём!

– Большое спасибо. С товарищем Омаровым я незнаком, но вижу, что он очень гостеприимный!

– Да, он говорит о вашем творчестве на собраниях районных интеллектуалов. Он очень уважаемый человек и планирует избрать вас почетным гражданином нашего района. Пойдемте, познакомьтесь с ним поближе.

Ильяс-муаллим посмотрел на Тимучина. Тот вскинул плечами, как бы говоря «Не знаю». Это не прошло мимо взгляда помощника.

– Ничего страшного, этот молодой человек тоже может пойти с нами.

– Этот молодой человек – мой сын. Искусствовед, ученый.

– Очень хорошо. Просто замечательно. Идемте же, и мне не будет стыдно перед первым секретарем. Потом прямо отсюда мы отправимся в гостиницу райкома. Вы можете отдохнуть там пару недель. Я сам буду у вас в услужении. – Вдруг он резко повернулся и впился в меня глазами. – Но... ммм... – замаялся он, – если не секрет, кто этот заросший человек, который сидит возле вас? Может быть, это ваш шофер? Ну что с того, что шофер? Нельзя так неуважительно относиться к хозяину, – сказал он, осуждающе посмотрев на меня. – Ты не можешь сесть где-то в другом месте?

Я не помню, как схватил бутылку. Мне хотелось или разбить эту бутылку о голову райкомовского прихвостня, или опустошить ее до дна. Но если бы я выпил всю эту бутылку, я бы потерял себя, и свет моего пера погас бы навсегда. Нет, я должен вернуть свою музу, которой когда-то изменил.

Помощник секретаря нагнулся и взял Ильяс-муаллима под руку:

– Ну давайте, поднимайтесь. И насчет этого шофера не переживайте, я сейчас прикажу, и ему принесут и плов, и жаркое, и льявянги. Я сам лично выберу для него самые жирные куски шашлыка.

– Думайте, когда говорите. Сто раз отмерь, один раз отрежь. Не следует принимать за бродягу каждого встречного, – сказал Ильяс-муаллим, лицо его изменилось, глаза метали искры. – Этот человек – замечательный поэт. Оригинальность его

состоит в том, что его слова – иглы. Он не скользкий, как мыло. Его образы на первый взгляд такие же запутанные, как его волосы и борода. Но если приглядеться внимательно, то эти образы светятся изнутри. Он не преподносит свои произведения в виде халвы своему читателю, они твердые и раскусить их не так-то просто. Если бы я не встретился с этим замечательным поэтом у «Yoxuş başında», я бы никогда сюда не приехал. Конечно, я не жалею что приехал сюда, здесь я воочию смог увидеть плоды своего труда. Это мой друг по перу. Даже в самом маленьком поэте есть величие Физули. Что с того, что он в спешке не побрился? Да и одежда изношена. Главное, что у него чистое сердце, и он очень любит свою профессию. Я не могу оставить раненого товарища по оружию, поэтому никуда не пойду. И потом, посмотрите сколько у меня гостей. Передайте мою благодарность товарищу Омарову.

Помощник секретаря посчитал меня недостойным Ильяс-муаллима. И краснолицый прокурор, который вытирал вспотевшее лицо и шею, недовольно мерил меня взглядом. Директор завода, у которого нос свисал, как хохолок у индюшки, встретившись со мной взглядом, скривил лицо. Я был унижен и оскорблен. Нет, я должен положить конец всему этому. Но как? Может быть, мне сбежать к реке и помыть свои туфли, хорошенько отряхнуть пиджак? Но как мне быть с бородой? От бороды мне не удастся избавиться. Вся надежда на подаренный костюм, который находился в кабинете у Бабы. В нем я буду выглядеть очень достойно. Хорошо, допустим, что я надел одежду, но кто будет платить по счетам за этот прием?

Баба встретил меня у двери:

– Что случилось? За тобой гонятся? Почему ты покинул пиршество?

– Ты не видишь, в каком я виде? Я выгляжу как оборванец.

– Возьми эту бритву и приведи себя в порядок. Распакуй коробку и надень на себя все эти вещи.

– Вот это да! Я не узнаю тебя, Баба, не верю своим ушам! Что-то случилось?

– Мы друзья с детства. И как бы там ни было, я не оставлю тебя.

– Не понимаю. Еще час тому назад ты был груб со мной, а теперь изменился?!

В чем секрет этой игры?

– Знаешь что? Я твой самый близкий друг, не так ли? Но такой жалкий алкоголик мне тоже не нужен. От бездарного сына и мать может отвернуться, и родня. Я был с тобой груб, чтобы дать тебе понять, что ты стоишь на краю обрыва и, пока не поздно, нужно повернуть обратно. В районе все отвернулись от тебя. Теперь я вижу, что ты понял свою ошибку и вернулся на верный путь. Погоди-ка, дай-ка я посмотрю на тебя, нет, ты не похож на алкоголика, – он приблизился, обнял меня, а затем крепко обнял. – Молодец, ты не пил сегодня, никакого винного запаха, ура! Значит, есть надежда! Для такого, как ты сейчас, я готов на все! Стало быть, твоя совесть просыпается, и это замечательно. Ну, иди, переоденься и возвращайся к столу, не задерживайся.

– Нет! Это категорически невозможно. Я не хочу быть твоим должником. Я не прикоснусь к подаркам Тахира, пусть остаются здесь. Они с лихвой покроют расходы за прием в честь Ильяс-муаллима. И мы будем с тобой в расчете!

– Не говори глупости. О расчете мы с тобой потом поговорим. Сейчас секретарь райкома придет к Ильяс-муаллиму. Ты прилично должен выглядеть там. Улучи минутку и прочти там свои стихи. Намекни, что ты родом из Губы. Я попросил Ильяс-муаллима замолвить за тебя словечко, чтобы тебе нашли работу в райкоме. Будешь мне опорой среди важных людей. Станешь работать, дела пойдут хорошо. Торопись, не задерживайся, – сказал Баба.

Своим дружеским расположением и заботой Баба вернул меня к жизни. Можно заработать все богатства мира, но потерять друга невыносимо – все равно, что живо похоронить человека. Какое счастье, что Бог вернул нас друг другу!

По лестнице домика официанты с трудом спустили широкое, мягкое кресло.

Помощник секретаря сделал знак и кресло поднесли к Ильяс-муаллиму. Ильяс-муаллим спросил:

– Зачем нужен этот трон? Я очень удобно расположился, и меня окружают такие же простые люди, как и я сам.

– Нет-нет! Вы не беспокойтесь. Это кресло первого секретаря. Он хочет с вами повидаться. Хочет сесть возле вас.

Ильяс-муаллим закашлял.

– Ну что же, только здесь много места, посадите, куда хотите.

Двери домика с шумом распахнулись. Баба, стоявший у лестницы, взглянув наверх, громко кашлянул. Официантки в белых передниках вытянулись в струнку. Назлы подошла к Ильяс-муаллиму:

– Это наш секретарь, он сейчас подойдет к вам, – шепнула она ему.

Секретарь был плотным широкоплечим человеком, нос картошкой. Держась руками за перила, он старался удержать равновесие. Своим видом он напоминал военачальника, принимающего военный парад. Секретарь тяжело спустился по ступенькам, сложил руки за спиной и уверенно, тяжелыми шагами подошел к нашему столу. Ильяс-муаллим встал и, указав на кресло, сказал:

– Проходите, садитесь на ваш трон.

– Я очень рад видеть вас здесь, Ильяс-муаллим, – сказал секретарь. – Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Вы часто бываете на официальных и торжественных приемах главы государства. Как партийные и государственные работники, мы тоже рады служить вам. Это морально-этические нормы. Но я послал к вам своего человека с просьбой, – он обернулся назад и посмотрел на своего помощника.

Помощник стоял по стойке смирно, потом еле слышным голосом сказал:

– Товарищ Омаров, я очень просил Ильяс-муаллима, чтобы он поднялся к вам.

– Да, это верно, я получил приглашение. Спасибо за внимание. Но я не хотел мешать вашему отдыху, – тихо сказал Ильяс-муаллим. – И потом, я не мог оставить своих друзей и гостей. Они все пришли повидать меня, мы проводим время в теплой дружеской обстановке.

– Ну что ж, замечательно, – сказал секретарь и краем глаза оценил накрытый стол. – Но я хотел бы сделать несколько организационных изменений, – он стал осматриваться по сторонам. – Где Баба? – сердито спросил он.

– Я здесь. Что прикажете, товарищ Омаров? – сказал Баба и вышел из тени. – Чего-то не хватает? Если что не так, вы только скажите, все будет сделано.

– Перенесите это кресло в более просторное место. Здесь все давит на меня. Работникам глобального мышления требуется простор. Партийный деятель должен говорить и действовать в большом диапазоне.

Идя вслед за официантами, несущими его кресло, он недовольно смотрел на людей, которые устроили себе трапезу, усевшись, где придется. Потом приказал:

– Баба, приборы и скатерть Ильяс-муаллима срочно замени! Пусть принесут самые приличные блюда. Есть рыба без костей? – спросил он.

– Какая хотите, причем свежая. По вашему приказу развожу в бассейне.

– В конце подашь шашлыки. А как насчет французского коньяка?

– Да, товарищ Омаров, причем коньяк, производства фирмы «Lama-Lansen», который пьет сам президент Франции. Дай Бог вам здоровья. Мы знаем ваш вкус, товарищ Омаров.

Товарищ Омаров равнодушным, холодным взглядом пробежал по сидевшим за столом. Дойдя до меня, он на мгновение задумался. Потом обратился к Ильяс-муаллиму:

– Этот симпатичный парень, который сидит рядом с вами, мне знаком. Мммм... Не могу вспомнить, где я его видел. Вспомнил! Я видел его по телевизору. И, если я не ошибаюсь, он тоже писатель. И зовут его, по-моему, Насреддин.

– Все верно, он замечательный поэт. А зовут его не Насреддин, а Садреддин. Он ваш земляк, из Губы. Он занимал ответственную должность в Баку.

– Нет, Ильяс-муаллим, я далек от принципов землячества и родства. Я с уважением отношусь к людям, которые с большой ответственностью и рвением сердца выполняют свои партийные обязанности.

– Садреддин очень честный и мужественный поэт. Он хороший организатор. Он может стать вашей правой рукой. Дайте ему должность. В случае необходимости мы можем предоставить официальное письмо из Союза писателей.

– А почему Союз писателей не дает ему должность?

– Как вы хорошо знаете, наша партия и правительство стараются распространять культурно-просветительскую работу на окраинах. Я бы хотел, чтобы вы стали одним из первых, кто присоединится к этому лозунгу.

– Ммм... – пробормотал товарищ Омаров. Наткнулся камень о скалу. Ильяс-муаллим обосновал просьбу политическим мотивом. – Ммм... – секретарь сел в свое кресло, откинул голову. – Хорошо, пусть прочтет свои стихи. Посмотрим, какой это поэт, – решил, наконец, товарищ Омаров.

Настал мой час. Необходимо было любым способом завоевать доверие секретаря. Я могу получить должность, а это власть, авторитет, уважение. Для меня откроются новые возможности, я смогу построить дом, летом отдыхать на курортах. Я подскочил с места, повернулся к секретарю, но не как к официальному лицу, а как к отцу, старшему брату, как к своему спасителю. Своими стихами я должен был показать, что зову людей в светлое будущее.

*Дайте мне свет – и не простой,
Схвачусь всем существом за луч его,
Пройду без страха чрез все испытания,
Сам стану светом для других.*

Секретарь бросил вилку в тарелку и поднялся.

– Стой! Дальше продолжать не нужно! Это не стихи. Это абсурд. Вы видели этот самый свет? Советские люди покоряют небеса. Настало и ваше время расправить крылья и летать. А ваша муза мечется в темноте. Нет, это не наша дорога! Она противоречит нашей политике. Вам нужно определиться с выбором пути, молодой человек – сказал он и скривил лицо. Затем, повернувшись к Ильяс-муаллиму, сказал: – Дорогой Ильяс-муаллим, вы настоящий народный писатель, видный идеолог партии и правительства. Первый бокал я хочу поднять за ваше здоровье. Что вы будете пить? – он поднял руку и щёлкнул пальцами: – Э...э... Баба, где ты?

Баба подошел к Ильяс-муаллиму.

– Что вы будете пить? – повторил секретарь. – Коньяк, виски, бренди, ром, может быть, более натуральные напитки, тутовую или клубничную наливку? – посмотрев на Бабу, он спросил, чуть повысив тон: – Баба, в чем дело? Будь расторопнее. Наполни бокал коньяком. Ну, поднимите бокал, Ильяс-муаллим. Желаю вам крепкого здоровья и вдохновения.

– Простите, – сказал Ильяс-муаллим. Он слегка покраснел. – Спасибо вам за внимание и проявленное уважение. Ваши пожелания искренни и идут от сердца. Но я не пью алкогольных напитков. Простите, ради Бога. Ни разу в жизни не пробовал.

– Ммм... – пробормотал секретарь и оглядел окружающих.

Еще недавно краснолицый прокурор почернел от страха. Он постучал пальцем по столу и, чтобы как-то разрядить ситуацию, решил выступить в роли заступника секретаря.

– Ильяс-муаллим, коньяк очень полезен для сердца. Он расширяет стенки сосудов, разгоняет кровь, зрение становится более острым, открывает аппетит. Поднимите свой бокал, давайте выпьем. И настроение у всех поднимется. Мы не часто

ходим на пикники. А пикник, устроенный первым секретарем, вообще вещь редкая! А после я произнесу еще один тост!

Ильяс-муаллим не любил два раза повторять одно и то же, поэтому он поерзал на месте и хмуро поглядел на прокурора. Секретарь взглянул на коренастого гостя, который сидел напротив него, явно ожидая от него поддержки своего предложения.

Директор Сумгайтского каучукового завода с носом, похожим на хохолок индюшки, сказал:

– Да, товарищ секретарь, я пью за этот тост, – с этими словами он залпом опустошил свой бокал, заев соленым огурцом, потом вытер платком выступивший на лбу пот и, смеясь, обратился к Ильяс-муаллиму: – Конечно, это не первый раз, когда мы можем поднять бокалы в честь Ильяс-муаллима! – и, оглянувшись по сторонам, сказал: – Кто у нас тамада, наполните мой бокал.

Секретарь нахмурил брови, не видя поддержки директору завода.

Заметив это, Ильяс-муаллим сказал:

– Ну, что поделать? Давайте чокнемся бокалами. Я обниму вас крепко, как своего родного сына, – и кивком головы указал на Тимучина. – Но пить не буду. Я дожил до глубоких седин и никогда не пил.

Секретарь не привык, чтобы ему прекословили. Он повел плечами и поднял голову:

– Все понятно. Значит, даже на самых серьезных мероприятиях вы не пьете. Но в этот раз вы выпьете. Я скажу такой тост, что вы выпьете весь бокал до последней капли, – сказал секретарь.

Ильяс-муаллим молчал. Неуместное, бессмысленное упрямство секретаря удивило его.

Вдруг губы секретаря съезжились, глаза заблестели, лоб сморщился. Ведь его предложение не было встречено одобрением.

– Вот что я вам скажу, Ильяс-муаллим. Я поднимаю этот бокал за лидера Коммунистической партии Советского Союза, за великого Ленина! Такой тост игнорировать нельзя, поднимите свой бокал!

Ильяс-муаллим вздрогнул. Лозунг «Коммунистическая партия» и «Великий Ленин» прозвучали как пощечина. Его всегда улыбчивое лицо нахмурилось. Он столкнулся с самым грубым шантажом в своей жизни и не видел выхода из сложившейся ситуации, но при этом он не мог позволить, чтобы его считали врагом народа, Коммунистической партии и Ленина. Ему вспомнился Али Велиев, который в свое время спас его из ада. Где теперь Али? Кто-то коснулся его левого локтя. Он оглянулся, это был его сын, кивком головы он успокоил отца и поднялся.

– Уважаемый товарищ Омаров, – сказал он и улыбнулся, отчего у него на подбородке и щеках появились ямочки, и он стал еще привлекательнее. – Мой отец очень уважает вас. В своих работах он восхваляет идеи Коммунистической партии, бессмертного Ленина. Ильяс-муаллим всей душой служит советской идеологии, но если он отказывается пить, значит, тому есть какая-то причина.

– Кто вы такой? Никто не смеет перебивать меня! Я вам не давал слова. Ильяс-муаллим не нуждается в адвокатах.

– Я сын Ильяс-муаллима Тимучин. Отец хорошо научил меня, где молчать, а где говорить. Ранее отец сказал, что не пьет. Но если бы вы спросили, почему он не пьет, то не возникло бы такого напряжения.

– Что я должен спросить? Слава Богу, у нас богато накрытый стол и вкусная еда!

– Но здесь не хватает одной важной вещи.

Секретарь краем глаза пробежал по столу и сердито посмотрел на Бабу. Баба спросил удивленно:

– Чего недостает? Вы только скажите, я из-под земли достану!

– Спасибо, дядя Баба, – сказал Тимучин и повернулся лицом к секретарю. – Мы возвращаемся из Кисловодска. Утром мы прибыли в город Худат. Нас встретил друг моего отца и первый секретарь Хачмаза дядя Балакиши. Они накрыли нам щедрый стол. Он рассказал нам, что его район получил переходящее Красное знамя по всем отраслям сельского хозяйства. – Рассказывая, Тимучин подмигивал мне, давая тем самым понять, что все это выдумка. Ильяс-муаллим хоть и был рассержен на сына за то, что он несет небылицы, тем не менее не останавливал его и ждал, чем все это закончится. Тимучин продолжал: – Когда дядя Балакиши наполнял бокалы, мое внимание привлекла бутылка с этикеткой «Кремлёвская звезда». Я спросил: «Дядя Балакиши, я никогда и нигде не видел бутылки с такой этикеткой, откуда это?» «Давай выпьем, потом я отвечу тебе на твой вопрос – сказал он. – Я поднимаю этот бокал в честь тружеников Хачмаза, – сказал дядя Балакиши. – Из Москвы нам прислали переходящие знамена, а из Кремля мы получили множество подарков, среди них была и эта бутылка». И представьте себе, что мой отец, никогда не пьющий, с удовольствием выпил эту водку. Конечно, мы часто приезжаем в Губу, товарищ Омаров. В следующем году вы выполните все планы по всем отраслям сельского хозяйства, и переходящие знамена передадут вам, и вы получите такие же подарки из Кремля. И вот тогда мой отец, Ильяс Эфендиев, выпьет с вами за такой тост.

– Почему же на нашем столе нет этой самой «Кремлевской» водки? – ударив кулаком по столу, спросил первый секретарь у Бабы.

– Послушайте, не нервничайте, – сказал Тимучин. – Баба тут ни при чем. В продаже такой водки нет. Об этом мне сказал дядя Балакиши. Эту водку им прислали из Кремля. Ее присылают секретарям райкомов, которые стали победителями в социалистическом соревновании.

– Товарищ Новрузов, а мы не получили переходящие знамена по всем отраслям сельского хозяйства?

– Только по двум-трем отраслям. Мы не смогли выполнить план, – опустив голову, ответил Новрузов.

– Поднимайся! Идем срочно собирать актив. Я сам лично должен заняться этим вопросом. Вы лишили меня такого гостя, как Ильяс-муаллим, – сказал секретарь, встал и, грубо отовинув свое кресло, большими шагами направился к выходу.

Стемнело, но мы не уходили. Я подозвал Бабу.

– Чем могу служить? – спросил он.

– Принеси нам счет! – сказал я.

– Счет давно оплачен, причем, с лихвой.

– Что значит оплачен? Кем?

– Сыном Ильяс-муаллима – это раз, – он стал загибать пальцы, – потом морским капитаном, потом хозяйкой овцы Шахназ-ханым, потом прокурором Хачмаза, потом директором завода из Сумгайыта, все они оплатили счет Ильяс-муаллима.

– Наверное, не нужно было у всех брать деньги, – сказал Ильяс-муаллим и усмехнулся.

– Все эти деньги ваши, – сказал Баба.

– Мне ничего не нужно. Порядок такой: ты должен ответить добром на оказанное тебе радушие. Баба, здесь у тебя все красиво. Попробуй провести горячую воду в гостиницу, – сказал Ильяс-муаллим и пошел в сторону машины...

ПЕРЕВОДЫ ДИНАРЫ КАРАКМАЗЛИ

ВАГИФ САМЕДОГЛУ

*** * ***

Слышишь?..
Но как же ты можешь услышать –
Уши наши в разлуке оглохли,
В разлуке длиною
В два года и семь месяцев.
Да еще этот дождь...
В этот дождь и волки
Желали бы стать людьми
И забраться в теплую постель.

Видишь?..
Но как же ты можешь увидеть –
Еще не пронеслись между нами
Вагоны бесконечного поезда...
В этом дожде вопят от страха
Даже быки со скал Гобустана.

Слышишь?..
Но как же ты можешь услышать –
В этом оглохшем мире,
В разлуке
Длиною в два года, семь месяцев...
Да еще этот дождь.....

*** * ***

Объяли меня до дна души
звуки нежного вальса.
Они зовут меня куда-то –
В некий заброшенный парк
С его влажной прохладой.
В этом вальсе –
Дыханье полей,
Выцветших скамеек скрип,
Канаты мечтаний,
Перекинутых через высохшую реку.
Встает перед глазами
Образ смуглого мальчугана
В безлюдном парке –
Детство мое то преграждает путь,
То, увидев меня, убегает...
Убегает
Под звуки нежного вальса...

МАМЕД ИСМАИЛ

Дороги родины

Стороною радость обходит,
А уж время мое истекает.
В сердце пламень утих,
Друзья отвернулись –
Отвернулся и я от них...
Тот, кто судьбу мою записал,
Мечты по руке читает.
Вместе с мечтами своими сгину...
Оказывается,
Все дороги родины
Ведут на чужбину.

Знает Творец

Откуда меду знать,
Где сладости истоки?..
Спроси об этом у пчел,
Пчелы знают,
Откуда струятся соки.
Знаешь и ты,
Где заночуешь под вечер –
Войдешь в шалаш иль дворец...
Но где проснешься утром
Знает только Творец.

Голубь мира

Что плещешь, голубь, под моим окном?..
И я – как ты.
И я здесь на чужбине.
Зерно ли мне принес или покой в мой дом?
Ты ясноглаз – послание любимой.
Нет, ты душа.
И, разорвав гнездо груди,
Скитаешься, чтоб сеять мира семя.
И я – как ты. И я один.
И тайну жизни не понять.
Ты – облаков седая прядь.
О, ангел мира, чем обеспокоен?
Ты трепетен, как сердца стук.
Не вздох ли матери в тебе решил явиться?
Иль точно знаешь ты, мой друг,
Что этот мир подобен птице...

Морщины на лбу

... не трепещи, как рыба.
Не расправятся сети времени,
хоть тресни.
Морщины на лбу –
бессловесные песни
болей, забот, терпенья...
Самая глубокая из них –
не заветная ли строка
Книги Жизни?
Как знать...
Книги, которую не перестанешь читать.

Кто он?

Маг, у которого иссяк огонь,
река, не достигшая моря,
наездник, чей выдохся конь,
глина, не ставшая скульптурой,
месяц, погребенный в небесах,
фотография в негативе...

Человек, вобравший в себя боль земли...
Или отвергни его, страна,
или прими.
И то пустое, и это пустое...
Куда сам ты не можешь добраться,
слова твои дойдут...

Голова, склоненная перед солнцем,
надежда со сломанным крылом,
лодка с потопленным веслом –
Какое имя ему подходит?
Его зовут –

Мир меня не полюбил

Душу вручил мне ты –
в жертву ее принес тебе я.
Однако ты меня невзлюбил,
Брат мой, мир –
Не позвал на священный пир.
Промокший дождя не боится,
Гол, как сокол,
Уйду я в лоно земли,
Так же бесшумно,
как и пришел...

На позабытом месте

- Откуда спешишь, весна,
по камешкам журча?
 - Из чистого ключа.
 - Откуда идешь, лето?
 - Из садов, где наливаются плоды.
 - Откуда шествуешь, осень?
 - Из времени листопада.
- Откуда бредешь, зима?
- Из мест забытья.

Стою один в своей прошлой жизни
в пору осени золотой.
Солнце – за облаками,
в на сердце- камень.
За кромкой заката стою...

Где я?.. Где я?
Не помню...
Словно в памяти трещина...
Лишь эхо доносит вести...
Стою один
на позабытом месте.

Сомнение...

Мир для него – четыре стены,
чужбина ему заслоняет свет
Его уже не видать
ни там, где он есть,
ни там, где его нет...

ВИЛАЯТ ГУЛИЕВ

ОТ ГЯНДЖИ... ДО АЛТАЯ!

Штрихи к портрету профессора Ахмеда Джафароглу

Когда я впервые услышал имя профессора Ахмеда Джафароглу, всемирно известного тюрколога, нашего прославленного соотечественника?

Хотя немало утекло воды с тех пор, однако сегодня могу с точностью вспомнить – в марте 1974 года! В те далекие дни оба главных официоза бывшего ЦК Компартии Азербайджана – газеты «Коммунист» и «Бакинский рабочий» – с двухдневным интервалом опубликовали явно предвзятую статью одного из наших маститых ученых (ныне покойного) под названием «Ответ клеветнику». В статье, написанной в худших традициях советского агитпропа тех лет, говорилось о якобы враждебном отношении к своей исторической родине и об аморальном облике профессора-эмигранта Ахмеда Джафароглу.

Публикации появились накануне радостного дня ученого.

Да, как ни странно, такое неуместное, даже враждебное «поздравление» или «сюрприз» от родины получил маститый ученый к своему 75-летнему юбилею. Юбилею, который с признательностью отмечался не только в Турции, где он прожил почти всю сознательную жизнь, но и в многочисленных тюркологических центрах мира. И самое досадное заключалось в том, что это наплевательское отношение было продемонстрировано на исторической родине, которую он любил беззаветно, за свободу и независимость которой вел борьбу с оружием в руках и значимую часть научного творчества посвятил ей...

Я здесь не задаюсь целью по прошествии многих лет «разоблачать» ту газетную статью, «песочить» ее автора, как говорится, задним числом. Это было бы, наверное, не столь уместным с точки зрения исторической справедливости и научного такта демаршем. Критиковать минувшее, особенно ныне не существующих его представителей – самый легкий путь. Упомянутая статья вполне отвечала духу эпохи и ничем не отличалась от десятков других книг и статей, нацеленных на отповедь «советологам».

Что касается имени или регалий автора... Может быть, иной человек, рискуя поставить под угрозу свою карьеру, свою размеренную и безоблачную жизнь, уклонился

бы от сочинения явно несправедливого приговора. Однако подобные «научные изыскания» в целом проистекали из сути идеологии и императивов тогдашнего общества, поэтому ненаписание их попросту было невозможно. А кто возьмется поставить свою подпись под заведомо ложной критикой, было вопросом второстепенным. Добровольцы всегда находились.

Ибо было немало желающих продемонстрировать свою политическую бдительность и решительность, идеологическую подкованность и непримиримость в таких ситуациях. Допускаю и наличие идейных товарищей. Требовался только кивок от вышестоящих инстанций.

Итак, в 1974 году была получена команда «разоблачить» честного ученого-эмигранта, а главное, авторитетного и последовательного критика советского строя и коммунистической идеологии – Ахмеда Джафароглу. Кто-то должен был добровольно или скрепя сердце выполнить это поручение. И оно было выполнено. Но, несмотря на научную некомпетентность и явную враждебность, справедливости ради следует отметить и некое позитивное зерно в подобных разоблачительных опусах.

Мы, студенты единственного тогда университета (и думаю, большинство читающей публики), именно посредством этой статьи впервые узнали о нашем соотечественнике – всемирно известном тюркологе.

Что касается его антисоветской и антирусской деятельности, не столь уж серьезно аргументированной вопреки всем попыткам советской пропагандистской машины, умеющие читать между строк люди в глубине души находили суждения профессора-эмигранта вполне справедливыми.

В этом отношении некоторые «антисоветские статьи» были неплохими источниками для извлечения информации на запрещенные темы.

Таким образом, в далеком 1974-м году имя Ахмеда Джафароглу запало мне в память. Как я ни рылся в библиотеках, но почерпнуть дополнительные сведения о нем или раздобыть его книги оказалось невозможным. Но случайных счастливицков также не ожидало ничего хорошего.

Дело в том, что читать или процитировать научные труды Ахмеда Джафароглу вообще не рекомендовалось. Насколько помню, кандидатская диссертация ныне известного ученого, члена НАН Азербайджана Камала Абдуллы была возвращена от ВАК (Высшей аттестационной комиссии) СССР из-за одной-единственной, и притом вроде бы явно не идеологического характера ссылки на исследования Джафароглу о «Китаби-Деде Горгуде». Советские чиновники от науки объяснили вызванному в Москву ученому о нецелесообразности процитирования «врага социалистического общества».

Лишь спустя многие годы, когда было снято табу и открылись пути-дороги, появилась возможность составить более правдивое представление о незаурядной личности, насыщенной событиями жизни Ахмеда Джафароглу, его масштабном научном наследии. В 1992 году моя обширная статья о жизненном пути и научном творчестве нашего выдающегося соотечественника была опубликована в газете «Ədəbiyyat və incəsənət». Это была первая попытка объективного изучения богатого наследия А.Джафароглу.

Удалось узнать, что знаменитый тюрколог и член ряда зарубежных академий, научных обществ Ахмед Джафароглу был истинным патриотом своей родины, настоящим поборником свободы.

Ему, как и другим соратникам-эмигрантам, подвижнически боровшимся за утверждение достойного места своей нации в истории, пришлось с лихвой пережить горечь несправедливостей, хулы и гонений.

Однако, не сворачивая с избранной стези, он сумел прожить долгую, одухотворенную, плодотворную жизнь – как личность, ученый, педагог, организатор науки и общественно-политический деятель.

Эта стезя, начавшаяся с Гянджи – с родины доблестного Джавад-хана, простерлась с годами вплоть до самого Алтая – прародины тюркского этноса, в глубокие пласты истории тюркского космоса, в искрометный мир тонкостей уникального тюркского слова, наконец, в дух и сознание тюркского человека.

Помню беспокойное лето 1988 года. Тогда по инициативе Президиума Академии наук Азербайджана и всесоюзного журнала «Советская тюркология» в Баку проводился первый советско-турецкий коллоквиум по «Китаби-Деде Горгуд». Из Турции прибыли известные тюркологи – Мухаррам Эркин, Ахмед Биджан Эрджиласун, Осман Фикри Серткая, Фикрет Туркмен и др. Все они в свое время были учениками Ахмеда Джафароглу в Стамбульском университете. Азербайджан и Баку ассоциировались в их памяти со своим незабвенным Учителем. При каждом удобном случае они говорили о своем «ходже». Вспоминали его шутки и остроты, его «слабости» перед слабым полом, его ходячие выражения. Говорили о величине его личности, о важности для дальнейшего развития тюркологии его научного наследия, о его неиссякаемой любви к родному краю. Все очень хотели хотя бы на несколько часов попасть в Гянджу, своими глазами увидеть малую родину Учителя.

Для них он и тогда оставался живым мостом между Гянджой и Стамбулом, между Азербайджаном и Турцией, между разобщенными островами великого тюркского мира...

* * *

Один из основоположников тюркологической науки в современной Турции, наш соотечественник Ахмед Исмаил оглу Джафарзаде (Ахмед Джафароглу) родился на исходе XIX века – 17 апреля 1899 года в Гяндже (*в некоторых источниках годом рождения указывается 1895 год, что кажется более правдоподобным – В.Г.*), в состоятельной семье. В трехлетнем возрасте потерял отца, рос под опекой матери Гевхар ханым и близких родственников.

Учиненные в 1905 году армянскими бандами вкупе с царским режимом зверские расправы над местным азербайджанским населением вынудили семью Джафарзаде, как и многих тысяч их братьев и сестер по горю, покинуть родные края. Некоторое время они нашли убежище в Средней Азии – в Самарканде. Здесь Ахмед Джафароглу начал свою начальную учебу в местной русской школе. Языковая полифония Самарканда оставила глубокий след в его памяти и, наверное, сыграла не последнюю роль в дальнейшем формировании. Знакомство с персидским языком и самобытной культурой Центральной Азии также произошло в древней столице Теймурланга.

По возвращении на родину в 1909-1916 годах он учился в Гянджинской мужской гимназии. Успешно завершив среднее образование, был принят на экономический факультет Киевского коммерческого института. Однако смог посещать занятия лишь первые три семестра. После падения царизма повсеместно в бывшей империи с одной стороны царили хаос и смута, с другой росло национально-освободительное движение. В конце 1917 года Ахмед Джафароглу вернулся из Киева в родной город.

Вскоре после объявления исторической Хартии независимости 28 мая 1918 года Азербайджанским национальным советом он оказался в первых рядах приверженцев новой власти. Молодой Ахмед, как и многие ровесники, вступил в ряды бойцов за независимость своей родины. С февраля по август 1918 года служил сначала в составе добровольного отряда, а потом как солдат новосозданной национальной армии Азербайджанской Республики.

Начиная с этого времени до конца жизни свободный, независимый Азербайджан составлял главный смысл жизни ученого-патриота.

Его дочь, известный искусствовед, видный организатор музейного дела в Турции профессор Назан Олчер, в письме, отправленном мне 8 января 2007 года, писала:

«Как вы знаете, мой отец в юном возрасте был вынужден покинуть родные земли и обрел в Турции свою вторую родину. Но место, где человек родился, воздух, которым он дышал сызмала, – это другое дело. До окончания дней каждый тоскует по ним... Естественно, люди науки стремятся уменьшить эту ностальгию иными путями. И в сердцевине трудов отца моего на протяжении всей жизни был Азербайджан. Исследуя и повествуя об истории и культуре своей страны, возвращенных ею великих поэтах, деятелях литературы и государства, он стремился к тому, чтобы молодые поколения не забывали их. Вы знаете, репрессивные политические режимы пуще всего опасаются непредвзято написанных книг по истории и стремятся всех, а в первую очередь юную смену, заставить забыть собственную историю. Поэтому отец мой видел свою цель, свою миссию в увековечении этой истории, этой культуры. И трехцветное знамя свободной Азербайджанской Республики всегда, до последнего вздоха стояло у изголовья его постели...»

Вскоре Ахмед Джафароглу сменил оружие на перо. В 1919 году он стал одним из первых слушателей восточного отделения историко-филологического факультета новооткрытого Бакинского университета. Одновременно сотрудничал с национальной властью – судя по сохранившимся архивным документам, был сотрудником Министерства иностранных дел.

Накануне установления большевистского режима – в апреле 1920 года – он был направлен в соседнюю Турцию секретарём диппредставительства Азербайджана. Дипломатическим представителем в Стамбуле был известный писатель и общественный деятель Ю. В. Чеменземинли. Юсиф Везир являлся выпускником юридического факультета Киевского университета и наверняка знал своего соотечественника студенческих лет. Однако их совместная работа продолжалась недолго. Баку был оккупирован большевиками, национальное правительство пало. С другой стороны, Юсиф Везир как дипломат не проявил гибкости в отношении национально-освободительной борьбы турецкого народа под предводительством Мустафа Кемал паши против Антанты. В результате правительство ВНСТ не захотело работать с ним и его сотрудниками. Из Советского Азербайджана прибыл новый дипломатический представитель – бывший член Парламента Азербайджанской Республики, социалист Ибрагим Абилов. Ставшему для новых властей Турции «персоной нон грата» Ю. Везиру пришлось эмигрировать во Францию.

Перед выбором остался и А. Джафароглу. С потерей дипломатического статуса он стал лицом без гражданства. Надо было каким-то образом легализоваться, иметь более или менее законный статус. Это прежде всего было вопросом личной безопасности. Будущее образование и устройство на работу также требовали стать гражданином определенной страны. Выбор пал на Иран, благо, он в совершенстве владел персидским языком. А иранский паспорт в свою очередь давал возможность свободно путешествовать по европейским странам. Взвесив все за и против, Ахмед Джафароглу в октябре 1921 года стал обладателем паспорта соседней страны и гражданином каджарской Персии под слегка переделанной фамилией Джафарзаде. И он не был исключением. Многие соотечественники-эмигранты так поступали...

Теперь надо было определиться с продолжением образования. Вопрос обсуждался в кругу интеллектуалов, с которыми он уже успел наладить дружеские отношения. Среди них были и соотечественники – Ахмед бек Агаоглу, Али бек Гусейнзаде и др. Преобладало мнение видного турецкого ученого – историка, литератора и государственного деятеля Мехмета Фуата Кёпрюлю (1890-1966) – он упорно хотел видеть А. Джафароглу в числе студентов историко-филологического факультета Стамбульского университета, где с 1913 года был одним из ведущих профессоров. По его внушению бывший студент Киевского коммерческого института решил переквалифицироваться на филолога...

Современная тюркологическая наука в стране рождалась вместе с республи-

канской Турцией. Она стала важной идеологической и стратегической площадкой для национальной идентификации после распада аморфной Османской империи. В ноябре 1924 году по указанию Ататюрка был образован Институт тюркологии (Türkiyat Enstütüsü) под руководством М.Ф.Кёпрюлю. Окончивший в тот же год историко-филологический факультет Стамбульского университета Ахмед Джафароглу стал одним из первых сотрудников этого важного учреждения. Уже в следующем – 1925 году его первые научные труды появились в печатном органе Института – в Тюркологическом Сборнике (Türkiyat Mecmuesi). Они в основном были посвящены анализу последних тюркологических работ в России, в частности в Советском Азербайджане.

В сентябре 1925 года ему удалось добиться стипендии Министерства иностранных дел Германии для продолжения учебы и получения степени магистра наук. Это давало возможность совершенствовать свои знания в области тюркологии в немецких университетах, считавшихся традиционно сильными в данной области. В течение полугода (один семестр) Ахмед Джафароглу занимался в отделе восточных исследований Берлинского университета под руководством таких прославленных специалистов, как Вилли Банг-Кауп (1869-1934), Дидрих Герман Вестерманн (1875-1956), Макс Юлиус Фридрих Фасмер (1886-1962).

В ноябре следующего года он уже находился среди магистрантов силезийского университета Фридриха Вильгельма в Бреслау (*ныне Вроцлав в Польше – В.Г.*). В этом немецко-польском городе Ахмед Джафароглу провел три года, работая над своей докторской диссертацией, посвященной фольклору и диалектологии Азербайджана. Одновременно посещал курсы ученика известного Теодора Нельдеке профессора Карла Брокельмана (1868-1956) по якутскому языку и древнетюркской письменности, профессора Фридриха Гизе (1870-1944) по современному турецкому языку. Как видно из регистрационных книг университета Бреслау, здесь он также занимался церковнославянским языком и исторической грамматикой польского языка, не забывая, конечно, и освоения современного польского.

Ахмед Джафароглу, будучи в Германии, поддерживал тесные связи со своими коллегами из Турции, в первую очередь сотрудниками Института тюркологии. Только во втором выпуске Türkiyat Mecmuesi (1928) он опубликовал несколько работ. Среди них были статьи, посвященные малоизученному азербайджанскому поэту XIX века Мирзе Шафи Вазеху, обзоры тюркологических исследований советских и бельгийских ученых. Наряду с научными изданиями Ахмед бек также активно участвовал в эмигрантской печати, таких, как «Азери-Тюрк», «Одлу юрд» и другие, поддерживал тесные связи с М.Э.Расулзаде и другими политэмигрантами – деятелями первой Азербайджанской Республики.

В мае 1929 года в Бреслау под руководством своего наставника профессора Фридриха Гизе молодой соискатель защитил докторскую диссертацию на тему: «75 азербайджанских баяты в гянджинском диалекте с лингвистическим исследованием» (название в оригинале: «75 Azerbajganische Lieder «Bajaty» in der Mundart von Gandscha nebst einer sprachlichen Erklärung»). Университетский совет единогласно удостоил его за эту работу ученой степени доктора филологии. Спустя несколько месяцев исследование было опубликовано в «Материалах семинара по восточным языкам» Берлинского университета, а затем в виде отдельной книги.

В том же году в жизни Ахмеда Джафароглу произошло еще одно важное событие – он получил долгожданное турецкое гражданство. Из Берлина в Стамбул он вернулся не только с дипломом доктора филологии, но также с паспортом гражданина Турецкой Республики. В свою очередь Турция в его лице приобрела настоящего патриота новой родины, крупного специалиста, одного из основоположников отечественной тюркологии, преданного делу великого Ататюрка ученого.

Как писала коллега, выпускница Берлинского университета и дочь лидера казанских татар Аяза Исхаки, профессор-тюрколог Саадат Чагатай (1907-1989), «бла-

годаря прекрасному образованию, знанию иностранных языков в сочетании с трудолюбием Ахмед Джафароглу достиг положения пионера на поприще, по которому стремился продвигаться вперед».

Поначалу он являлся лектором, а потом доцентом кафедры истории турецкого языка на филологическом факультете. Некоторое время преподавал русский язык на том же факультете. А с 1938 года стал профессором. В 1946 году после ухода в большую политику своего мэтра М. Ф. Кёпрюлю, ставшего одним из основателей новой политической силы – Демократической партии и будущего министра иностранных дел, он возглавил эту кафедру до конца 1973 года. Профессор-эмигрант некоторое время руководил также работой Института тюркологии, действовавшего уже не как самостоятельное учреждение, а при Стамбульском университете.

* * *

А. Джафароглу был одаренным, чрезвычайно плодовитым, всесторонне эрудированным ученым, обладавшим широким кругом интересов и исследовательской тематики. Его интересовали история и культура почти всех тюркских народов и почти всех периодов, направлений и аспектов. По свидетельству той же Саадат Чагатай, «Ахмед бек не был, как многие тюркологи, книжным ученым и не черпал свои знания понаслышке. Всем своим существом, душой и сердцем он был тюркологом-ре-транслятором. Сам Ахмед бек никогда не называл себя тюркологом. Да и необходимости в этом не было. Свершенные им труды были ни чем иным, как доказательством его научного направления».

В исследованиях ученого предстает широчайший и грандиозный научный спектр: от древнетюркских письменных памятников до грамматики современных тюркских языков, от вопросов критики и литературоведения до лексикографии, от этнографии и диалектологии до сравнительного языкознания, от творчества классиков общетюркской литературы до самых различных проблем современного азербайджановедения.

В кратком библиографическом справочнике, составленном к 70-летию со дня рождения ученого его бывшим питомцем, ныне известным тюркологом-профессором Османом Фикри Сертгая, значатся 350 работ Ахмеда Джафароглу, опубликованных в разных странах и на различных языках за период с 1923 по 1969 годы. Как несколько лет назад рассказал мне Осман бей в Будапеште, сейчас он завершил работу над новой, полной библиографией своего учителя, куда входят около 500 его статей и книг, изданных в Турции и за рубежом.

Фундаментальные труды по разным отраслям тюркологии снискали ученому международную известность.

В разные периоды Ахмед Джафароглу читал в ряде ведущих европейских университетов лекции по истории тюркских языков и тюркологии. По инициативе итальянских коллег в 1950 году в течение одного семестра он работал в Римском университете как приглашенный профессор, где вел также совместные исследования с видными учеными-тюркологами, в частности, со знатоком эпоса «Китаби-Деде Горгуд» профессором Э.Росси.

Ахмед Джафароглу был избран членом целого ряда научных обществ, академий и университетов. В 1937 году стал действительным членом Общества ориенталистов Польши, в 1938 году – членом-корреспондентом Академии наук Польши; в 1948 году Общество Кёрёси-Скома при Академии наук Венгрии избрало нашего соотечественника своим действительным членом. С 1949 года до конца жизни он представлял Турцию в Международном обществе ономастики. С 1953 года являлся почетным профессором Свободного украинского университета, а также членом-кор-

респондентом Свободной украинской АН. В том же году Ахмед Джафароглу стал членом Международного центра диалектологии и Урало-Алтайского общества.

Международное общество Туран, действовавшее в столице Аргентины Буэнос-Айресе, ввело азербайджанского ученого в ряды почетных членов за подвижнические заслуги перед тюркскими народами.

* * *

Ахмед Джафароглу был издателем и главным редактором журнала «Azərbaycan Yurd Bilgisi» («Вестник Азербайджанского края»), основанного в 1932 г. в Стамбуле. В течение трех лет этот научный и общественно-политический журнал продолжал оставаться ведущим тюркологическим органом тогдашней Турции и не умолкающим голосом Азербайджана. И вместе с тем «Azərbaycan Yurd Bilgisi» по своему содержанию носил энциклопедический характер. Издание без преувеличения можно называть прообразом нашей национальной энциклопедии.

На страницах журнала публиковались десятки ценных статей, рецензий, справок и документов, связанных с историей, языком, литературой, фольклором, музыкой, этнографией, философской и политической мыслью средневекового и современного Азербайджана и других тюркских стран.

Долгие годы не только рядовые читатели, но и филологи в нашей стране не знали о существовании такого важного источника по азербайджановедению. Только в 1997 году талантливый литературовед Шалале Гасанова (ныне заведующая кафедрой журналистики Бакинского славянского университета) под моим руководством успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Вопросы литературы в журнале «Azərbaycan Yurd Bilgisi» в Институте литературы им. Низами НАН Азербайджана. Можно с уверенностью сказать, что данное издание Ахмеда Джафароглу дает достаточно материала также для историка, лингвиста, фольклориста или политолога для проведения аналогичных исследований.

Благодаря личному авторитету и широким научным связям издателя-редактора за короткий срок вокруг «Azərbaycan Yurd Bilgisi» сосредоточились многие признанные специалисты и общественно-политические деятели тюркского мира. В редколлегию журнала входили проф. М.Ф.Кёпрюлю, проф. З.В.Тоган, выдающийся искусствовед М.Агаоглу, Мирза Гаджизаде и Абдулкадир. А среди наиболее активных авторов встречаются имена таких выдающихся ученых, как М.Э.Расулзаде, З.В.Тоган, М.Ф.Кёпрюлю, М.Халил, А.Инан, А.Немат, М.Шарафаддин и другие.

За три года (1932-1934 гг.) было выпущено 36 номеров «Azərbaycan Yurd Bilgisi». В середине тридцатых годов минувшего века, когда под давлением политического руководства СССР возникла необходимость ограничить деятельность политэмигрантов из тюркских республик, в первую очередь из Азербайджана, пришлось остановить издание журнала. Но об этом более подробно ниже...

Это нелицеприятное решение имеет свою предысторию. 18-23 августа 1934 года в Стамбуле, в историческом дворце Долмабахча проходил Второй Международный конгресс по тюркологии и тюркскому языку. Советский Союз был представлен внушительной делегацией, в состав которой входили академики И.Мещанинов, А.Самойлович и другие известные ученые. В целом начало 1930-х годов было бурным периодом взаимного развития советско-турецких отношений почти во всех сферах. Ататюрк придавал большое значение сотрудничеству с «великим соседом». В Советском Союзе хорошо знали это и высоко оценивали. Может быть, столь влиятельная делегация также была направлена в Турцию для того, чтобы лишний раз продемонстрировать высокое уважение Ататюрку, его народу, языку, духовным ценностям.

Во второй день конгресса с докладом на тему «Rus dilində ilk türk yadigarları» (можно перевести приблизительно как «Первые тюркские слова на русском языке»)

выступил доцент Стамбульского университета, тюрколог Ахмед Джафароглу, который, как выше было отмечено, преподавал одновременно русский язык студентам филологического факультета.

Он на основе конкретных примеров говорил о заимствованиях русского языка из тюркских языков, о наличии многочисленных тюркизмов в славянских языках, о воздействии в средних веках более развитой тюркской культуры на русскую. Почему эти научно обоснованные тезисы показались советской делегации оскорбительными, ее члены начали громко выражать свое возмущение. Участвовавший в работе конгресса Ататюрк в знак протеста докладчиком демонстративно покинул зал заседания.

Понятное дело, что все это не могло пройти бесследно. Начались гонения на Ахмед бека. Советские и турецкие газеты начали обвинять его во враждебном отношении к русскому народу и социалистическому строю. Ученый был выведен из состава филологического факультета и переведен на должность библиотекаря на факультет богословия. По неизвестным причинам была остановлена его работа над переводом «Словаря якутского языка» Э.Пекарского. Опала продолжалась вплоть до 1938 г.

Но самый ощутимый удар был нанесен детищу Ахмеда Джафароглу – журналу «Azərbaycan Yurd Bilgisi». В 1934 году по указанию властных структур его издание было приостановлено. Азербайджанская эмиграция лишилась последнего печатного органа. Учитывая общетюркский характер издания, уверенно можно сказать, что потеря была всеобщей.

Спустя двадцать лет, в 1954 году, Азербайджанский культурный центр в Анкаре предпринял попытку возобновить издание «с целью служения Турции», а также как «объективного и беспристрастного источника для ученых Запада и Востока, занимавшихся Азербайджаном». Однако инициатива не увенчалась успехом. Культурный центр смог подготовить и издать только один номер. Ахмед Джафароглу не принимал заметного участия в возобновлении деятельности своего детища. В новом издании он выступал всего лишь как один из многочисленных авторов.

Несмотря на более чем восьмидесятилетнюю давность, интерес в турецких научных и общественных кругах к журналу продолжает оставаться высоким. Учитывая это, турецкая компания «İSİS Yayınçılık, Ticaret ve Senaye LTD» в 1981 году подготовила факсимильное издание «Azərbaycan Yurd Bilgisi» в трех томах. В 2006 году появился однотомный, 1460-страничный фолиант журнала, подготовленный Лингвистическим обществом Турции. Издание посвящено 80-летию Первой Международной тюркологической конференции, состоявшейся в Баку в 1926 году. Благодаря этим изданиям важный азербайджановедческий источник вновь был возвращен в научный обиход.

Думается, теперь очередь за нами...

* * *

Примечательно, что «Azərbaycan Yurd Bilgisi» не был единственным печатным органом, редактируемым Ахмедом Джафароглу. В 1942-1943-х годах ученый издавал журнал «Türk atası» («Тюркское кредо»), отличающийся отчетливой патриотической и национально-идеологической направленностью. Однако в трудные военные годы удалось выпустить только 8 номеров.

Тематика и авторский коллектив обоих изданий были почти идентичны. Начатое дело продолжалось на страницах «Türk atası». Исходя из требований времени, вопросам исторического прошлого и русско-турецким (крымским, азербайджанским и т. д.) отношениям уделялось большое внимание.

Наконец, начиная с 1946 года до конца жизни профессор Ахмед Джафароглу редактировал ученые труды отделения турецкого языка и литературы Стамбульского университета – «Türk dili və ədəbiyyatı» («Турецкий язык и литература»).

Он был не только учредителем и главным редактором перечисленных изданий. Почти в каждом номере этих журналов появлялись статьи и рецензии самого Джафароглу – наиболее активного и плодовитого автора.

Его многочисленные работы наряду с Турцией издавались в Германии, Испании, Италии, Венгрии, Польше, Иране, Японии и других странах. Ахмед Джафароглу был членом редколлегий таких научных и общественно-политических журналов, как «Azərbaycan aylıq költür dərgisi» («Ежемесячник азербайджанской культуры»), «Türkiyyat məcmuəsi» («Тюркологический сборник»), «Türk költürü» («Турецкая культура»), «Türk költürü araşdırmaları» («Исследования по тюркской культуре»), «Türk dili araşdırmaları illiyi» («Ежегодник по исследованиям тюркского языка»), «Türk xalq bilgisinə aid tədqiqlər» («Исследования по тюркской этимологии»), «Türk Hüquq və İqtisad Tarixi məcmuəsi» («Сборник турецкого правоведения и истории экономики»), «Türk yurdu» («Турецкая страна»), «İslam dünyası», («Исламский мир», Лейпциг), «Odlu yurd» («Страна огней»), «Öz dilə doğru» («К праязыку»), «Yeni Şərq» («Новый Восток», Берлин), «Анналы Института исследований Востока» (Неаполь), «Материалы семинара восточных языков» (Берлин), «Ономастика: информационный и библиографический бюллетень» и др.

Профессор Осман Фикри Сертгая, говоря об активном участии своего учителя в местной и зарубежной печати, отмечает, что «большинство его многочисленных научных работ, опубликованных в различных журналах, – это исследования, связанные с историей турецкого языка, турецкими народными говорами, турецкой ономастикой, с азербайджанским языком, литературой и диалектологией, с анатолийским турецким языком и диалектологией, историей тюркских народов и другими темами».

По его же свидетельству, Ахмед Джафароглу «во многих этих отраслях, в особенности в диалектологии, снискал первенство».

Ученый-азербайджанец привлек внимание также журнала «Ötükən» – самого патриотического турецкого издания. В статье этого журнала, посвященной его деятельности в областях этимологии и диалектологии, говорилось: «Джафароглу издал в нескольких томах собрание анатолийских наречий турецкого языка, выявленных им в результате научных экспедиций. Записав эти наречия, обреченные на забвение в ходе стремительного социального развития Турции, ученый тем самым оставил после себя важный сырьевой материал для лингвистических исследований».

Следует отметить, что, несмотря на молодость, Ахмед Джафароглу занял место и в ряду первых действительных членов Турецкого лингвистического общества (1932). Он выступал несколько раз на собраниях этого общества при участии Ата-тюрка в связи с обсуждением вопросов обновления турецкого языка, замены арабских и персидских слов «новыми словами».

Необходимо вспомнить и следующий примечательный факт из жизни ученого, свидетельствующий о его высоком международном реноме: испанское правительство, оценивая его научную деятельность общеевропейского масштаба, в 1955 году наградило Ахмеда Джафароглу орденом «De Alfonso el Sabio». Учрежденный в 1902 году, этот орден присуждается ученым и общественным деятелям за большие заслуги в области науки и культуры.

* * *

Как некоторые свои именитые коллеги и наставники, Ахмед Джафароглу был полиглотом. Наряду с азербайджанским и турецким языками, он хорошо знал и ряд других тюркских языков, а также арабский, персидский, русский, немецкий, фран-

цузский, польский и украинский. Знание языков позволяло ученому выстраивать свои литературно-исторические и лингвистические изыскания в широкой плоскости Восток-Запад, пользоваться источниками на различных языках, выступать в различных аудиториях.

Эти полилингвистические достоинства и широта исследовательского контекста Ахмеда Джафароглу отмечались и в некрологе, опубликованном в журнале «Ötükən». В нем говорилось: «Последней его заслугой надлежало быть издание памятников древнетюркской письменности в совокупном виде. Инициативу осуществить это дело ранее предпринял профессор Рашид Рахмети Арат (1900-1964). Тюрколог-эмигрант, татарин по национальности, Арат так же, как и Джафароглу, являлся студентом В.Банг-Коупа в Германии, а позднее сотрудничал с ним в Стамбульском университете. Однако преждевременная смерть не дала возможности Арату осуществить мечту своей жизни. По единогласному мнению, специалистом, который наилучшим образом справился бы с этой задачей после него, несомненно, был Ахмед Джафароглу. Ибо он, как Арат, в совершенстве знал русский и немецкий языки, на которых существовали основные источники, связанные с древнетюркской письменностью. По предложению Турецкого лингвистического общества Джафароглу взялся за это дело и, подготовив работу, представил в общество».

Кстати, знание русского языка, получение среднего и частично высшего образования на этом языке, как выше было отмечено, позволяло Ахмеду Джафароглу систематически следить за исследованиями русских и советских тюркологов. Еще в 1923 году он перевел на турецкий язык монографию видного украинского ориенталиста А. Е. Крымского «Турция, ее история, литература и дервишская теософия». Однако по не зависящим от переводчика причинам, скорее всего, из-за материальных трудностей, книга не была издана. Им был также переведен на турецкий язык первый том трехтомного «Словаря якутского языка» известного русского тюрколога польского происхождения Э.Пекарского (1858-1934).

Целый ряд ценных исследований таких выдающихся представителей российской ориенталистики, как Бартольд, Бертельс, Самойлович, Пекарский, Кузьмин, Дмитриев, Кононов, а также сведения о них были доведены до турецкой научной общественности также с помощью Ахмеда Джафароглу.

В целом наиболее важные общественно-политические процессы, происходившие в Советском Союзе в 20-50-х гг. прошлого столетия, и в первую очередь положение тюркских народов, отношение к их языкам, истории, культуре стояли в центре внимания Турции благодаря деятельности обосновавшихся в этой стране политэмигрантов-тюрков. Среди них особенно выделялись А.Агаоглу, А.Гусейнзаде, М.Э.Расулзаде, З.В.Тоган, Р.Р.Арат, А.Исхаки, Ю.Акчура, Ю.Керими, С.М.Арсал, А.Баттал, М.Чокай и др., которые, сохраняя свою преданность национальной идее, получили прекрасное образование в средних и высших учебных заведениях Российской империи.

В научном наследии Ахмеда Джафароглу – более молодого коллеги вышепечисленных деятелей и вместе с тем отличающегося широким энциклопедическим диапазоном, важное место занимали проблемы азербайджановедения. Он не довольствовался только лишь изучением языка, истории, литературы родного народа, он был признан также как один из активных деятелей азербайджанской политической эмиграции в Турции. Хотя впоследствии научное творчество и педагогическая деятельность возобладали над политическими интересами, до конца дней Ахмед Джафароглу оставался пламенным ревнителем идеи независимости Азербайджана, непримиримым оппонентом великорусского шовинизма и коммунистической идеологии.

Недавнее славное прошлое Азербайджана, кратковременный период независимости, свидетелем и участником которого он был, на протяжении долгих лет оста-

вались основной темой и предметом пристального внимания Ахмеда Джафароглу. Опубликованные в разные годы в журналах «Azərbaycan Yurd Bilgisi», «Odlu Yurd», «Mücahid», «Türk kültürü» статьи «Великий траур Азербайджана – 27 апреля 1920 года», «28 мая 1920 г.», «15-я годовщина Национальной Азербайджанской Республики», «Первая в истории тюркская Республика – Азербайджан», «Азербайджан – страна 28 мая», а также публикации, посвященные единомышленникам и соратникам по борьбе И.Зиядхану, Х.Хасмамедли, М.Махмудоглу, М.Мансуроглу и многим другим, говорят о его политических симпатиях и жизненном кредо.

Книга «Азербайджан», изданная в 1940 году в Стамбуле, и цикл из десяти статей под тем же названием, опубликованных в начале шестидесятых годов в журнале «Mücahid», а также многочисленные выступления и интервью для турецкой и азербайджанской службы радио «Свобода» позволяют говорить об Ахмеде Джафароглу как о страстном политическом публицисте.

До появления в свет журнала «Azərbaycan Yurd Bilgisi» Ахмед Джафароглу не был достаточно хорошо известен в ученых и политических кругах Турции. Издательский и научный дебют состоялся почти одновременно. В 1931 году он перевел с арабского и издал в Стамбуле один из значительных источников средневековья по тюрко-кыпчакскому языку – «Китаби-ал Идрак ли-лисани-аль Атрак» («Книга разума или язык тюрков») арабского лингвиста Ибн Аяна Мухаммеда бин Юсифа Андалуси. Эта работа была первым успешным шагом ученого в области изучения истории тюркских языков. И длившиеся десятилетиями усердные и настойчивые изыскания на поприще исторической лингвистики увенчались выходом в свет двухтомной «Истории турецкого языка», выдержавшей несколько изданий. Этот фундаментальный труд до сих пор остается основным учебным пособием в турецких университетах по данному предмету.

Выступивший в журнале «Xalq bilgisi xəbərləri» («Известия народоведения») в 1929 г. со статьей «Пословицы в Орхонских памятниках» Ахмед Джафароглу в дальнейшем еще больше расширил поиски в этом направлении. Он осуществил исследования о древнеуйгурском языке, литературе и культуре, о жизни и творчестве первого тюркского лингвиста-энциклопедиста Махмуда Кашгари (1029-1102), а также об устной и письменной культуре других тюркских народов.

Изучение древних пластов прототюркского языка продолжалось в его исследованиях, посвященных многотомному труду Махмуда Кашгари «Дивани-люгат-ит-тюрк». «Словарь древнеуйгурского языка» – удачное продолжение данной тематики. Вслед за лингвистическим исследованием появился и литературоведческий материал – ученый написал великолепный очерк для «Настольной книги тюрков» о самом насыщенный – караханидском периоде уйгурской литературы.

Ахмеда Джафароглу можно с полным основанием назвать и одним из пионеров диалектологии современного турецкого языка. По меткому наблюдению Эрдала Шафага – комментатора популярной газеты «Сабах», – «очарованный ревнитель турецкой речи Джафароглу, добирался даже до тюрем и острогов, не говоря о долгих странствиях порою из-за одного слова или выражения» – автор девятитомного труда, отражающего диалектологические особенности языка анатолийских тюрков.

Его книги – «Образцы народных говоров Анатолии (Ван, Битлис, Муш, Каракёт, Эскишехир, Болу и Зонгулдак)», «Говоры южновосточных краев и областей (Малатья, Элазык, Тунджели, Казантеп и Мараш)», «Выборки из говоров восточных краев (Карс, Арзурум)», «Выборки из говоров северовосточных краев (Орду, Гирасун, Трапезунд, Риза и окрестности)» и др. – как живая и неувядающая сокровищница турецкого языка с прошеством времени приобретают возрастающую ценность.

Как отмечалось выше, в творчестве А.Джафароглу важное место занимали вопросы, связанные с азербайджановедением. Это направление красной нитью проходит через всю его деятельность – с юности до последних дней жизни.

Научно-публицистические работы на азербайджанскую тематику свидетельствуют, сколь горячо и беззаветно любил ученый родной народ, сколь глубоко знал его историю и культуру и с каким энтузиазмом трудился, чтобы донести до мира эту сокровищницу духовных ценностей.

История родной литературы, творчество отдельных представителей классического и современного периода, место азербайджанского языка в семье тюркских языков, его этимология и словарный состав, образцы богатейшего фольклора, освещение политических процессов в литературе, влияние последней на духовность и общественное сознание – эти и другие вопросы всегда интересовали Ахмеда Джафароглу как ученого, как гражданина.

Правда, ссылаясь на распространенное в тот период среди большинства тюркологов мнение, он предпочитал говорить о едином тюркском языке, а азербайджанский считал наречием. Но вместе с тем отмечал исключительное богатство и выразительность азербайджанского слова, сохранившего в наибольшей степени чистоту и национальный дух. Когда по инициативе Ататюрка в Турции началась реформа в области языка, Ахмед Джафароглу также не остался в стороне от этого процесса. Наряду с коллегами он выступал с инициативой замены целого ряда устаревших арабских и персидских слов. Но в отличие от сторонников выдумывания «новых слов» в замену «изгнанных», Ахмед Джафароглу призывал обратиться к словарному запасу других тюркских языков, и прежде всего самобытного и богатого азербайджанского. Это, по мнению ученого, с одной стороны могло обогащать язык анатолийских тюрков, а с другой – способствовать образованию доступного для всех представителей тюркского мира общетюркского языка.

Привлекает также внимание серия статей ученого об азербайджано-монгольских языковых связях. Несомненно, это очень интересная и до сих пор не разработанная должным образом тема. Она как-то осталась вне поля зрения наших лингвистов, однако может сыграть важную роль в изучении исторических и этимологических пластов средневекового азербайджанского языка. С этой точки зрения означенные статьи могут послужить хорошей базой для будущих исследований, которые привели бы к интересным результатам в историко-лингвистическом контексте.

Еще в 1930 г. Ахмед Джафароглу стал близко интересоваться личностью и творчеством представителей азербайджанской литературы средних веков. К сожалению, многие собранные, подготовленные и изданные ученым-эмигрантом произведения и поныне остаются вне поля зрения историков нашей литературы. По инициативе Джафароглу было учреждено специальное приложение журнала «Azərbaycan Yurd Bilgisi», своего рода библиотека под названием «Изыскания Вестника Азербайджанского края». Из этой серии были изданы в 1932 году небольшая книга «Азербайджанский поэт XIX века Сираджи», а год спустя – «Азербайджанский поэт XVII века Мелик бей Авчы». Автором проекта и составителем обеих книг являлся сам редактор-издатель. Наряду с историко-литературным исследованием в оба издания был включен ряд образцов произведений вышеуказанных авторов, до того периода остававшихся неизвестными. В этом смысле возвращением творческого наследия Сираджи и Мелик бей Авчы в сокровищницу национальной литературы мы обязаны прежде всего поискам Ахмеда Джафароглу.

В книгу «Сираджи», которую предваряло посвящение «Памяти Фиридун бека Кочарли, впервые собранного материала азербайджанской литературы», вошли 12 газелей, один теркиббэнд и два мухаммаса (*стихотворные формы классической поэзии с особой чередой рифмовки и строфической структурой – В.Г.*) на азербайджанском языке, а также газель на персидском. Исследователем выявлено, что Сираджи был сыном известного гарабахского поэта Сеида Хамзы Нигяри и, прожив очень короткую жизнь (около 18-19 лет), умер во второй половине XIX века. Примечательно, что об этом талантливом поэте нет сведений ни в книге Фиридун бека Кочарли «Азер-

байджанская литература», ни в тезкире-антологии известного источниковеда Мир-Мохсина Навваба «Риязуль-ашигин» («Сады влюбленных»). Ахмед Джафароглу обнаружил стихи поэта в диване-сборнике другого неизвестного азербайджанского автора – выходца из Гарабаха Сади.

Обнаружение свыше 60 оригинальных газелей Мелик бея Авчы в Берлинской библиотеке, их транслитерация на латинскую графику и издание, а также первые сведения об его эпохе, личности, связях с современниками и самобытным творчестве – опять-таки заслуга Джафароглу.

В филологическом наследии ученого значимое место занимали также последующие периоды, в особенности комплексное изучение национальной литературы в XIX веке, литературно-культурной и общественно-политической мысли, в частности, азербайджано-русских связей.

Еще в 30-е годы он опубликовал в журнале «Azərbaycan Yurd Bilgisi» статью о выдающемся филологе, «патриархе российского востоковедения» Мирзе Казем-Беке под названием «Великий азербайджанский ученый Мирза Казем-Бек». Эта статья была одной из первых работ, где творческое наследие всемирно известного ориенталиста рассматривалось преимущественно с позиций азербайджановедения.

Ахмед Джафароглу опубликовал цикл статей о жизни, личности и творчестве Мирзы Фатали Ахундзаде, о его реформаторской деятельности, а также ввел в научный обиход ряд документов из Османских архивов, освещающих поездку известного драматурга в Стамбул в 1863 году, его связи с учеными и просветителями соседнего тюркского государства.

О последовательном и системном интересе ученого к «ахундовской эре» национальной культуры и общественной мысли, а также основоположнику новой азербайджанской литературы говорят такие его статьи, как «Мирза Фатали Ахундзаде», «Один документ о Мирзе Фатали» (журнал «Azərbaycan Yurd Bilgisi»), «Великий тюрк-азери Мирза Фатали» (газета «Гюндюз», Анкара), «Великий азербайджанский реформатор XIX века Мирза Фатали Ахундзаде» (Анналы Института Ввосточных исследований, Неаполь), в том числе жесткая по духу рецензия на перевод комедии «Визирь Ленкоранского ханства», осуществленного Рашидом Гуршунлузаде, как ни странно, не с оригинала, а с немецкого на современный турецкий язык.

Исследования Ахмеда Джафароглу о выдающихся представителях азербайджанской культуры XIX-XX вв. Мирзе Шафи Вазехе, Аббаскули аге Бакиханове, Наджаф беке Везирове, Абдуррагим беке Ахвердове, Мирза Алекбере Сабире, Джалиле Мамедгулузаде и других, значимы как с точки зрения оценки наследия названных художников, так и ознакомления турецкой публики с их творческим наследием.

Примечательно, что Ахмед Джафароглу в истории национальной литературной мысли впервые попытался, если так можно выразиться, вывести основателя национальной прессы и театра Гасан бека Зардаби из «тени» Мирзы Фатали. Он впервые характеризовал XIX век в Азербайджане не как эпоху Ахундзаде, а как эпоху Ахундзаде – Зардаби и в этом отношении на десятилетия опередил своих коллег в советском Азербайджане. Ибо, нисколько не умаляя роли и значения Мирзы Фатали, действительно свершившего революцию в масштабах всего мусульманского Востока, было необходимо дать объективную, справедливую оценку и Гасан беку Зардаби, заложившему в Азербайджане основы национальной печати, театра, благотворительности, женского образования и других культурных начинаний. Он расширил горизонты национального мышления, сделал первые шаги в деле превращения азербайджанских тюрков из аморфной исламской паствы в нацию с аутентичным самосознанием. И в утверждении этой справедливой позиции Ахмед Джафароглу опередил многих исследователей.

Выше я упомянул о первой и единственной статье об ученом-эмигранте в азербайджанской советской печати, озаглавленной «Ответ клеветнику». Несомненно,

будь автор заказного «Ответа» основательно знаком со статьями своего объекта исследования «Спекулятивность в азербайджанской литературе», «От двуглавого орла до советского красного знамени», «Советский национальный нигилизм и отрицательство», «Следы национальной борьбы в азербайджанской литературе» (эта серия из четырех объемных статей в 1932 году была издана в виде отдельной книжки в Стамбуле), «Понятие большого национализма и школа возбуждения ненависти», «Родники независимости, которые пытаются осушить», «Нации-пленницы под игом Советской России», «Азербайджанские эмигранты», «Азербайджано-российские отношения в истории» и др., несомненно, прибегнул бы к более резким выражениям.

Но вот ведь какое дело: пороки режима, о которых говорилось еще лет 70-80 назад в статьях и книгах непримиримых эмигрантов, после падения советской империи стали нами подвергаться уж куда более резким разносам...

Стало быть, в этих людях говорила не только обида. Скорее всего, они выступали как выразители интересов своего народа. Они критиковали не ради критики. Личное обустройство ничего не означало для них.

Кстати, в годы Второй Мировой войны фашистская пропагандистская машина очень хотела воспользоваться знаниями и авторитетом Ахмеда Джафароглу – питомца немецкой школы ориенталистики. Его блестящее знание языка, его обширные связи и непримиримое отношение к Советам могли стать хорошим подспорьем в деле пропаганды идей Третьего рейха.

Однако этим ожиданиям не суждено было реализоваться.

Стало быть, Ахмед Джафароглу в отношении к вопросам национальной государственности, к проблемам национальной истории и культуры демонстрировал более смелую, дальновидную позицию. И это, несомненно, объяснялось прежде всего его объективным подходом к историческим процессам и личностям, недопущением научных «жертвоприношений» в угоду политической конъюнктуры.

Его статьи «Азербайджанская литература» и «Взгляд на современную азербайджанскую литературу», вошедшие в трехтомный сборник «Настольная книга тюрков», а также изданная в 1953 году в Стамбуле брошюра «Поворотные пункты азербайджанского языка и литературы» привлекали внимание смелыми суждениями и бескомпромиссностью позиции. Конечно, такой подход был в явном диссонансе с постулатами советской идеологии.

В наследии ученого особое место занимали исследования и изыскания, связанные с устным народным творчеством родного народа.

После защиты диссертации о фольклорных жемчужинах – баяты Ахмед Джафароглу и впоследствии систематически и интенсивно трудился на этом поприще, из года в год расширял круг охвата своих исследований.

Сами по себе и названия работ ученого говорят о широте и многоохватности его исследований в этой области. Достаточно просто перечислить некоторые из них: «Обрядовые песни в азербайджанском фольклоре», «Дастан «Ашиг Гариб» в азербайджанской народной литературе» (две статьи), «Из ашугов XVI века – Аббас Туфарганлы», «Следы шаманизма в анатолийском и азербайджанском детском фольклоре», «Национальное бытие и вопросы религии в нашем фольклоре», «Из поэтов саза и сказа на наречии тэрэкэме» (*тюркские общины, ведущие кочевой образ жизни – В.Г.*), «Ашуг Гурбани», «Два шаманических божества, сохранившиеся в азербайджанском и анатолийском фольклоре», «Из поэтов саза – Деде Гасым», «Антропонимические изображения сказов Деде Горгуда» и многие другие.

Изучение фольклорных источников современной азербайджанской литературы и классического наследия вывели ученого на более широкий контекст и пробудили непосредственный интерес к древней культуре других тюркских народов, а также к комплексному исследованию проблем общетюркской цивилизации. Эти проблемы, связанные с общностью языка, мировоззренческих и культурных традиций, были

освещены в работах Ахмеда Джафароглу, как выше было указано, начиная с Орхоно-Енисейских памятников до позднейших времен.

Именно такой ученый, как Ахмед Джафароглу, сформировавшийся на основе традиций российской и европейской тюркологической школы, мог наиболее успешно и научно обоснованно писать о сибирских и алтайских тюрках, хакасах, якутах, тувинцах, кумыках, ногайцах, шорцах и других малоизвестных в Турции тюркских этносах.

В этом отношении книга нашего соотечественника «Тюркские народности», неоднократно переиздававшаяся в Турции, была первой попыткой с точки зрения привлечения внимания турецких коллег к нелегкой судьбе, истории и самобытной культуре более отдаленных братьев.

Изыскания ученого в ономастике, этимологически-лингвистические исследования, связанные с отдельными словами и выражениями, могущие играть роль ключа для истории и этногенеза, поиски и разработки относительно создания словарей древнетюркских и современных тюркских языков – все это воссоздает контуры впечатляющего портрета ученого-энциклопедиста Ахмеда Джафароглу. Солидные, взвешенные исследования по истории и проблемам развития тюркского единства или самого пантюркизма, как идейного течения, в объективном ракурсе характеризуют Ахмеда Джафароглу – представителя сравнительно поздней генерации тюркского национализма – как успешного продолжателя и поборника идей своих предтеч – Зия Гейяльпа, Мамед Эмина Расулзаде, Али бека Гусейнзаде, Зеки Велиди Тогана, Ахмеда Агаоглу, внесших достойную лепту в историческое освещение этого движения.

Многообразные по тематике исследования Ахмеда Джафароглу создают ясное представление о беспокойной и бунтарской натуре этого подвижника науки, непрестанно искавшего все новые пути и формы для самоутверждения истории и культуры своего народа. Его не оставляли равнодушным даже незначительные факты, второстепенные и эпизодические информации, имеющие отношение к истории и культуре Азербайджана.

Быть может, именно поэтому ученый, подготовивший к печати и опубликовавший сугубо научные тексты, важные исторические источники и многочисленные фольклорные памятники, в ряде случаев не уклонялся и от написания статей информативного или публицистического характера, не созвучных с классическим стилем научного изложения. Подобные публикации прежде всего отражали его неразрывную связь с исторической родиной.

Ибо его деятельность, все его творчество были посвящены любимому и сознательно избранному поприщу – изучению и пропаганде тюркского мира. И все формы и способы выражения, служившие реализации этой миссии, для Ахмеда Джафароглу не были чужды. Поэтому он с одинаковой легкостью писал глубоко научные статьи и обыкновенные сообщения, выступал в университетских аудиториях и перед слушателями радио «Свобода».

Само собой разумеется, что его исследования реалий тюркского мира, и прежде всего Азербайджана в контексте Турции и Европы 30-50-х годов, служили не только потребностям науки. Они одновременно носили в себе серьезный просветительский заряд. Поэтому, когда Ахмед Джафароглу писал о представителях польской интеллигенции или польских ориенталистах, установивших в той или иной форме культурные связи с Азербайджаном в XIX столетии, он прежде всего преследовал цель продемонстрировать проевропейскую, светскую ментальность своего народа. Или же когда в 1965 году Джафароглу доводил до турецких и европейских читателей исторические факты и размышления в связи с 60-й годовщиной так называемой «армяно-мусульманской войны» (а в реальности – необъявленной войны армянских вооруженных бандформирований против мирного азербайджанского населения), ученый прежде всего стремился распространить правдивую, объективную информацию,

связанную с недавними кровавыми страницами родного края. Такие его статьи для энциклопедий и справочников, как «Азербайджанцы» и «Азербайджанская литература» (Висбаден, на немецком), «Миграция кавказских народов за последние сто пятьдесят лет» (Аусбург, на английском), «Диалекты азербайджанского языка» (Париж, на французском) и другие, также говорят о глубоком чувстве патриотизма их автора. Никто не уполномочивал политического эмигранта Ахмеда Джафароглу выступать с подобными публикациями. Однако он, пользуясь своими связями и понимая трудности коллег из Советского Азербайджана с выходом на международную арену и на страницы свободной европейской печати, добровольно брал на себя ответственность представлять страну. Эти инициативы иногда превращали его в мишень для критики даже в Турции.

По масштабу и сути своего творчества Ахмед Джафароглу, как отмечалось и выше, был одним из организаторов науки, определявших направление развития тюркологии. Непосредственное сотрудничество с ведущими европейскими центрами, публикации трудов на различных языках позволяли ему идти в ногу с современной научной мыслью, изучать и оценивать тюркскую культуру в контексте мировой цивилизации.

Наряду с авторитетными европейскими изданиями Ахмед Джафароглу тесно сотрудничал с турецкой печатью на иностранных языках, в особенности с франкоязычной столичной газетой «Анкара».

Он переводил произведения на турецкий не только с русского, но и с немецкого и французского языков; поддерживал личные творческие контакты и знакомил научную общественность Турции с трудами таких известных европейских тюркологов, как Марти Раасенен, Раул Витек, Альберт Герман, Павел Ковальский, Этторе Росси, Генрих Батовский, Ананиаш Заянчковский, Алессандро Бомбаччи, Вальтер Эберхард, Дюла Немет и др.

* * *

Здесь невольно вспоминается горестное сетование другого эмигранта – великого поэта современности Назыма Хикмета: «Мои стихи на чужбине печатаются на тридцати-сорока языках, а в Турции, на языке родном – никак...» Вслед за Назымом эти слова мог повторить и Ахмед Джафароглу. Посвятив всю свою жизнь изучению родной культуры, ему не довелось увидеть ни одной напечатанной строки на своей исторической родине.

Только в 2008 году первая и пока единственная книга ученого была издана в Баку. Это было подготовленное мною «Избранное», где собрана небольшая часть его исследований по азербайджановедению. Издание осуществил Бакинский славянский университет из серии 100-й «Библиотеки филолога». Редактором и автором предисловия был тогдашний ректор этого вуза, профессор Камал Абдулла.

В последние годы молодой азербайджанский историк из Германии Заур Гасымов опубликовал об Ахмеде Джафароглу ряд статей в турецкой и европейской печати на основе первоисточников, в первую очередь личного архива. Хотелось бы особенно отметить его обширное исследование на английском языке «Научный трансфер в Турцию. Жизнь и труды лингвиста Ахмеда Джафароглу (1899-1975)», опубликованное в журнале «European Journal of Turkish Studies» (2016, № 22, с. 1-20). Работа изобилует новыми, доселе не известными фактами, а самое главное, отличается новым подходом к личности и творческому наследию ученого.

Несмотря на все трудности, можно сказать, что Ахмед Джафароглу, как ученый, прожил счастливую жизнь. Всегда был окружен заботой и вниманием признательных питомцев и студентов. Его неутомимый труд был оценен коллегами в Турции и за рубежом. 60, 70, 75-летние юбилеи, 50-летие научной деятельности широко от-

мечались в Турции и в европейских центрах тюркологии. В Германии и Турции была подготовлена и издана библиография его научных трудов. По сей день бывшие питомцы с благодарностью и любовью говорят о своем учителе, «до конца дней оставшемся всецело азербайджанцем», с пиететом и почтением называют его «ходжа» и «устад».

В 1973 году Ахмед Джафароглу ушел на заслуженный отдых, однако никогда не расставался с любимой работой в Стамбульском университете. По воспоминаниям дочери, он всегда находился в окружении бывших питомцев и коллег, делился своими знаниями и опытом, давал советы.

А 6 января 1975 года навеки закрыл глаза.

В те дни профессор Саадат Чагатай с глубокой горечью писала: «Смерть, приносящая боль каждому, на сей раз вырвала из наших рядов дорогого друга и единомышленника Ахмеда Джафароглу. Самая примечательная черта Джафароглу, известного своими чрезвычайно многочисленными трудами, – проявленные им энтузиазм и постоянство за долгий пятидесятилетний срок на поприще служения единому кредо. Покойный на этой идейной арене был проводником, был мостом, соединившим старый период с новым временем.

Будучи учеником литературоведа и историка Мехмеда Фуата Кёпрюлю, он был не просто одним из истолкователей прежних направлений в области литературы и истории нашей страны, но рассматривал и азербайджанскую литературу, стоящую бок о бок с турецкой, был первопроходцем, умело знакомившим Турцию с литературой, языком, фольклором и недавней историей братского Азербайджана...»

* * *

Как и любой настоящий ученый, Ахмед Джафароглу оставил после себя многочисленные ценные исследования. Достоинно внимания, что это наследие продолжает свою жизнь и после его ухода в небытие.

Его труды по истории турецкого языка и турецкой диалектологии систематически переиздаются. Университетские студенты Турции и в наши дни пользуются ими как учебными пособиями.

Как образно отметил один из турецких авторов, несмотря на наличие многочисленных книг и трудов, настоящим шедевром Ахмеда Джафароглу является его единственная дочь – всемирно известная ученый-искусствовед, организатор музейного дела, профессор Назан Олчер (1940). Назан ханым успешно и достойно несет эстафету служения тюркскому миру, тюркской культуре, начатого почти сто лет назад своим отцом.

НАШИ ГОСТИ

ЕЛЕНА БАРАНЧИКОВА

Елена Баранчикова – драматург, член Союза журналистов России. Родилась в г. Бийске Алтайского края. Автор пьес «Меч Аттилы», «Облако Чингисхана» (поставлена в Академическом башкирском театре им. М. Гафури, реж. М.Кульбаев), «Призрак Фриды», «Репетиция одиночества», «Первая любовь», «Уйти с мамонтом», «Ночное солнце» и др. Пьеса «Наводнение» получила приз Международного драматургического конкурса «Свободный театр» (2016), поставлена в Пермском театре «У Моста» (реж. Овлякули Ходжакули). Пьеса «Облако Чингисхана» (по мотивам легенды Чингиза Айтматова) нашла сценическое воплощение в этом же году в Академическом башкирском театре им. М. Гафури (режиссёр Мусалим Кульбаев). Печаталась в литературных журналах «Дон», «Петровский мост», «Идель», «Нана», а также в сборниках. Автор книги «Полночное солнце». Особое место в её творчестве занимает историческая тема взаимопроникновения Востока и Запада.

Пророчество шамана

Рассказ

Войско Чингисхана пировало в честь победы. Повсюду виднелись белые знамёна с конскими хвостами, все были веселы, в котлах шипели бараньи курдюки. Чингисхан восседал на золотых подушках на троне из верблюжьих шкур. На нём была чёрная шапка с изумрудом и лисьими хвостами, спадающими на плечи. Рядом с ним были его жёны, которые по случаю праздника украсили свои одежды красными, жёлтыми и зелёными лентами.

Поблизости скакал привязанный за ногу серебряной цепочкой золотой петух. Чингисхан встал с трона, его глаза были прищурены, в этот момент закукарекал петух. Повелитель бросил взгляд на поднос с белым жемчугом, ему тут же его подали. Он резким движением вдруг опрокинул поднос, жемчужины рассыпались, сверкая и искрясь. Чингисхан обратился к присутствующим:

– Бай-аралла, батардзориггей! Спасибо, воины! Это награда вам за храбрость, собирайте! Вы заслужили её.

Воины бросились собирать жемчуг. Когда всё улеглось, повелитель продолжил:

– Небо поставило меня каганом. Я, как столб огня и мести, казнь самого Неба, как бич божий, пришёл, чтобы покарать врага, поразить его в самое сердце. Тень моя кроет весь мир! Остановлюсь, когда все сердца вселенной мне покорятся! Моё царство будет такой величины, что от его пупа в любую сторону всаднику надо будет скакать целый год. Буду мстить, приводя непокорных в ужас, их жёны будут визжать звериным криком. Потекут красные, как вино, реки, – он поднял ковш, несколько капель вина вылилось на стол. – Выпьем же персидского вина в честь бога победы!

Безмянным пальцем он слегка прикоснулся к вину и окропил трижды все четыре стороны. Воины встали, выпили, плеснув остатки вина на землю, и затянули протяжную песню.

*Великий каган – милость Неба!
Он повелитель планет,
Владыка всей вселенной!*

*Кто его видел, знает, что
Нет никого могущественней,
Нигде на подносе мира нет такого властелина...
Вихрь коней степных ощутишь,
Когда пронесёшься по курганам.
Истинную храбрость багадура увидишь,
Когда пройдёшь в походе за каганом...
Чингисхана сыны оставят после себя огонь,
Кровью и пламенем степь облагят.
Все враги упадут на колени!*

Отовсюду доносились крики воинов:

– Воздадим хвалу нашему повелителю! Слава ему! Воздадим ему почеть да-рами и песнями.

Заржали жеребцы. Чингисхан прислушался:

– Это наши привязанные резвые скакуны перекликаются, тоже торжествуют! Кумыс, айран, жаркое дикого оленя и кобылицы, степных дудаков сюда.

По команде внесли золотые блюда, полные яств.

– Пируйте, воины! Пусть ваша душа возрадуется, как солнце!

Каган выбирал на подносе лучшие куски мяса, клал их в рот тем, кто особо отличился в бою. Танцовщицы изображали ланей, как к ним подкрадывается рысь, которую непременно застигала стрела охотника. Отовсюду разносились пронзительные звуки китайских хвалебных песен, играли флейты и тростниковые свирели.

Чингисхан указал на одного из воинов:

– Скачи на белой лошади, одевайся в белое платье и садись на высшее место, – он величественно поднял руку вверх, будто обращаясь к богам. – Дайте ему всё это! Ты славный воин, а теперь выпей подряд шесть чаш вина за победу! – Воин выпил чашу и тут же упал к ногам повелителя. – Отнесите его с почестями в повозку.

Когда закончился пир, Чингисхан остался один в шатре и стал молиться.

– Наш путь лежит к Итилю! Его воды делят поднос мира на две половины – Восток и Запад. Подлунной державой я буду править вечно. Я – мировой владыка, мои законы будут высечены на скалах. Они перевернут весь мир, и он падёт к моим ногам. Все, кто есть на земле, должны служить мне, а всё, что не служит моим победам, выжгу огнём и кровью. Сниму с неба сверкающий месяц, как саблю, никто не уклонится от копыт моих взмыленных всадников... Помогите мне, боги!

Вдруг полог шатра открылся. Телохранитель Мусук завёл воина со связанными руками. Его шлем украшал пучок чёрных орлиных перьев, чёрные косы растрепались по плечам.

– Оставь нас, – Чингисхан кивнул телохранителю.

Мусук тут же молча вышел.

Лицо Чингисхана нахмурилось и исказилось:

– Слышу гром – рычание богов за облаками, они гnevаются! Не верю глазам! Джамуха? Анда, с тобой мы одного рода-племени. Играли на замёрзшей реке Онон, охотились на сайгаков и волков.

Воин потупился.

– Ты ли это, мой кровный брат? Бесстрашный Джамуха теперь стоит предо мной связанный?

Чингисхан стал развязывать ему руки. Тот понуро, как изваяние, стоял перед повелителем.

– Как в небе лишь одно солнце, так и в степи должен быть один владыка. Ты – коневод, а я – пастух.

– Вчера приснился сон, будто подо мной конь весь пятнами, и я скачу, погру-

жаюсь в думы, спотыкаюсь о камни. И тут в небо взметнулся кара-бургут – чёрный орел. Когда я глянул на него, из его глазниц полилась кровь, и пятна на коне стали кровавыми. Я прильнул и стал пить кровь своего коня, пока не насытился. А птица промолвила: «В последний раз являюсь перед тобой...» и полетела прочь. Из моего тела вдруг вылетела тень и унесла меня вслед за ней в небесные просторы... Что значит этот сон, ты знаешь?

– Не скажу, одно лишь знаю, повелитель, никто не уйдёт от вечности, от её чёрного глаза.

Чингисхан был угрюм и задумчив.

– Когда-то мы менялись добытыми у врага золотыми поясами и конями!

– Ай, это были резвые скакуны! Ты и конь всегда под стать друг другу. Не было жеребца, который не смирился бы под твоей рукой.

– Что человек без коня? На коне ему верится, что он бессмертен.

– Твой Хубе, как ливень, такой появляется раз в тысячу лет.

– И ты пошёл против брата? Ведь мы были в союзе, ты всегда предупреждал меня о приближении противника. Мы вместе бились против меркитов! Что произошло?

– Ни ты, ни я тому виной... нас жизнь связала, Небо – развело.

– Твой род из младшей ветви степных ханов. Желаете возвыситься и править сам? Скажи откровенно, как брату, не криви душой.

– Хотел себя уравнивать с тобой... вот моя ошибка! – голос Джамухи ослаб, казалось, он не говорит, а шепчет. – Не хочу стать на твоём пути, мешать твоим замыслам и планам. Как орёл, ты паришь над землёй, зорко озирая просторы, а я подобен мыши, которая бежит у твоих ног. Оттуда, с высоты, ты волен броситься на меня и растерзать когтями. Всё приму, как должное... Предпочитаю смерть.

Джамуха опустил перед повелителем на колени и поцеловал ковёр между руками. Отцепил от серебряного пояса лисицу с длинным хвостом и положил её перед Чингисханом. Голос того раскатисто гремел, брови преломились и сдвинулись:

– Ты говоришь не о победах? О смерти? Какой ты воин!

– Прими в знак нашей дружбы перстень, он знает все тайны мира. Принесёт счастье и ответит на вопросы, что ты задавал. Когда одержишь 999 побед, вспомнишь меня, на небесах мне будет радостно. Если Небо вечно, то и ты – его посланник – тоже вечный, живи тысячу лет!

Чингисхан задыхался:

– Молчи, не говори об этом! Ещё не поздно, побратим, восстановим дружбу. Возьми, – он протянул металлическую пластину. – Это пайцца – пропуск для проезда по моим владениям. Тебе везде окажут содействие, дадут коней и проводников.

Джамуха ответил уклончиво:

– Не могу взять. Берегись врагов, которые сидят с тобою рядом в одной юрте, бесшумно ступают по твоим стопам...

– Аталык, ты заговорил, как шаман. Да, я хотел бы жить вечно. Пообещай, что приведёшь шамана, который обращает железо в золото и знает рецепт напитка, дающего бессмертие. Отдам тебе все земли на западе, куда только сможет ступить копыто скакуна.

– Хорошо, шаман придёт к тебе, но больше ни о чём меня не проси. Я не смогу исполнить твоей просьбы.

– В последний раз спрашиваю, ты отказываешься выполнить мою волю? Будешь упорствовать – прикажу казнить... Если воин не хочет крепко держать рукоять меча, на него повернётся острый клинок.

– За всё, что совершил, прошу лишь одного – расплаты. Смерти не боюсь, в каждом бою ждал с ней встречи. Убей по древнему обычаю без крови, не запачкав земли. Окажи милость во благо для души, она жаждет неба и должна испытать боль.

Небо облегчит трудное.

Чингисхан позвал телохранителя:

– Эй, свяжи его и закатай в кошму.

Джамуха повернулся к Мусуку:

– Расчлени по суставам, но сначала сломай пельбваной мой хребет, чтобы не смог подняться с земли.

Он с треском разломил напополам рукоятку плети.

Мусук с силой толкнул его в спину:

– Не учи, сам знаю, не впервой! Пошли.

Чингисхан бросил вслед:

– Анда, ты растопил моё сердце. Вернись, я позабуду дерзкие слова твои. –

Джамуха молчал. – Кто приходит под мою руку – тот со мной, кто уходит от меня – мой противник. Скажи свою просьбу, я выполню.

– Позволь спеть предсмертную песнь воина.

Мусук вопросительно посмотрел на Чингисхана. Повелитель кивнул и сделал ему знак рукой:

– Пусть поёт! В песне – наши ветра, стрелы тоже поют, как ветер.

Джамуха попросил:

– Подыграй на хуре по нашему обычаю...

Чингисхан хмуро взял в руки хуру и стал играть. Джамуха запел прерывистым голосом:

*О небо, услышь стенанья
Воина с каменным сердцем!
Я привязал жизнь свою к мечу и копыю
И бросился на врага, как барс.
Когда же мимо меня проскачут кони
И их копыта раздробят моё истерзанное тело,
И когда друзья унесутся вслед за врагом,
Я с радостью буду слушать их затихающие крики.*

Джамуха допел, Мусук повёл его к выходу. Чингисхан крикнул ему вслед:

– Когда мой конь вынесет меня на курган, буду до боли сжимать пальцы... буду ждать тебя, ведь у тех, кто дал клятву анда, жизнь одна на двоих. Мне будет тебя не хватать...

Через несколько дней утром близ юрты ускакавшего в поход Чингисхана шаман причитал и играл на варгане. Он ходил по кругу, раскладывая камни. Так раскладывали камни на земле в честь умерших.

*Просохнет камень, политый дождём,
Но будет камень жить и чернозём.
Уходит дождь за дальние холмы,
Дожди уходят, как уходим мы.*

Горло шамана заклокотало, он ударил колотушкой в бубен, взвыл и обратился к небу:

– О, духи! Кружитесь, кружитесь, кружитесь... Вижу движение времени, перемещаюсь по трём мирам... поднимаю завесу будущего... Хотите знать, что будет с Чингисханом? Связь переходит от тела к телу, так наши предки рождены... Один день длиной в тысячелетие... Великие пустынные пространства... Дымный жёлтый океан, степь! Клубится, тяжело дышит, как женщина, дрожит, вздымаема ветрами, стонет,

хрипит и плачет... Сына синего волка и рыжей лани ожидает судьба великого правителя, он создаст непобедимую империю. Скачет сюда. Вижу, убил брата, борясь за добычу... Куда ступит его конь, трава не вырастет... Погубит много людей. Шакалы уже почуяли добычу...

Воины, оказавшиеся поблизости, наперебой спрашивали:

– Кто он? Откуда пришёл? Мы не видим его!

Шаман ходил по кругу и едва внятно шептал:

– Все слушайте меня! Передо мной явился... Вот в седле под белым знаменем, гонит сарозеков... Расступитесь! Это Он. Смотрите все!

И тут вдруг появился сам Чингисхан:

– Ты звал меня? Пришёл...

Все в страхе отшатнулись.

– Великий хаган, тебе знак свыше. Облако твоё всегда над тобой, скользит не приметно, как белая тень. Утратив облако, утратишь могучую силу... Жизнь встречается со смертью в потустороннем мире, он над нами... – шаман указывал рукой вверх, его бубен подрагивал.

Послышался ропот воинов.

Чингисхан приказал всем замолчать:

– Тише! Я как во сне, пелена перед глазами, не могу отодвинуть этот занавес...

У всех багатуров одно лицо, пред боем шлемы сжимают виски и скулы, в глазах – звёзды и луна, это сиянье победы. Среди моей белой конницы один белый конь идёт в бой без седока...

Воцарилась гробовая тишина, которую прервал голос шамана.

– Не развязать узла, который завязали. Как только пропадёт облако – Небо отвернётся от тебя...

Видение внезапно исчезло. Шаман стал бить в бубен.

– Люди! Не обрезайте собственного ворота, не разрушайте согласия. У камня кожи нет, у воина нет вечности. Не поможет ни хитрость, ни смелость против того, что написано молниями там, на Небе. Хана положат на девяти белых войлоках, лицо укроют белым хадаком, ноги – покрывалом из соболя. Принесут в жертву взятого от матери верблюжонка. С ханом похоронят и его. Небесный хан улетит на крылатом коне. Через год верблюдица сама найдёт место, где был убит её детёныш, и закричит, по её крику отыщут это место. Верблюдицу заколют и совершат поминование. Жён и наложниц убьют, чтобы они сопровождали вождя в той жизни. Рабов, что вырыли могилу, тоже. Пять тысяч лучших воинов, двенадцать лошадей проведут его в последний путь... Убьют всякого, кого встретят на дороге. Все последуют за ним, чтобы там служить ставшему богом. Ай, сколько их убито!

Шаман закрыл глаза, схватился за голову и закружился, как дервиш, будто не слыша ничего, что происходило вокруг:

– Над могилой Чингисхана прогонят лошадей, посадят деревья. Вижу быстроходную реку... Всё затопят водой, чтобы никто не потревожил могилу и нельзя было найти то место. Кара Неба коснётся тех, кто осмелится нарушить Великий запрет – хориг... Высокие хребты, что подпирают небо, леса, изрезанные реками, бездонные озёра будут вечно хранить тайну, пока на земле кто-нибудь ещё жив... Туман клубится над землёй! Ты слышишь, джихангир? Души убитых встанут навстречу Небу. Степи, Голубой Керулен, Золотистый Онон... Сколько воинов втоптали в землю! Призрачными теням суждено подняться...туда, наверх.

Шаман простирал руки вверх снова и снова, обращаясь к небесному божеству Тенгри:

– Умершие встанут в ряды небесных воинов... и там продлится битва...

«Раст»

Новелла

Посвящается Ниязи

Я никогда не была на Синей реке в Гейчай, не видела гор, окруживших её плотной притаившейся у косогора лесистой стеной. Вокруг бугры и курганы, гладкие камни, что столпились вдоль берега у скалистых круч, и те, что слились уже в безликое серое крошево, на них с шумом падает вода, разбиваясь в брызги, это мимолетное виденье бесследно исчезает.

Волна иногда поднимется вверх, размечтавшись о чём-то, воспарит над земной суетой и зелёным круговоротом, неожиданно остановится на взлёте, оглянется и замрёт, вдруг почувствовав силу, простор, волю и свободу. На мгновение в изумлении радостно взлетит вверх, зависнув в воздухе прямо над обрывом, а потом вновь прижмётся в слезах к каменистому берегу, не желая покидать его, навсегда расставаться с ним. С плачем и причитанием, уносимая куда-то мощным порывом ветра, вконец обессиленная, прозрачным бестелесным ангелом она безропотно полетит вслед за ним, притихнув, уступит, сдастся напору, власти и безудержной силе.

Камни безмолвствуют, их силуэты скупым росчерком очерчивают окружающую жизнь и пространство. Они ничего не скажут, ничего не попросят, терпеливо примут и боль, и отчаяние, и внезапно пришедшую весну, вобрав в себя солнечное тепло, свет, надежду, мечту и тревогу. Это застывшая тайна, неподвластная и непонятная для нас. Каменные глыбы-исполины лишь изредка едва приметно блеснут, гордо засияют, взглянув на яркое солнце и туманное марево, и вновь сольются в безжизненной горе, стиснув навечно свои жёсткие каменные объятия. Провожая одинокого путника, они устелют его долгую дорогу, со скрежетом и стоном покорно устало лягут ему под ноги. Сотни серых окаменевших зрачков откуда-то из глубины с укором будут печально смотреть ему вслед, но за ним не пойдут, останутся лежать, словно гвоздями прибитые к пологому угорью. Камни ни о чём не спросят, никогда не попросят пощады, возьмут на себя боль, скорбь и чужую вину, а потом всё простят, замолкнув навеки, укроют и спрячут все тайны. Безмолвные души молчаливо взирают на мир и внемлют всему, что происходит вокруг, но внутренняя борьба, которая застыла и замурована где-то в глубине, спрессовывает и побеждает время. Это иная, неведомая жизнь, в ней драма и одновременно трепет, надежда, в ней сокрыта жажда жизни, есть какая-то внутренняя радость.

Все реки сливаются, с какой эта Синяя река сольётся где-то там, в голубой дали, об этом я никогда не узнаю. Пространство реки ограничено, но она вечна во времени и в наших ощущениях. Знаю, её капля существовала и будет существовать всегда, её время – вечность.

И хотя река может высохнуть, она не исчезнет совсем, а лишь переместится в другое пространство – воздушное – и будет жить там, чтобы потом опять когда-нибудь обязательно спуститься на землю. Это круговорот, мы беззащитны и немощны перед огромным миром, подобны песчинке в вихре судьбы, всегда ощущаем присутствие этой капли, ждём помощи и уповаем на милость Спасителя. Так называет Господа лишь тот, кто осознаёт своё положение, как гибельное. Судьба человека, его приход и уход чем-то напоминают судьбу реки.

Раскидистый шар гранатового дерева гордо и одиноко стоит над обрывом, задумчиво рассказывая о чём-то, морщинистыми ступнями корней прочно упираясь в землю. Вдали на красно-бурых сожжённых зноем холмах и в степи виднеются ещё деревья, вот их уже не счесть... Со всех сторон вдруг обступает дивный райский сад, над ним в радостной воздушной круговерти толпятся радужные облака, будто ожидая своей очереди, чтобы проплыть сквозь невидимые небесные ворота.

Гранатовые деревья расступаются, ветви с тяжёлыми зернистыми «яблоками» клонятся к земле, сгибаясь в поклоне. Хочется сорвать и разломить эти огненно-красные плоды, по одному зёрнышку доставая и бережно раскладывая на ладони сочные ягоды, источающие огонь и желание. Вокруг так тихо, что слышно, как с деревьев на землю падают гранаты. Хочется ощутить этот густой аромат, насладиться терпким соком и, пока не закончатся зёрна, успеть загадать все свои желания.

Природа, словно на качелях, раскачивается на шатком мостке над рекой, былинкой пробивается среди камней. Лес качается, шумит, кружит как колдун над горной кручей, хор деревьев славит Бога. Он то весело шелестит кронами над обрывом и поёт вместе с птицами, то, притаившись, задумчиво смотрит вслед идущему вдоль берега, бесшумно ступает по его следам, выходя навстречу голубому простору, приvoli, свету, воздуху.

Глубокими корнями-щупальцами прочно упираясь в тело земли и камни, лес, как мудрец, молча смотрит с высоты на струящийся синий воздушный океан, на всё происходящее там, внизу, на этот безмерный полёт жизни. Зелёные дороги надежды, изломы сопротивляющихся и одновременно сплетающихся ветвей, застывших над бездной, метаморфозы ... так среди молчания и тишины рождается симфония звуков.

Слушая азербайджанские мугамы, симфонический мугам Ниязи «Раст», мне вдруг кажется, что чувствую музыку самой природы, этот хор, который летит над Синей поющей рекой, парит, простирается над землёй, вбирая в себя весь мир, поднимаясь над вечной суетой и улетающая куда-то ввысь, в зовущие дали, которые отзываются многократным эхо и тоже поют, чего-то просят, о чём-то молят, они приглашают, влекут к себе и манят. Слышу пение, шёпот, слышу эту молитву, её шепчут мои губы.

Звук взлетает, вздрагивая, в нерешительности останавливается на полпути, замирая в раздумье, на какое-то мгновение зависает в воздухе. О чём он хочет мне рассказать, о чём поведать? Звенит, переливаясь, кружит, шепчет, играя с яркими солнечными пятнами, трогая землю, будто не хочет уйти, вновь возвращается, зовёт, приглашая в неведомое мистическое царство. Потом словно прощается с безбрежным зелёно-голубым океаном, с солнцем, воздухом, деревьями, водой и камнями, со всем божьим миром, и уже нельзя вернуть, остановить летящую и поющую трепетную душу, она ускользает, покидает землю, навсегда прощаясь с ней. Кажется, открылся путь в иной мир, во мне что-то тоже распахивается, меня удивляет и останавливает неведомое.

Кто-то подготавливает мне путь к Богу, знаю, эта дорога ведёт к нему. Ощувив рядом чьё-то незримое присутствие, будто ведомые кем-то, подчиняемся спустившейся с небес радости, благодати, могуществу и силе, которая уже где-то в глубине, внутри, она захлестывает, переполняет и рвётся наружу. Подчиняемся влекущему нас потоку, этим звукам космоса, этой поющей душе, по наитию летим следом за ней, спешим, ведь ещё успеем, она пока не ушла, не покинула нас. И мы не ушли, лишь на середине пути, сами того не замечая, устремляемся, спешим туда, за ней, к небесам, а потом хотим снова вернуться.

Вечный зов, движение, как по ступеням, вверх, к неизвестному, откуда нет возврата. Мир расступился, раскрыл перед нами свои двери, замер в ожидании чего-то нового, а может, это лишь возврат к первоначальному. Впереди зияет проём, разлом всего, что было, мы останавливаемся, стремясь к самосохранению, спасению. Трагедия, драма? Нет, чувство благодати, спустившейся откуда-то сверху, состоянии полёта не покидает, счастье, гармония, радость переполняют, дух воспаряет, очищается. Погружаешься в музыку и уже ничего не замечаешь вокруг, только лопышь звуки благовеста, которые наплывают, разливаются вокруг, окружают. Возникает ощущение тайны, приобщения к ней, мы постигаем внутренний смысл, горечь и правду жизни.

Пусть звучит эта музыка как знамение! Гимн жизни наполняет всё простран-

ство, я слышу его, передо мной встаёт образ Синей поющей реки, вижу её перед собой, хотя никогда не была на ней. Глубоко погружённая в животворные звуки, некий целебный источник, дающий силу и уверенность, как тот одинокий путник иду в гору. Под ногами мерцают серые окаменевшие зрачки, камни, прощаясь, устало и безрадостно смотрят на меня.

Незримо ощущаю присутствие чужой воли, охватывают волнение и страх, будто кто-то хочет смутить мою душу, забрать её. Он тихо идёт со мной рядом, берёт за руку, шепчет что-то и ведёт в гору, которая виднеется где-то вдаль. Неспешно иду вслед за ним, с каждой минутой постепенно приближаясь к виднеющейся вдаль вершине. Путь пересекает нехоженная единственная скользкая каменная тропа, вливаясь в мою дорогу и уводя меня за собой куда-то вверх, к облакам. Вдруг накатывают внутренний трепет и сомнение, но я ни на минуту не останавливаюсь, поднимаюсь всё выше.

Неожиданно передо мной открывается простор, воздушный океан полон звуков, солнечного воздуха и тепла. И я отпираю дверь в ещё одну, последнюю, потаённую сороковую комнату, которая сокрыта в самой глубине души и которую никому ещё до сих пор не открывала. Впускаю туда трепетный летящий звук, меня охватывает чувство непреодолимой радости и блаженства, прозрачная воздушная стихия влечёт, дух воспаряет, передо мной возникает другое пространство, оно плывёт рядом, проникая внутрь меня самой. Погружённая в звуки, поднимаюсь всё выше и выше, туда, где меня встречают свет и радость, желая общаться, деревья обхватывают плотным зелёным обручем, преграждая дорогу, не пропуская дальше.

Преодоление, мечта, свободный полёт сравнимы только с музыкой, которая будто распахивает неведомые дали, хочет сказать нам о той далёкой жизни, что так редко открывается нашему взору, которую мы не узнаем, никогда не постигнем и не увидим. Вдруг я останавливаюсь и отчётливо вижу того, кто манит к себе, зовёт, в надежде услышать мой ответ спешит навстречу. Его песня журчит и струится подобно горному ручью и соловьиным трелям, ощущаю – ко мне приближается чудо, жду встречи с ним. Живительные звуки врачуют раны, восстанавливают силы, возрождают к жизни, я вновь спускаюсь, ступаю на землю, возвращаясь в привычный мир.

Alhambra

Новелла

Эта мелодия легка, воздушна и в то же время извилиста как горная тропа, она причудлива, как арабеска, простая и одновременно довольно сложная, подобна закрученной вихрем спирали и лабиринту!¹

Утром языки яркого разгоревшегося солнечного пламени – жёлтые светящиеся линии с преобладанием тёплых оранжевых оттенков – сцепятся между собой, сплетутся лучами в неразрывное целое, чётко прорисуют, очертят и высветят всё вокруг. Они зажгут проснувшийся мир, который радостно откликнется, улыбнётся, засияет, весь засветится изнутри, вспыхнет и, наконец, успокоившись, заискрится в солнечных бархатистых лучах свежести, прохлады, утренней надежды и радости.

¹ Само собой получилось так, желая подчеркнуть эмоциональность своего высказывания, в своём письме я невольно поставила восклицательный знак не после слова, а перед ним, тем самым желая подчеркнуть, что это ещё не сама эмоция, а только её преддверие, ожидание, предвосхищение. Это же я сделала и в новелле «Alhambra». Возможно, чем-то это напомнило мне испанцев, но это не так, как обычно они делают. Испанцы вряд ли поймут это моё «нововведение», я не переворачивала знаки и не ставила их в начале предложения, можно в этом убедиться. Кстати, перевёрнутый вопросительный и восклицательный знаки есть только в испанском языке, причём в начале предложения ставится перевёрнутый вопросительный, а в конце обычный восклицательный знак.

Солнце всегда где-то рядом, оно светит каждому, если даже этого мы порой не хотим, чтобы все, увидев солнечный луч, смогли подумать о вчерашнем дне. Оно не тускнеет, даже когда, стремясь выпить из небесной чаши любви, мы выпиваем небесную чашу страдания. Солнце всегда в нас, наверное, это !звезда!

Мелодия как эхо вторит тонкому ажурному витиеватому ритму, где-то далеко впереди проступает узор, украшенный мифологическими деревьями, птицами, сосудами с диковинными цветами, от них во все стороны отходят стебли, на которых ещё блестит роса, листья распускаются как утренние бутоны !нежных зелёных цветов невиданной красоты.

Хочется !пить, но, тотчас забывая об этом, погружаюсь в размеренность и непрерывность, в струящийся чистый и прозрачный звук, полный сладостных ароматов, он парит над землёй и наполнен светом, теплом, прохладой! Музыкальный орнамент подобен неразъединимому сплетению, это замысловатая вязь, напоминающая клубы дыма, то является, то вновь исчезает, растворяясь в воздухе, пронизывая его как стрелой.

Слышны неспешные шаги, чьё-то дыхание совсем близко, рядом, между листьями и плодами проступает незримый облик, кажется, кто-то неведомый пишет таинственное послание. Аккомпанемент неторопливо идёт вслед за устремившейся вперёд мелодией, иногда останавливаясь, что-то шёпотом переспрашивая, то, словно эхо, вторя ей.

Появляются фигуры людей и животных, звуки причудливо сплетаются в слова и буквы, складываясь в один знак. Возможно, этот контур и есть очертание мироздания, предстоит прочесть и постичь его, разгадать некую загадку-код. Знаю, если не сделаю этого, впереди непременно появится преграда, путь дальше будет закрыт для меня. Как же хочется пить, всеми клетками ощущаю !жажду, она становится всё нестерпимей!

Наконец вечерние уставшие и обессиленные солнечные блики, насытившись, наговорившись друг с другом, неожиданно замолкают, превращаясь в тёмные коричневато-бурые линии, в них красный закатный отблеск угасания и ухода. Помощь вдруг приходит сама собой, всё разрешается естественным путём.

Невесть откуда возникают смутные тёмные силуэты и очертания, которые открывают замысловатые ходы и узоры, уходящие глубоко под землю, ведущие в пещеры, которые укрыты от постороннего глаза и напоминают о существовании другого таинственного и непостижимого потустороннего мира.

Кажется, где-то впереди открываются тайны мироздания.

Звуки ещё не замолкли, они тихо летят следом, парят, не дотрагиваясь до земли, лишь соприкасаясь с ней, едва касаясь её, в них – печаль и горечь, преддверие расставания. Они прощаются с миром, плавно и размеренно переплетаясь, будто в горькой безутешной последней мольбе зависая в воздухе.

О чём просят и чего ждут? Один музыкальный фрагмент, приближаясь, наплывает на другой, будто догоняя, погружаясь, наконец медленно вливается в него.

Кажется, попадаю в другое измерение, меня поднимает воздушный поток, иная, непривычная струя времени и жизни, иная пламенная стихия. Он подхватывает, несёт и погружает в космическое пространство, невесомость и !чувство полёта! не отпускают.

Звук не покидает, он то замирает, как бестелесное видение тихо приблизившись ко мне, то вдруг подойдёт, окружив плотным звучащим кольцом, застигнув врасплох. Ожидая, что появится с противоположной стороны, поднимаю голову, чтобы понять и постичь его, но вдруг неожиданно он оказывается где-то совсем рядом, тихо, едва ощутимо трогает за плечо, будто протягивая мне руку помощи. В нерешительности изумлении делаю шаг назад, задумавшись, отступаю.

Порой кажется, босая иду по пустыне, ноги вязнут, по щиколотку погружаясь

в зыбучий песок. Где-то рядом в ожидании замирает !роза пустыни, её запечатлённая красота замерла, застыла и навек окаменела! Вокруг поют агавы, звуки, распустившись, как бутоны цветов, спускаются и уже скользят по земле, подчас соприкасаясь с ней, играя с песком, который сыпуч и мягок, скрипит под ногами и нестерпимо !жжёт ступни, будто раскалённая лава!

Оборачиваюсь и вижу позади себя тени моих ступней, следы застывают на песке, как окаменевшие слепки из лавы Помпеи. Преодолеваю путь, спешу успеть сделать ещё несколько торопливых шагов. Ступив на горячий, змейками уползающий из-под ног песок, ощущаю, как он струится, просачиваясь сквозь пальцы.

На какое-то мгновение посланные кем-то знаки останавливаются, они уже не приближаются, не идут за мной. Замираю лишь на мгновение, оглянувшись, – следов уже не видно, но позади различаются буквы, целые слова и брошенные кем-то фразы. Они обрываются, контуры и смутные очертания, похожие на геометрические фрагменты, расплываются и тут же поспешно исчезают, теряясь из вида, будто их смывает невидимая волна, а может, стирает с лица земли вихрем налетевший откуда-то ветер.

Один фрагмент встраивается в другой, вместе они, шурша, обнявшись, уползают по песку. Порой кажется, кто-то преградил мне путь, установил непреодолимое невидимое препятствие, через которое нельзя пройти. Единое целое уже не вернуть, не воссоздать заново. Ветер всё кружит, как птица, взмахивая невидимыми крыльями, летит по следу, засыпая прочерченное и унесённое песком. Дальше идти уже невозможно, мучает !жажда!

На землю опускаются спасительные сумерки, одновременно приходит усталость, а с ней умиротворение, внутреннее успокоение. Надежда расшифровать проступающие знаки-иероглифы, как и понять слияние морей, когда пресная вода будто вкопанная останавливается перед преградой, не может принять солёную, соединиться с ней, слившись в одном потоке, наконец окончательно покидают меня. !Пусть же всё будет, как будет, как оно есть на самом деле, не так, как изначально нам того хотелось!

Мучает !жажда, хочется спать, глаза слипаются, хочу во сне увидеть все свои желания! Однако продолжая свой путь, всё же надеюсь увидеть среди пустыни, там, за горизонтом, долгожданный оазис – диковинный восточный сад, мысленно мечтаю о волшебном дворце. Новые следы стирают предыдущие, круг замыкается, и всё начинается сначала – мой путь, дорога, звуки зовут и манят как тайны-арабески. Мерцающая и поблёскивающая далеко впереди, они проступают в темноте из ниоткуда и уходят в никуда, уплывают, растворяясь вдали в песке и закатных бликах Востока. Движение по спирали, блуждание растерзанной мятущейся души, стремление, возвращение к центру мироздания.

Начала и конца не имеет ничто, всё лишь продолжение того, что уже было в жизни, когда-то случалось, пусть даже в чьих-то мыслях, мечтах и снах. Солнечные лучи притаились где-то поблизости, они выжидают, скользят и прячутся. Хочу взять с полки книгу, в раздумье задерживаясь у чистого листа, начинаю листать древнюю рукопись, снова иду вперёд. Отчётливо слышу шуршание бумаги, белизна страниц, как сияние, !нестерпимо жжёт, режет глаза, на мгновение зажмуриваюсь! От прикосновения листы неторопливо складываются, через некоторое мгновение покорно распрямляясь, некоторые выскальзывают, кружась, падают на пол.

Пытаюсь постичь значение проступающих иероглифов, штрихи восточных знаков-узоров. Звуки наплывают, повторяются, окружают со всех сторон, отпечатываясь в сознании. На земле вновь проступает !солнечная арабеска, как некая свобода, земная и божественная красота, которая приобретает мистический и загадочный, непонятый и никем не разгаданный смысл!

В этой музыке есть голос и пространство того, кто её слышит.

Это проникновенный разговор, беседа, слышу отдельные фразы, они завораживают, я внемяю им. Видимо, кто-то хочет связать, соединить нас с небом, а небо с землёй. Но как же трудно это сделать, под силу лишь Творцу! Но он, никем не замеченный, скрывается в неизвестном направлении.

Напоследок тёплыми лучами солнце неспешно очерчивает на земле яркие оранжевые полосы-острова, вытягивая их вверх, а потом опуская. Бросая на землю отсвет, распластав его, на какое-то время оно превращает поверхность земли в цветные парящие перистые облака, фантастические дворцы и видения. На холмистой террасе из полутьмы смутно появляется долгожданный оазис, проступают очертания величественного мавританского дворца времён династии Нарсидов, заключённого в крепостные стены с башнями.

Похоже, Творец вновь незаметно возвратился, наконец вдалеке на фоне яркой голубизны неба показался красноватый величественный дворец !Альгамбра!

Казалось, это великолепное сооружение отстроено именно для меня, чтобы я могла по нему бродить, вглядываясь в его чудные очертания, блуждать по его лабиринтам и садам, прося пристанища, присаживаться на белоснежные ступени.

Андалузские горы словно матадор в парадном костюме огней – белой снежной рубашке, украшенной великолепным жабо, с тонкой чёрной аскетической лентой, изящно завязанным галстуком, в коротком жёстком, доходящем до талии жакете с серебристыми кисточками, которые свисали с его мускулистых плеч, в штанах, доходящих до колен и закреплённых подтяжками, обтягивающих его загорелые ноги. В его руках – шпага, чуть согнутая на конце, чтобы было удобнее сразить непокорного зверя. Суровый облик тореро подобен облику разъярённого быка, с которым предстояло сразиться не на жизнь, а на смерть. Невиданной красоты ангел своим копьём с воспалённым наконечником пронзает сердце.

На закате воздушная граница неба и земли чётко прочерчивается, но свет уже теряет силу, ослабевает, а затем покидает землю. Постепенно сошедшая с небес густая тьма спускается и воздушным покрывалом ночи окутывает всю эту пышную витиеватость, обволакивая всё: причудливые растительные орнаменты, арабскую вязь, арки, своды, стройные величественные колонны, керамические изразцы, резные узорчатые окна. И вдруг всё это беззвучно пропадает, исчезает, тает на глазах, растворяется, превращаясь в лёгкую кружащую и обволакивающую дымку.

Вода по-прежнему сопротивляется, не желая погружаться в сон, фыркает, журчит, пенится, переливаясь. Она струится, сверкает брызгами каскадов, торопливо спешит вниз по каналам, до краёв наполняя пруды и водоёмы. Едва касаясь её, легко и непринуждённо свет ещё кружит вокруг, присматривается, ласково и тихо !играет с ней! Через внутренние дворы с садами по переходам и кипарисовой аллее, окружённая апельсиновыми деревьями, цветниками на фоне белеющих вдалеке снежных вершин, устремляюсь к фонтану со львами. И тут припадаю к воде, утоляя невыносимую !жажду!

Тонкий воздушный занавес сгущается, опускается, однако солнечный диск ещё отчётливо виден. Едва касаясь земли, он катится, напоследок лаская её и что-то едва слышно тихо нашёптывая и прося, но там, за горизонтом, глубоко в неё погрузившись, насытившись, тотчас беззвучно исчезает.

Музыка всё же ещё слышна, кто-то тихо вторит ей, сопровождая, а на земле опять проступают иероглифы, их непременно нужно !разгадать! Вновь и вновь возникают свободные и разомкнутые !солнечные арабески. Земная и божественная красота приобретает мистические контуры и очертания, человек соединяется с небом, !земное море постепенно сливается с небесным, границы размываются, всё теперь едино!

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ

Евгений Степанов (1964) – поэт, прозаик, публицист, издатель. Родился в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института, Университет христианского образования в Женеве и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Публикуется с 1981 года. Печатался в журналах «Литературный Азербайджан», «Нева», «Звезда», «Подъем», «Урал», «Дружба народов», «Знамя», «Наш современник», «Арион», «Интерпоэзия», «Юность», «Волга» и во многих других изданиях. Автор нескольких книг стихов и прозы. Главный редактор журнала «Дети Ра» и портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига («Литературная газета») и премии журнала «Нева». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

УНЦИЯ СВЕТА

Здесь-и-Там

ЗДЕСЬ Божий мир недостижим.
Едва глаза закрою –
Небесный Иерусалим
Встает передо мною.

ТАМ нет ни боли, ни обид,
Забот ни милиграмма.
Там друг убитый – не убит.
И там живая – мама.

Теперь

А пряник черств и вечен кнут,
И не могу тоски унять я.
Ну что тут скажешь: мрут и мрут
Мои советские собратья.

Ну что тут скажешь: врут и врут
Вруны из куц телеэкрана.
Ну что тут скажешь: лилипут
Теперь заметней великана.

Белка в колесе

**Машина, офис, секретарши,
Клиенты, брэнды – very well.
Я стал и денежной, и старше,
Но, кажется, не поумнел.**

**Я раньше рос, лелея зерна
Любви, и бегал по росе.
А нынче тупо и позорно
Кручусь, как белка в колесе.**

Над зимой

Холодрыга в душе, как зимою в Норильске.
Я там был как-то раз и запомнил Норильск.
Неохота, но вновь надо драться на ринге.
Ринг отныне везде, жизнь похожа на ринг.

Холодрыга в душе, и сознанию-колибри
Трудно вылететь из инкубаторских строф.
Хронос-вор у меня силы вешние стибрил.
Впрочем, этот сюжет и постыл, и не нов.

Что же делать? Взлететь над зимой, над порошей,
Над бедой, пусть она убирается прочь,
И душе неокрепшей, родной и продрогшей,
Как больному дитяти, чем можешь, помочь.

Унция света

Начинается нечто такое, чему
Ни к чему ни слова, ни дороги.
Прикоснусь – и пойму, посмотрю – и пойму.
Не пойму слишком много в итоге.

Вознесется воздушный над офисом шар,
Упадет на лепешку коровью.
Точно Дракула, кровью упьется комар.
И умрет – переполненный кровью.

А росточек, который зимою зачах,
Разомлеет в объятиях лета.
И в обычных свинцово-пунцовых глазах
Заневестится унция света.

Я покаюсь за спешку, стихи и грехи,
Я засну, как трехлетний мальчонка,
И приснится: деревня, поют петухи,
Петухи кукарекают звонко.

Сентябрь

Пришел сентябрь серьезного замеса,
Похожий на атлета Александра Засса.
И проступает лысина у леса,
И ловкий дождь на дом бросает лассо.

Кружит над дачей обреченный лист.
Жизнь оказалась штукой временной.
Но ты не хнычь, взглядишь, как налились,
Как яблоки красиво налились,

Так налились, как груди у беременной.

Взросление

Ни герой, ни ковбой, ни Отелло,
Я отныне молюсь об одном –
Чтобы дочка моя не болела,
Не кручинились мама с отцом,
Чтобы яблони в маленьком садике
Не терзала паршивка-парша.
...Персональные шрамики-ссадинки
Больше не замечает душа.

Здесь

Здесь радости не редки,
Восторг дается даром.
Здесь молодые ветки
Растут на смену старым.

Здесь горестей – как грязи,
Не все идет по плану.
Но я ни в коем разе
Трындеть о том не стану.

Из эпохи девяностых

Я мечтаю успеть, жизнь и время ценя,
Объясниться в любви тем, кто любит меня,
Тем, кто ценит меня хоть отчасти
И спасает в минуты напасти.

Объясняться в любви тем, кто хочет, как тать,
В люберецком цементе меня затоптать,
Тем, кто держит меня под прицелом, –
Не хочу. И храню парабеллум.

Слово

*«А у поэта ничего...»
Ю. Мориц*

Никаких подпорок у поэта.
Ни Фейсбук, ни Лит., ни «Литгазета»,
Никакой оплаченный пиар
Не помогут выпестовать дар.

У поэта никаких подпорок.
Только взгляд, пронзителен и зорок,
Только слово, ставшее судьбой,
И любовь, любовь само собой.

Воробей

Летит воробей, у него нет мотора,
Пропали страховка и страх.
Он смел и свободен, как Виктор Соснора
В своих непонятных стихах.
Летит воробей, он малюсенький с виду,
Но стоек и даже велик.
Летит и свою не ругает планиду,
Поет: «Чик-чирик-чик-чирик!..»

Путь

Крученных, Соснора, Айги – это путь.
Как сложно за рамки сознания шагнуть.
Как сложных избежать бессменных клише,
Как сложно сказать о вселенной-душе.
Как сложно, как важно идти наугад,
Куда остальные идти не хотят.

Способ

Я не сдался, не поник.
Боль стихает постепенно
И уходит в нужный миг
Во владения катрена.

Боль становится строкой
При посредстве Божьей воли.
...Это способ есть такой
Избавления от боли.

Влодов

Жил поэт великий Влодов.
Рядом жил поэт Уродов.

Процветал поэт Уродов.
Горе мыкал нищий Влодов.

Но стихи остались Влодова —
Не Уродова.

Сегодня

Не швыряют в дурдом нынче за палиндромы,
Не сажают в тюрьму за охапку соломы,
За кровавые три колоска.
Жизнь сегодня светла и легка.
А поэтому злиться и хныкать не надо.
Жизнь — награда.

ПАМЯТЬ

ЛЯМАН БАГИРОВА

*Эссе написано по просьбе Валентины Алексеевны Ельчиной,
пенсионерки из Беларуси. Спасибо ей огромное за то,
что напомнила мне об этом прекрасном Поэте.
С благодарностью, автор.*

ЛИКИ

Эссе

*«И так, чтоб в прошлом бы – ни слова,
Ни стона бы не зачеркнуть».
О. Берггольц*

Кажется, Лев Толстой определил точную и высокую планку литературного труда. Похвалив чей-то рассказ, он словно невзначай обронил: «Мастерство такое, что не видать мастерства». При внешнем «каламбурстве» этой фразы она не так проста, как может показаться. Немногие даже великие писатели могут позволить себе такую роскошь как безыскусную строгость и простоту в творчестве. Ольга Берггольц владела этой роскошью. Вряд ли когда-нибудь еще прозвучит голос такой глубины, такой искренности и такого трагизма.

Мой рассказ об Ольге Федоровне Берггольц – изумительном поэте и несчастнейшей женщине. Да, именно о ней – Музе, Джоконде, Мадонне блокадного Ленинграда, для которого голос Ольги, как и звук метронома, стал символом спасения, мужества и чести, негасимой веры в то, что город выстоит, что жизнь победит смерть.

16 мая 1960 года Ольге Берггольц исполнилось пятьдесят лет. Она была против юбилейных торжеств, за которыми чувствовала фальшь. Ее долго уговаривали. Сдалась она только после просьб поэта Николая Тихонова – председателя юбилейного комитета. Когда в черном закрытом платье на сцену концертного зала филармонии поднялась Ольга Берггольц, все встали. Тихонов приготовился читать длинный доклад. А зрители – ленинградцы, отстоявшие свой город, – безмолвно стояли. Берггольц подошла к авансцене. Отказавшись от микрофона, тихо сказала:

– Спасибо, что вы пришли, что не забыли свою Олю.

В зале воцарилась тишина. Отчетливо было слышно каждое слово:

*Не искушай доверья моего,
Я сквозь темницу пронесла его.
Сквозь жалкое предательство друзей,
Сквозь смерть моих возлюбленных детей.
Ни помыслом, ни делом не солгу,
Не искушай, – я больше не могу...*

Недовольно загудели партийные работники. Собрание явно отклонялось от протокола. Но прервать Ленинградскую Мадонну никто не решился. Ольга Федоровна продолжала читать:

*Дни проводила в диком молчанье,
зубы сцепив, охватив колени.
Сердце мое сторожило отчаянье,
разум – безумия цепкие тени.
Друг мой, ты спросишь – как же я выжила?
Как не лишилась души, ума?
Голос твой милый все время слышала!
Его не могла заглушить тюрьма...*

– Это стихотворение, – сказала Берггольц, – я написала там, где собакам живется лучше, чем людям. Я повторяла его, как заклинание... Дорогие, еще раз спасибо за то, что вы здесь. Простите, что не плачу. Разучилась. Высохли слезы.

В президиуме облегченно вздохнули. Тихонов быстро прочитал доклад, Затем последовало массовое поздравление делегаций, говорили высокопарные слова, жали ей руку. Она стояла смущенная, не привыкшая к таким славословиям, отрешенная и все пушила льняную пряжу над огромным лбом, словно вспоминая что-то. Может быть, начало?..

Семья Берггольц с многочисленными родственниками жила в двухэтажном деревянном доме за Невской заставой, вблизи Шлиссельбургского тракта. Фамилия у Ольги латышская – от деда со стороны отца. Другой дед, со стороны матери, был родом из рязанской деревни. Отец, Федор Христофорович Берггольц, окончил Дерптский университет, служил военно-полевым хирургом. Был он очень начитанным человеком, прекрасным профессионалом, обладал молниеносным чувством юмора, а мама, Мария Тимофеевна Грустилина, любила поэзию и детям привила любовь к ней. Хотя отец и ушел из семьи, Ольга любила его, часто навещала и ценила его советы.

Дореволюционное детство Ольги Берггольц было самым что ни на есть буржуазным в лучших традициях дворянского усадебного быта. У нее и ее младшей сестры Марии были гувернантка и няня, сами девочки ходили в батистовых платьях и шелковых бантах в светлых косах. Девочек с детства воспитывали в почитании религиозных святынь. Оля сама активно протестовала против разрушения и разворовывания церквей, но с годами все переменялось. Нежная светлокосая девочка, словно шагнувшая из дворянской усадьбы, превратилась в пролетарскую активистку в красной косынке и транспарантом в руках. В год смерти Ленина она объявила отцу, что отказывается от Бога и хочет вступить в комсомол. Отказалась от прислуги, чтобы принципиально никого не эксплуатировать. Она даже скатерть отказывалась стелить на стол, считая ее пережитком буржуазного быта. Остригла роскошные светлые волосы, ведь стрижка – это и модно, и конструктивно, и современно! И все-таки облик вечной женственности, хрупкой будущей Мадонны властно проступал в ней, прослеживался в мягком овале лица, нежном рисунке губ и даже в остриженных волосах, льняным крылом падавших на большой лоб. Ковался новый образ – как внешний, так и внутренний. Была набожной – стала атеисткой. И все же одно качество из прежней жизни осталось в ней неизменным. Оно же и определило характер уже новой Ольги – романтический идеализм. Была идеалисткой светлокосая девочка, зачитывавшаяся Тургеневым и Толстым, стала идеалистка-комсомолка. А.М. Горький однажды назвал ее верящей.

– Что вы, Алексей Максимович, – возразила Ольга, – я безбожница! Я давно по-рвала с религией.

– Не верующая, а верящая! – подчеркнул Горький.

Поэтому в годы войны она так естественно ощущала свою родность с блокадниками, чьим голосом стал ее голос. В валенках и ватнике, пошатываясь от голода, она подходила к радиомикрофону, чтобы прочитать новые стихи.

Она знала: их ждут, ей верят, пока есть ее голос и метроном – город живет.

Дважды был растоптан комсомольский романтизм Ольги Берггольц. Первый раз – когда был арестован и вскоре погиб в заключении ее первый муж – поэт Борис Корнилов. Их совместная жизнь была недолгой, они слишком быстро расстались. Их дочь Ирина умерла в восьмилетнем возрасте. Когда его арестовали, Ольга давно уже была замужем за другим. Но беда, случившаяся с Корниловым, потрясла ее. Вскоре и ее арестовали как проходящую по делу «Литературной группы», к которой принадлежал Корнилов. После допроса, будучи на большом сроке беременности, она попала в больницу, где потеряла ребёнка. А до этого еще на воле скончалась ее вторая дочь Майя (от второго мужа – литературоведа Николая Молчанова).

*Двух детей схоронила
Я на воле сама,
Третью дочь погубила
До рожденья – тюрьма...*

Второй раз романтизм Ольги Берггольц был растоптан еще безжалостней. В декабре 1938 года ее опять арестовали, обвинив в подготовке покушения на товарища Жданова. В тюрьме она отсидела 149 дней – по июнь 1939-го.

Она напрасно пыталась убедить следователя:

– Да ведь я беременная баба, куда уж мне покушаться!

В воспоминаниях мемуариста Берггольц Ольги Оконевской есть рассказ Ольги Берггольц о допросах с пристрастием:

«Следователь:

– Подумайте хорошо! Вы еще можете спасти ребенка. Только нужно назвать имена сообщников.

– Нет, гражданин следователь. Я ребенка не сохранию. (И в это время кровь как хлынет...) Немедленно отправьте меня в больницу!

– Еще чего захотела!

– Называйте меня на «вы». Я – политическая.

– Ты заключенная.

– Но ведь я в советской тюрьме».

– Понимаешь, Оля, – призналась Берггольц своей тезке, – мы должны были там держать нашу марку.

И прибавила:

– Меня все-таки повели в больницу. Пешком. По снегу. Босую. Под конвоем.

Только заступничество Александра Фадеева вырвало Ольгу из палаческих лап «ревнителей правды» профессией которых стало выбивать любые показания любой ценой. Но она никогда не забудет, что было с нею в заключении, с потрясающей силой будет описывать это в своих дневниках:

«Ощущение тюрьмы сейчас, после пяти месяцев воли возникает во мне острее, чем в первые дни после освобождения. Не только реально чувствую, обоняю этот тягостный запах коридора из тюрьмы в Большой дом, запах рыбы, сырости, лука, стук шагов, но и то смешанное состояние обреченности, безысходности, с которым шла на допрос. Вынули душу, копались в ней вонючими пальцами, плевали в нее, гадили, потом сунули обратно и говорят: живи!»

Она и жила, но теперь на случай нового ареста держала в сумочке зубную щетку и круглые резинки для чулок.

Брак со вторым мужем – литературоведом Николаем Степановичем Молчановым был счастьем для Ольги. Он обладал такой же цельной натурой, что и она. К началу Отечественной войны Николай был почти инвалидом от ран, полученных еще на гражданской. Но, когда началась Отечественная, он не стал уклоняться от работы и был направлен на строительство укреплений. Домой вернулся с дистрофией в необратимой стадии. Умер в госпитале. Ольга посвятила ему лучшую, по собственному счету, поэтическую книгу «Узел». Она ходила к нему в госпиталь, а он почти уже не узнавал ее. И так получилось, что не смогла его похоронить. От работы на радио никто ее не освобождал. И что бы с ней самой ни происходило, она строго по графику появлялась в студии, и в эфире раздавалось:

– Внимание! Говорит Ленинград! Слушай нас, родная страна. У микрофона поэтесса Ольга Берггольц.

Это была ее идея – исполнить в блокадном Ленинграде Седьмую (Ленинградскую) симфонию Дмитрия Шостаковича. Это она со свойственной ей решимостью добилась восстановления продовольственных карточек для опальной Анны Ахматовой после злосчастного постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» в 1946 году. Да и скольким людям еще помогала она после войны – маленькая ленинградская Мадонна.

Ольга Берггольц, казалось, раздавленная сыпавшимися на нее несчастьями, проридчески написала:

*Когда прижимались солдаты, как тени,
к земле и уже не могли оторваться, –
всегда находился в такое мгновенье
один безымянный, сумевший Подняться.*

Она и сама всегда пыталась подняться. Над огромной болью своей и над огромной обидой. Над гибелью двух любимых ею мужчин. Над потерей всех четверых своих детей. Над издевательствами в тюрьме, после которых ей, страстно мечтавшей о детях, пришлось проститься с мечтой о материнстве. Над предательством друзей и изменой последнего мужа – литературоведа Георгия Макагоненко. Над растоптанным сапогами романтизмом. Над одиночеством.

Пыталась подняться. И поднималась. Но измученное сердце должно находить забытые хоть в чем-то. И она находила. К сожалению, как это часто бывает с творческими людьми – на дне рюмки.

«Пьяная Ленинградская Мадонна» – стали называть ее к концу жизни. Пила она страшно, безудержно. И так же безудержна была в гневе, набрасываясь на тех, в ком чувствовала подлость, трусость или фальшь. Так однажды яростно на каком-то собрании она набросилась на человека, велеречиво изъяснявшегося Дмитрию Шостаковичу в любви и преданности.

– А где ты был? – гремела Ольга, – когда его топтали?! Когда его поносили и унижали? Где ты был?! Сейчас вы все, конечно, его любите, и лучшие друзья ему. А раньше – в грязь, в гроб готовы были загнать. Холуи!

Ее не трогали, ей прощали все. Кто посмеет тронуть икону?.. А Ольга Берггольц для ленинградцев была как святая.

Она умела гордиться современниками, а перед иными просто благоговела.

Так она относилась к Шостаковичу. «Бетховена я люблю, но Шостакович мне гораздо ближе. Здесь и одиночество, и трагизм. Это – нечто бестекстовое...»

Уход из жизни каждого из своих друзей она воспринимала очень тяжело. Друзья умирали, уходили по невозвратной дороге. Ахматова, Тушнова, Светлов, Александр Яшин, Твардовский, Кассиль. «Подбираемся, подбираемся», – горько проносила она, услышав очередную печальную весть.

Иногда она бывала мягкой, доброй, ласковой. Очень любила цветы: гвоздики, розы, скромный душистый горошек и больше всего – хризантемы.

Эта женщина, так много и так несправедливо страдавшая в жизни, не любила говорить о любви. Но этим чувством была напитана ее поэзия. В суровых и безыскусных строках подчас больше любви, чем в тысячах красивых слов. Но некоторые ее высказывания навсегда врезались в сердце. «Любовь, как спущенный курок, – не вернуть, не догнать, не остановить». «Счастье есть всегда, нужно только узнать его, когда придет, и не испугаться его, может быть, не похожее на задуманное...»

Ольга Федоровна Берргольц умерла 13 ноября 1975 года. Ее последним желанием было лежать на Пискаревском кладбище – там, где лежат тысячи ленинградцев, погибших в блокаду, где на граните выбиты написанные ею слова: «...никто не забыт, и ничто не забыто». Но похоронили ее на Литераторских мостках, посчитав, что Пискаревское для нее слишком почетно...

Существует последняя архивная запись Ольги Федоровны. Она читает стихи. Худошавая, немолодая, элегантно одетая женщина. Лицо, увы, выдает следы пагубной привычки. Но как же твердо, как уверенно звучит голос:

*А я вам говорю, что нет
Напрасно прожитых мной лет,
Ненужно пройденных путей,
Впустую слышанных вестей.
Нет невоспринятых миров,
Нет мимо розданных даров,
Любви напрасной тоже нет,
Любви обманутой, больной,
Ее нетленно-чистый свет
Всегда во мне, всегда со мной.
И никогда не поздно снова
Начать всю жизнь, начать весь путь,
И так, чтоб в прошлом бы – ни слова,
Ни стоны бы не зачеркнуть.*

P.S. Память моя все больше начинает походить на стремительно мчащийся поезд. И подобно его освещенным окнам в ней ярко вспыхивают три лица. Это лица женщин, никак не связанных между собой, и никогда не знавших о существовании друг друга, и, тем не менее, странным и страшным образом схожих между собой, ибо опалены были одной судьбой, одним временем, в котором им довелось жить. И, вспоминая их, я отчетливо понимаю: если к кому и можно применить слово «лики», то только к ним.

Лик 1. Родственница

Это лицо памятнее мне более остальных. Не потому, что оно было красивее или уродливее, чем другие, вовсе нет! Обыкновенное лицо пожилой женщины с очками в черепаховой оправе. Но было в нем нечто монументальное: словно вырублено из куска цельного гранита – каменные складки на темных щеках, твердый подбородок, лоб, прочерченный резкими линиями, даже волосы – роскошные, седые, казались застывшими волнами. И над всем этим великолепием царствовал взгляд из-под затемненных стекол. Трудно даже сейчас найти ему определение: не то, чтобы испытующий – для этого он был слишком спокойным, и не то, чтобы властным – для этого он был слишком усталым, а скорее – неподкупным, не способным поддаться на какую-либо фальшь, физического ли, духовного ли свойства.

Говорила эта женщина мало и вообще разительно отличалась от других. Большинство кавказских женщин очень эмоциональны и общительны. Более того, излишняя сдержанность в проявлении родственных ли, дружеских ли чувств не особо приветствуется и расценивается как холодность или спесь. Но она была не холодна, не спесива, а только необыкновенно сдержанна и строга.

Иногда до меня долетали обрывки разговоров старших о ней. «Не дай Бог никому пережить того, что она пережила!»; «Потерять всех родных в годы репрессий – мыслимое ли дело для юной девушки?»; «Пережить допросы и пытки – как она только выдержала?» – вот далеко не все, что мне доводилось слышать. Но даже говорили об этом тихо, с оттенком не то ужаса, не то благоговения, ибо уже само то, что человек выжил в жерновах репрессий, было чудом.

Казалось, она была не способна на проявление любых ярких чувств. Никогда ни смеха, ни слез. Иногда улыбка, иногда горькая усмешка. Ничего более. Но всякий раз после ее прихода/ухода создавалось впечатление какой-то застывшей печали. Словно человек сроднился с этим чувством, неся его в себе много лет, и – парадокс! – то, что должно было бы угнетать, разрушать, в конце концов, помогло выковать облик и характер. Соткалась некая Фея Печали. Если бы мне доверили иллюстрировать известную сказку Андерсена «Калоши счастья», то Фею Печали я рисовала бы именно с этой женщины.

Лик 2. Старуха

Это лицо было страшнее всех. Строго говоря, это была фотография в книге, посвященной женщинам – жертвам сталинских репрессий. Я нигде и никогда не встречала столько боли и обреченности во взгляде. Как выяснилось, женщину эту арестовали вместе с дочерью. На момент ареста ей было около 80-ти лет, она была не нужна, и ее не трогали, основное обвинение было предъявлено дочери, но мать взяли, чтобы поскорее сломить дочь. Дочь постоянно таскали на допросы, не давали спать, истязали. Мать была очень набожна, постоянно молилась о спасении. После очередного допроса дочери она подошла к ней и тихо по-французски сказала: «Если будет совсем плохо, разрешаю наложить на себя руки. Грех твой перед Богом беру на себя». Можно, нет, невозможно себе представить, чего стоило ей – Матери, истово верующей женщине, произнести эти слова... Снимок был сделан за несколько дней до смерти этой женщины. Дочери на тот момент уже не было...

Если бы меня попросили изобразить Страдание, я бы сразу вспомнила о фотографии той женщины.

Лик 3. Ольга Берггольц

У родителей была грампластинка под названием «Читает Ольга Берггольц». Мне было шесть лет, и в стихи я особо не вслушивалась. Пластинка была заезженной и скворчала, как сотни сковородок с жарящейся картошкой. Кроме того, голос поэтессы казался мне слишком высоким и надрывным, это немного пугало. Гораздо больше мне нравилось рассматривать ее портрет на обложке. Удлиненное, скуластое лицо, крыло светлых волос, высокий лоб и взгляд... Обращенный в себя, отстраненный и чуть удивленный. Словно спрашивающий: «За что?»

Если бы меня попросили изобразить безмолвный вечный вопрос, я бы вспомнила об Ольге Берггольц...

Прим. При написании эссе использованы материалы из Интернета, воспоминания Ольги Оконевской и Е.Евтушенко об Ольге Берггольц, архивные записи самой поэтессы и прочие материалы.

ГЮЛЬШЕН ТОФИКГЫЗЫ

С к а з к и д л я в з р о с л ы х

Волос Кронида

Который день не в духе Громовержец. Заперся у себя, тучами обложился. Никого к себе не впускает.

– Позор! – теребя божественную бороду, размышляет Кроныч. – Мало было интриг на Олимпе, так теперь и вовсе не поймешь, боги людьми управляют или люди богами. Аполлон, стервец, из Гериной опочивальни не вылезит. Гефест, хромой черт, себе ортопедический ботинок выковал. Теперь с нимфами в вертепе у Орфея пляшет. А тот что придумал, петух безголосый! Арфа у него модернизованная, электронная, а сам под «фанеру» поет. Вон как его фурии с острова Сирен подраживают:

*Орфей Сладкозвучный,
Скрипит твоя арфа.
И голос фальшивит,
И сам ты не тот.
Те песни, что прежде
Богов восхищали,
Теперь даже в банях никто не поет.*

Одиссей сына своего к новому походу готовит. На субмарине. «Арго-2». Если не врут, уже с Посейдоном договорился, за 50 процентов Золотого руна. А этот старый дурак и купился! Не даст он тебе ничего! Ни руна, ни хрена! На то он и Хитроумный. Но доступ к морским недрам получит и тебя, краба старого, проучит. Гляди-ка, стихами заговорил. Хандра располагает к поэзии... Арес – Бог войны! Мелкими интригами междоусобиц увлекся, деревеньки стравливает, с прохвостом Гермесом пари заключает. Прометей интуристам позирует. Пегас, простая скотина, а туда же: крылья каким-то херувимам с соседних небес на плюмаж выменял. Осел, а не жеребец! Пасется, вон, теперь с кентаврами – один хвост сзади, другой на голове. Артемида, дрянная девчонка, с браконьерами снюхалась. Они ей за рог Единорога карабин подарили и нахлобучку ночного видения. А эта безмозглая вертихвостка отдала им колчан со священными стрелами! Тем нынче только и занимается, что по ночам подглядывает, как эти ничтожные человеческие существа совокупляются. Хотя, надо сказать, фантазии на этот счет им не занимать... Атланты, и те оборзели. Не хотят больше «за просто так» небесный свод поддерживать. Едва справляюсь. Весь свод в озоновых дырах. Вот оно, непослушание, вольнодумство! Ни к чему хорошему не приводит...

В покои, с шумом отбиваясь от стражников и гремя доспехами, ворвалась Афина.

– Что происходит? Что за хандра? Ты же – Зевс! Отец богов!

– Отец кретинов я... – сверкнул на нее глазами Кронид, нервно наматывая на палец волос из бороды.

– Отец, – уже мягче продолжала Паллада, – не к лицу тебе, венцу Олимпа, такое бездействие. Ты знаешь, что творится внизу?

– Думаю, не хуже того, что творится наверху...

– И ты так спокоен?!

– Как и полагается олимпийцу...

– Словами играешь. А детки твои, Дионисием напоенные, тебя старой периной называют. Никчемной. Хочешь повторить судьбу своего отца?!

– История повторяется в виде фарса...

– Вот уже словами человечешек заговорил. Встряхнись, Зевс, раздвинь тучи, сбрось им пару дюжин молний, – со слезами в голосе промолвила воительница. – Ведь все рухнет!

– Уже рухнуло... Что ты предлагаешь, любимая дочь?..

– Сократи сонм богов. Разведись с Герой. Покарай...

– Прекрати, – прервал ее Зевс. – Какой толк сокращать это сборище голых натурщиков? Де-факто они давно уже не боги...

– Вот именно!

– Ты-то о чем тревожишься, рожденная отцом? Твое имя столицей увековечено будет.

– Мне за судьбу Олимпа страшно.

– От судьбы не убежишь. Даже на олимпийских высотах. Сегодня ты на вершине, завтра – у подножия...

– Расчувствовался! Вот оно, твое уязвимое место, пята Ахиллесова. Тебя сейчас самый раз посадить к Диогену в бочку.

– А Диогена – сюда... Знаешь, Ахиллес-то не потому умер, что стрела в уязвимое место попала, а от заражения крови. Просто стрела была грязная... Напридумывали – полубог! Полубогов не бывает. Либо ты Бог, либо человек...

Проведя ночь на заброшенном складе, заваленном пустыми коробками, ящиками и разохшимися бочками, старый бомж проснулся от шума подъехавшего грузовика. Старик потянулся, и с его груди сползла потрепанная книжница «Мифы древней Греции», которую он подобрал недавно на свалке. Он не читал выброшенных газет и журналов, как это делали другие бродяги. Но любил выискивать на свалках книжки и с упоением зачитывался ими. Среди своих, таких же неприкаянных, его называли Диогеном. За философский склад ума и любовь спать среди ветхих бочек.

– Приснится же такое! – Диоген почесал грязную бороду и с улыбкой подумал: «А ведь если помыть, засеребрится и зачучерявится. Точь-в-точь, как у Зевса».

Зацепившийся за ноготь длинный седой волос оторвался со странным серебряным звоном.

История, не вошедшая в библию

Кто не знает, что произошло с Адамом и его подружкой, когда, нарушив запрет, они вкусили от древа Познания? Вот именно. Ну, не будем очень уж строги к нашему праотцу. Нам ведь известно, что он лишь проявил слабость, и поступок его не был таким уж осмысленным. Господь, изгнав его из рая, тем не менее, не оставил его своим вниманием и заботой, и то, что случилось с Адамом и его многомиллиардным потомством впоследствии – результат все той же неосмотрительности.

– Будь человеком, Адамушка! – вздохнув, промолвил Господь и велел стражникам препроводить бескрылую парочку, едва прикрытую фиговыми листьями, к выходу.

Но увидев искреннее раскаяние, сожаление и слезы в глазах Адама, стыдливо склонившую голову обескураженную Еву, Господь решил смягчить наказание ослушникам. Господь суров, но милостив!

И он позволил ангелам принести Адаму напоследок дары с пользой для земной жизни. Но с условием, чтобы они уместились в ладони Адама. Господь, сказав это, первый вложил в ладонь Адама пшеничное зернышко. Обрадованные ангелы, поняв намек, добавили к этому пару дюжин иных семян. Один дал хлопковое и льняное семечко: не вечно же прикрывать срам шершавым и жестким листом смоковницы – так и без потомства остаться недолго. Господь окинул ангела одобрительным взглядом и похвалил его усердие в делах богоугодных. Другой ангел преподнес Адаму чайное семечко: и жажду утолит, и бодрости даст.

– Неплохо, – произнес Господь. – Полезный дар.

И другие ангелы вложили в ладонь весьма полезные семечки, зернышки и колючки: кто оливковое и гранатовое, кто кукурузное и кедровое, а кто и кориандровое. Дошла очередь до падшего Ангела. Ничего не поделаешь, слово Господа – Закон, и даже Он сам не в силах его отменить.

– Зря ты это затеял, Боже, я ведь убедил тебя, что человек слаб, ничтожен и в желаниях низменных неуправим, – начал было Ангел.

Но Бог гневно пресек его:

– Ты снова перечишь?!

– Нет, Господь, я всего лишь предостерегаю.

– Ну, все, завершайте. Давай свои напутственные дары, но не забывай об условии: чтоб уместились в ладони! – раздраженно произнес Создатель, спеша вернуться к своему Божественному промыслу.

Покорно склонив голову, пряча улыбку и огоньки в глазах, черный Ангел положил в ладонь Адама крошечное виноградное семечко. Господь спохватился было, но поздно! Придется теперь новую армию противоборствующих ангелов создавать. И неизвестно еще, что из этого выйдет. Неугомонен Сатана!

– Не гневись, Боже, ты думаешь, извлеченное из виноградного зерна не будет извлечено Адамом из пшеничного, которое ты сам ему дал? – с усмешкой спросил падший Ангел.

Догнав греховную парочку у небесных ворот, смерив долгим, задумчивым и нежным взглядом Еву, он украдкой добавил в ладонь Адама неприметные маковое и табачное зернышки.

– Я, собственно, всего лишь выполняю указ Господа Бога. Разве вы что-нибудь против этого имеете? – сказал он в ответ на укоризненные взгляды препровождающих ангелов. – А что окажется сильнее – воля или желание – покажет время.

Так до сих пор с переменным успехом и продолжается эта борьба в сути человеческой.

Дорога в рай

Взмыленные архангелы завалили Господню канцелярию документацией по раю. Нет, с этим надо что-то делать! Закон о том, что души погибших на войне солдат препровождаются в рай на льготных условиях, явно устарел. Войн на земле становится все больше, в раю переполнены все закоулки, а души истинных праведников мыкаются пред райскими вратами, моля о вымученной тяготами земной жизни награде – хоть самом захудалом местечке в райских кущах! Святые Апостолы рвут в смятении бороды, готовя предложения по расширению пределов рая за счет преисподней.

– Ну уж нет! – отчаянно сопротивляются служители последней. – А нам своих куда девать? Который век дополнительных котлов не допросимся! До того дошло, что иных праведников, временно размещенных в аду, до сих пор не обеспечили райской благодатью. А ведь содержание дополнительных душ не учтено ни в одной разрядке. Условия стали воистину адскими!

Ну вот, еще один батальон прибыл! Красавцы, молодцы, такие на земле, небось, ни одной юбки не пропускали, грехов за их душами не честь. А все сюда же, в рай! Устарел Закон, ох, устарел! Уговаривать этих жеребцов обождать? Чревато – морпехи! Вмиг райские врата разнесут, архангелов, как кур, ощиплют. А дамочка эта с ними – кто? Вот вам и здрастье! Армейская, говорят, безотказница, прости, господи. А куда деваться? И она голову на поле брани сложила, не покидала девка своих орлов, по совести сказать. Вот и случился нонсенс. Праведные души усопших монахинь в рай никак не попадут – мест нет. А блудницу, хочешь – не хочешь, брать придется. Вот и внушай людям после этого отрешение от мирской суеты и благочестие! Жалко монахинь. Сидят, бедняжки, не ропщут, мольбой в глазах апостолам сердце разрывают, а внушить им временно души их в овец или кур переселить – язык не поворачивается. Вон как усердно молятся, невесты Христовы. И тут усердие свое Господу явят. А блудница глазами златокудых архангелов пожирает. Так и горит, чертовка, так и кипит, бесстыжая! Знает, что ей место в раю обеспечено. Ну где она, справедливость? Нет, надо Закон менять! Незамедлительно!

Пока Апостолы ломали головы, не зная, куда определить благочестивые души монахинь, сержант, посоветовавшись с товарищами, подошел к удрученным монахиням и предложил им примкнуть к колонне морпехов. Они, мол, того, как бы сказать... Ну, вроде той блудницы, армейские ублажительницы, на войне погибшие. Ужас охватил чистые души монахинь. Господи, где же справедливость твоя! Всю жизнь в молитвах и лишениях, мужей не познавши, чрева своего не осквернивши, а в рай – на правах погибших в бою блудниц?

– Ну, как желаете, тетки, – обиделся сержант. – Мы хотели, как лучше. Уж до того больно на страдания ваши смотреть. И нам совестно. Мы ведь греховно жили, а в рай по дополнительному военному списку попадаем. Вот и хотели хоть как-то справедливость восстановить, и ваши достойные души в рай протаскать.

Монахини морпехов поблагодарили, повздыхали, покрестились, да к строю и примкнули – уж больно в рай было охота. Веди после этого праведную жизнь!

– Ну что, сестрички, кто из нас правильнее жил? – подмигнула им блудница и пошла примерять белые одежды в райском предбаннике. – Эй, ясноокий, – подозвала она молодого серафима, – помоги, белокрылый, застежки на спине открыть!

Щенки Цербера

Черты – близнецы Цепкий и Зоркий – скучали у входа. Зоркий, вытянув копытца и заложив руки под бритый затылок, дремал. Время от времени он отмахивался кнутовидным хвостом от досаждавших ему мух – адушниц. Цепкий сосредоточенно выковыривал серу из-под ногтей заточенным зубом недавно поступившего никчемного дантиста.

Этому, с позволения сказать, стоматологу было назначено удаление зубов «вживую». Предварительное наказание. Скучная работенка. Цепкий выщелкал ему зубки, как фишки, а затем проводил в «паленку», где дантиста оформили по всем правилам и определили в «мучительскую» – удалять зубы своим бывшим коллегам. Поскольку в аду особые правила на этот счет, то удаление зубов предусматривается адское. Скукота! Мелочевка пошла. Никакой фантазии, никакого творчества!

С тех пор, как в связи с изменением условий жизни на земле и с учетом динамики этих изменений были скорректированы Заповеди, греховный реестр был до-вольно основательно пересмотрен. А между адом и раем создан некий фильтрационный центр, где души усопших распределяются уже по Новому Своду.

Но ходят слухи, что и там кое-кто стал брать откупное. Ведь хватило же ума привлекать к работе души «имеющих опыт организаторской работы бывших руководящих чиновников».

Все, как всегда, до конца не продумано. Сами небожители не укладываются в график, к Новому Своду привыкают медленно, как к новому алфавиту, путаются. А чиновничьи душонки своего не упустят!

Цепкий посмотрел на экран, где обеззубленные новеньким бывшие зубные врачи со слезами зализывали цельнозажаренную ароматную тушу жирненького барашка, не имея возможности откусить хоть самую малую малость. Кстати, такое предложение первым сам Цепкий и вынес недавно на шабаше. Начальство сочло его дельным. Сейчас это новшество проходит испытание. Результаты неплохие, и Цепкий ждет повышения по службе. Ему об этом шепнули на ушко за пригоршню золотых коронок.

Дежурство проходило тихо, вяло, тоскливо. Цепкий переключился на другой экран. Там шла очередная дискуссия на совещании небожителей: «Кто более виновен в нарушении Заповеди «Не убий» – судья или палач? Стрелец или оружейник? Главкомандующий или солдат?» Да первый, первый! Сколько же можно об этом твердить? Лучше бы «Алчностью» занялись – вот где собака зарыта. Все от нее! Да, о собаке. Начальство пожелало завести щенка трехголового Цербера, а суку подходящую найти не могут. Надо заглянуть в пекло, к ядерщикам. Может быть, знают, где после испытаний завелись трехголовые пит-бультерьеры.

Зоркий приоткрыл глаза, потянулся.

– Слышал, о чем говорят ребята из «скорняжной»? На семинары правителей земных стали приглашать. Делиться опытом по массовому удушению народов и шкуродерству. Говорят, особо радевших и преуспевших к нам в штат зачислять будут. Мы, мол, какие-то инфантильные стали, нерасторопные. У них учиться должны.

– А почему бы и нет? Вон, посмотри, как дантист над своими измывается. Аж мне страшно глядеть! Зубных врачей потому дантистами и называют, что они, как Данте, до девятого круга ада пациентов доводят. Будем мы у них еще учиться!

– Еще говорят, что особо отличившимся «штатным грешникам» бесовские ре-галии будут присваивать.

– Рога, что ли? Так ведь они и сами друг друга рогами частенько украшают. Власти и корысти их мерзкие души жаждут, скажу я тебе.

– Ты тише, тише! Услышит кто – влетит...

– А кто, кроме нас с тобой, тут есть?

– Да эти тварюги, адушницы. Не дали поспать. Прямо в ноздри лезут!

– Думаешь, донесут? – усмехнулся Цепкий. – Хотя, если в них души тибетских монахов, нарушивших табу убивать всякую живность... Тогда прихлопнувший муху освободит душу бедолаги.

– То есть, доброе сотворит?

– Вроде того.

– Искушаешь, дьявол?

– Тебя такой мелочью не проймешь. Помнишь Хитрющего? Он своего напарника уговорил френч диктатора примерить. Напарника за это в пекло перевели. Теперь он своим хвостом мздоимцам пятки щекочет по сорок дней, прежде чем в котел с кипящей смолой опустить. Зато самого Хитрющего тотчас повесили. Сейчас он в группе надзора за транспортировкой наркотиков. Какие пути подсказывает! Такой выдумщик, черт. Он дослужится еще, вот увидишь.

– Как сказать, – зевая, продолжил Зоркий. – Образцовую троицу – Лихого, Ловкого и Увертливую – помню, к монахам-прелюбодеям приставили. А за что? Они же не знали, что настоятель – трансвестит. На них сейчас смотреть жалко: не знаешь, кто кого имеет – они монахов или монахи их. Да-а, нашего брата порой за недогляд хуже карают, чем кардинала за проституцию. А еще мне случай рассказали. Один при жизни все стремился в Историю попасть, да так ничего выдающегося и не совершил. Помер от воспаления легких. Так убивался, придурок! Его в «фильтрушке» пожарили, что, мол, гордыня и тщеславие – грех. Вернули на землю тараканом библиотечным, чтоб в учебнике истории пожил.

– Ну, шутники – мудродои! И в «Историю» вроде вошел, и наказание получил. Так, что ли?

– Так-так, да как бы не так! Этот таракан заполз в электрическую розетку, устроил короткое замыкание, библиотека сгорела. Вот как он в историю вошел! В «фильтрушке» облом: кто виноват, таракан-пиротехник или они сами? Спорят еще, считать ли его самоубийцей.

Разговор их прервал бес потрепанного и удрученного вида. На его левом роге была свежая зазубрина, а глаз заплыл и потускнел.

– Плохие новости, ребята, – не дожидаясь вопросов, начал он. – Душегуб серийный поступил. Он водителей иномарок в бетон закатывал, а машины их на запчасти перепродавал. Дали ему тогда за троих покойников восемь лет. Видел я тех покойников. Статуи бетонные – хоть в городском парке выставляй! Душегуб в тюрьме помер, а здесь, в «фильтрушке» хвалился, что тридцать восемь мертвецов за ним. Проверили – так оно и вышло. В комиссии один головой покачал и говорит: «Ну, ты дьявол!» И все! Начальство его в охапку – и сюда. Будет теперь молодняк душегубству обучать.

– Значит, правильно ребята из «скорняжной» про «штатных грешников» говорили. Так ведь это для людишек подарок получше райских куш. Если и дальше так пойдет, на земле ни одного праведника не останется.

– Вот! И я так сказал. И получил... – потер бес поврежденный рог. – Шеф как заорет: «Идиот! Вот в чем и мудрость начальства! Гениально! Забыл, олух, какова конечная цель? Не в аду тебе работать, а в Австралии, на ферме по разведению сумчатых бегемотов». Я говорю: «А разве такие есть?» Он: «Будут! Когда ты им сумки начнешь пришивать, бумеранг тебе в задницу». Вы же знаете, шеф как чего пожелает, сразу сбывается. Теперь и глаз не раскрою, и сесть не могу...

– Похоже, действительно плохи наши дела. Безработицей пахнет. Пошлют нас всех скоро к чертям собачим, – окончательно проснулся Зоркий.

– Хорошо собак напомнил, – спохватился Цепкий. – Где бы достать эту сучку-мутантку для Цербера? Надо угодить начальству. Самое время...

«Око за зуб»

Старый бес по имени Зеловед с интересом наблюдал за парочкой мальцов – рыжим чертенком и ясноглазым херувимчиком, которые возились неподалеку. У чертенка уже проклюнулись сизые рожки, и херувимчик упрашивал его дать их примерить, предлагая взамен едва отросшие крылышки.

Зеловед расхохотался, представив себе, как будет выглядеть рогатый херувимчик и чертенок с ангельскими крылышками.

Серафим, выглянувший из разверзстых облаков, схватил несмышленого херувимчика за шиворот и стал затаскивать внутрь, выражая свое возмущение звонким дрожанием роскошных серебристых крыльев.

Растерянный херувимчик хлопал круглыми глазками и не мог самостоятельно взлететь, так как держал отстегнутое белоснежное крылышко в пухлой ручонке.

– Расселся тут, облака коптить! – тихонько ворчал серафим, косясь на пятно сажи под ногами Зеловеда. – Развели демократию! Так и норовят чистые души грехом обаять.

– Каждому свое. Почирикай мне тут! – незлобиво ответил Зеловед. – Спасибо скажи, не до тебя мне. А то доложил бы архангелам, как ты за своими пупсами приглядываешь. Надавали бы тебе по кучерявому загривку, пуховик недостеганный! Не уразумеее никак, что в одной упряжке скачем, – вздохнул старый бес.

Пролетавшая мимо душа новопредставившегося с изумлением оглянулась на их перепалку.

– Эй, вислоухий, – поманил Зеловед рыжего чертенка пальцами с длинными, почерневшими, но аккуратно подпиленными и ухоженными коготками, – поди сюда. Ты почему не дал ему рожки примерить?

– Х-ха! Такие рожки, да к его незрелому кочану?!

– Плохо, видно, у тебя дела с «Искушением» обстоят, если недопонял. Как зовут тебя?

– Пока Пачкун... – угрюмо потупил чертенок малахитовые глазки с поперечным кошачьим зрачком.

– Это за что же? – рассмеялся Зеловед.

– А ни за что! – вскипел чертенок. – Памперсы бракованные помог на линию запустить. Сработало по высшему баллу! Представляешь, кому какие убытки?!

– Пока, вижу, ты сам в убытке, – ухмыльнулся Зеловед. – Не повезло с именем-то. Ну, не унывай, сменишь еще. Ты смысленый: хоть рог и не дал пучеглазому херувишке примерить, но и от его цыплячьего крылышка отказался. Молодец!

Зеловед с интересом разглядывал рыжего чертенка. Кого-то он ему здорово напоминал!

– А кстати, что ты один тут делаешь? Удрал, небось, без спросу?

– Не-е, наставник знает. Я говорил ему, что с херувишкой познакомился, встреча у нас назначена

– А кто твой наставник?

– Стоум.

– Ого! Еще тот дьявол! Ты ко мне перешел бы?

– Не отпустят.

– Отпустят. Скажи, Зеловед просил к нему зачислить.

– Так ты Зеловед? – с восхищением уставился на него чертенок. – Стоум о тебе много рассказывал. Говорит, ты один тысячи тысяч бесов стоишь.

– Преувеличивает. Хотя слышать приятно. Просто участок у меня был всегда сложный: духовники, религиозные деятели, теологи разных мастей. Они-то, по сути, и есть наши главные сподвижники. Ведь все верят в Единого Бога. Но, пытаясь теоретически обосновать Веру религией, эти слепцы Веру раскололи. Вера людей объединяла, а религия разъединила. Пока люди спорят, чье слово истинно, только и успевай охапками грязные душонки в чистилище сбрасывать. В сущности, наша миссия санитарная. Истребляя волков, люди на земле обрекают на болезни свой скот, а себя – на убытки и голод. Вот и мы: лишь слабые духом поддаются искушению или не могут вовремя совладать. Отсеивая слабых духом, мы даем человечеству шанс на поколения достойных людей. И потому, дружок, почет нам и уважение. Жаль, не все это понимают. А недомыслие того серафима, который презрел тебя и увел херувишку, обернется для него тем, что он «потеряет око за зуб», когда придет время. Ну, заговорился я. Это для тебя еще сложновато.

– Нет-нет, мне интересно. Я и сам недавно думал: если души праведников попадают в рай, то почему в «Завете» записано, что «в Последний День они воскрес-

нут из мертвых, и тела их обретут плоть». Что-то концов не свяжу...

– А ты действительно умница! Поверь мне, скоро тебе имя сменят. Смотри-ка, кажется, наша беседа еще кое-кого заинтересовала, – пригнулся к уху чертенка Зеловед, глазами указывая на кончик беленького крылышка, выглядывающего из-за краешка облака. – Если он просто любопытный, то будет нашим клиентом. Если же любознательный, станет нашим коллегой. И тогда ему не нужно будет у тебя рожки кланчить – свои отрастут.

Чертеночек оглянулся и тихонько свистнул. Из-за краешка облака тотчас выглянул провинившийся херувимчик. Рыжий чертеночек что-то бросил ему. Ангелочек схватил на лету и скрылся за облаком.

– Что ты ему дал? – обеспокоено спросил Зеловед.

– Да так, ерунда. Яблочко у меня тут завалялось. Угостил дурашку.

Теперь уже Зеловед с восхищением посмотрел на чертенка. Он довольно хлопал рыжего по плечу.

– Имя тебе сменят гораздо раньше, чем я думал, – с улыбкой произнес старый бес, блеснув малахитовыми глазами с поперечными кошачьими зрачками.

О чем базар?

– Неправедно живешь, – увещевал благоликий старец в белых одеждах, присев на край кровати Гоши, – укроти алчность свою, подумай о душе. Ведь кипящие котлы уготованы тебе, если не свернешь с пути греховного!

– Какие такие котлы? – зевая и потягиваясь, спросил Гоша.

– Адские! Жар нестерпимый и пекло! О прохладе взмолишься, но будешь брошен во льды обжигающие!

– Типа сауна... – Гоша положил руки под голову и уставился в потолок. Он с интересом стал разглядывать недавно приобретенный светильник. Что-то в нем не нравилось. Надо купить другой. Голубого хрустала, с подсветкой. – И что еще там такого «нехорошего»?

– Смрад, вопли душераздирающие, хохот дьявольский! – продолжал старец, ужасаясь каре, уготованной Гоше.

– А ты, дед, на балдежках, в дискотеках или злачках бывал? Нет? Так сбегай! Напугал, блин! Что я, хохота и вопля адского не слышал? Смрада не нюживал? Да в твоём аду, поди, так не накурено да не надымлено!

– Он не мой! – испуганно замахал руками старец. – Я в сияющих райских куцах обитаю. Хочу, чтоб и твоя душа той благодати удостоилась, когда призвана будет.

– Ну и что там еще такого потрясного? – скучающим голосом спросил Гоша.

Лицо старца просияло, оживленное надеждой.

– Плетущие венки сказочные девы будут возлагать их тебе на голову, осыпать лепестками роз под пение ангелов. Будешь вдыхать аромат райских садов, наслаждаться покоем, умиротворением и любосозерцанием...

– Скучота! – перебил его Гоша. – Телок улетных и здесь навидался. Цветочки-лепесточки твои мне по фигу: недавно груз пришел из Голландии, розы, лилии, прочая растительность. А что, дед, не приворовывают ли твои ангелы из самолетов те розочки?

– Что ты такое говоришь?! – снова замахал руками перепуганный и удрученный кощунственными речами Гоши старец. – Цветы райские не чета земным, трава райская шелком стелется...

– Трава, говоришь? – ухмыльнулся и переспросил Гоша. – А много травки-то, дед? На дурь тянет?

– Ты о чем? – удивленно заморгал старец.
 – Покуриваешь, небось, ту травку в раю-то? – хитро прищурившись, повернул Гоша голову к старцу. – А как у вас в раю с водярой?
 Старец, чуть не плача, вскочил с края кровати, но тут же, спохватившись, снова сел.
 – Бесстыдство и беспутство твое все грани пресекло! Я чист и душой, и телом! – с укором в голосе промолвил он.
 – Ха! Девственник бородатый! Уморил, дед.
 – Да вострепещет душа жадных до зелья всякого! В аду то зелье им бесы в горло сами заливать будут до потемнения очей!
 – Круто! Так мне твой рай тем более по барабану! В аду как будто привычнее...
 – Крамольны речи твои! Не ведаешь, чего жаждет гибнущая душа!
 – Отчего же – гибнущая? Если в раю ни навороченных тачек, ни крутых жрачек, ни телок-метелок, ни зелья-водяра – о чем базар?
 – Ты стихи слагаешь? – ухватился старец за искорку надежды. – А ты знаешь, что поэты на особом счету? Им и грехи по смерти отпускаются. Часто ли стихи слагаешь?
 – Бывает... – уныло протянул Гоша, – когда шнурки в стакане.
 – Что? А зачем бечевки в сосуде держать? – не понял старец
 – Ну и дремучий ты, дед! Да когда предки, тьфу, родители из деревни заваливаются погостить. Приходится чаще дома бывать и с ними морочиться. Особо не разгуляешься. Вот тогда от скуки по вечерам и приходит баба крылатая. То есть, Муза. Так, что ли, ее зовут?
 – Она, она! – обрадовался обескураженный было непочтительными сыновними речами старец. – А не прочтешь ли ты чего-нибудь из того, что сотворил?
 – Что творил, того не прочтешь, то видеть надо! – снова потянулся Гоша. – А стишки присочинял. Так и быть, слушай:

*Тратят деньги по б...м
 Кореша и там, и сям.
 Я ж, клянусь папахою,
 Даром телок трахаю.*

*Сам, как новый карбюратор, –
 С полною зарядкою.
 Х... стоит, как император,
 Баб курочу всмятку я.*

*А вчера козел босой
 «Мерсюку» на зад вскочил.
 Я, от злости сам не свой,
 Педераста замочил.*

– Прекрати!!! – старец, зажав уши и зажмурив глаза, тряс головой.
 – Сам напросился!
 – Я о стихах говорил, а не об непотребном дьявольском чтиве!
 – Так выходит, в аду меня лучше поймут? Ну, дед, ты меня вконец достал!
 Давай кончай базар. Мне на «стрелку» пора. Опоздаю – обрекут меня братаны на твою райскую жизнь. Крапленая колода твой рай!

«Никогда не совершу греха...»

Афганское ущелье только внешне напоминало Курбану родные места. Нельзя сказать, что он был трусом. Бывало, дремал в горах под вой шакалов, сопровождавших отару, отсасывал яд из укушенной змеей ноги (той самой, которую оставит потом в Афганистане) – на это нужна отвага.

Но отвага отваге рознь. Иное дело – прячась от пуль в укрытии, впервые в жизни отчаянно молиться: «О, Аллах, помоги, помоги, помоги мне! Не дай пропасть, не дай умереть! Я буду молиться тебе до конца своих дней и никогда не совершу греха!»

Курбан служил в Афганистане всего лишь месяц, и это был его первый бой. К счастью или к несчастью, он был и последним. Говорят, что иногда душа уходит в пятки. Видимо, там и находилась его душа в тот момент, когда разрывом гранаты ему оторвало ступню. А если учесть, что душа и совесть суть понятия равноценные...

Как показала его дальнейшая жизнь, отсутствие души и совести и стали определять его поступки в будущем.

Тогда, в ущелье, Всевышний услышал его и сохранил ему жизнь. Но его услышал и Искуситель: «Никогда не совершу греха...»

– Ну что ж, посмотрим, – ухмыльнулся он, сплюнув на окровавленный ботинок Курбана.

...Нет худа без добра. Тяжкое увечье, полученное на чужой, несправедливой войне, убрало тернии с его пути. По возвращении он без особых усилий был принят на юридический факультет Университета. Окончив его, быстро дослужился до судьи и очень скоро забыл обещание, данное Богу. Жизнь деревенского пастуха, полная лишений, осталась далеко позади. Она была нелегкой, и Курбан, от природы будучи готовым к трудностям, абсолютно не был готов к искушениям. А искушений для молодого человека, заветной мечтой которого когда-то была пара хорошей обуви, оказалось великое множество. Выросший на овечьем сыре и пресных лепешках, он не выдержал испытания деньгами – самого мощного оружия Беса.

Сейчас у Курбана есть все, что можно купить за деньги, но нет души и совести.

Совесть не мучает его, когда, беря мзду, он выносит заведомо несправедливое решение, а душа не болит, когда по этому решению чей-то ребенок остается на улице.

В последнее время он стал испытывать странное чувство: то ли тревоги, то ли беспокойства. Иногда кажется, что кто-то смотрит ему в спину. Оглядывается – никого. И эти дурацкие сны... Однажды приснилось, что стучат в дверь. Он подходит, открывает, а там – старый армейский ботинок. Снилось, что он молится в укрытии, но не помнит, не может вспомнить слов... Эх, да черт с ними, со снами! Всё, видать, нервишки. Чего не насмотришься за день на работе: крики, слезы, угрозы. «Глупые люди эти истцы и ответчики, глотку готовы друг другу перегрызть за какие-то паршивые «квадратные метры», – думает Курбан, сбрасывая протез и укладываясь спать в верхней спальне своего особняка, – было бы из-за чего судиться». Завтра он вынесет решение по этим «паршивым квадратным метрам», которые алчный родственник отсудит у сироты. А сегодня, пересчитав деньги, небрежно бросает их на тумбочку орехового дерева. Новый спальный гарнитур он купил к приезду жены из Анталии – это подарок ко дню рождения. Она, конечно, надует губки, и тогда он вынет из ящичка тумбочки бархатную коробочку с более желанным подарком – чудесным бриллиантовым кулоном на изящной цепочке. Курбан представляет, как заворачивают ее глазки!

...Отрезанная нога стала побаливать. Нет ее, а болит. Это, говорят, фантомные боли. Чертовщина...

– Сын просил опять какую-то электронную дребедень купить, – подумал он, засыпая. – А цены! Совсем совесть потеряли эти торговцы...

Кто черта помянет...

(Малюю-у-у-сенькая комедия)

Нетрезвый мужчина с трудом выбирается из вдребезги разбитого фантастически дорогого автомобиля.

Мужчина. Ч-черт!

Перед ним возникает черт.

Черт. К вашим услугам.

Мужчина. Вот черт!

Черт. Так точно!

Мужчина. Что происходит, черт побери?

Черт. Что именно?

Мужчина. Не понял...

Черт. Что побрать прикажете? Вас?

Мужчина. Черта с два!

Черт. Как вам будет угодно!

Возникает еще один черт.

Мужчина *(начинает сердиться)*. Да что вам от меня нужно?

Черт. Нам – ничего. Вы сами нас помянули.

Мужчина *(задумчиво чешет затылок)*. Так вы – вроде, как «двое из ларца»?

Черт. Ларец-не ларец, но услуги, как говорится, за счет заведения.

Мужчина *(обрадованно)*. Тачку почините?

Черт. В один миг!

Автомобиль стоит, как новенький.

Мужчина. Ишь-ты, какие вы быстрые! И дорого возьмете?

Черт. Абсолютно символическую цену – Вашу подпись под приглашением посетить наше заведение. В обозримом будущем. В любое удобное для вас время.

Мужчина. Черт с вами, согласен.

Тут возникает еще один черт.

Черт. Желание клиента – закон!

Мужчина *(недоуменно)*. Ну, братцы, вы меня вконец достали!

Мгновенно оказывается в преисподней.

Мужчина *(яростно)*. Тысяча чертей!

Вся тысяча чертей хором. Рады вас видеть!

Мужчина. Я что, умер?! Ах, дьявол!

Возникает дьявол.

Дьявол. Наконец-то! Я уже волноваться начал, что не помянули. Неужели, думаю, забудет? Ведь столько лет сотрудничаем! Что ж, добро пожаловать! *(вежливо указывает на огромный котел с булькающей черной жижей)*

Мужчина. Какое же это добро?

Дьявол. Самое что ни на есть настоящее добро. То, которое вы нажили. Просто там *(он делает неопределенный жест вверх)* оно выглядит иначе, а здесь *(обводит рукой пространство)* превращается в более однообразную субстанцию. Но, ничего не поделаешь, таковы правила.

Мужчина. Провалиться мне на этом месте, если я что-то понял!

Дьявол. А вот это, к сожалению, невозможно. Дальше некуда!

Мужчина. Проклятье!

Дьявол. Нет, скорее, цена. Разве вы не согласны с тем, что все имеет свою цену? Вы ведь и сами часто это повторяли. Но, смею вас заверить, в нашем бизнесе все четко, без обмана. Для нас это вопрос чести. Так что вашего тут *(он указывает на гудящий раскаленный котел)* ни больше, ни меньше – именно столько, сколько заслужили. Кстати, компанию мы вам подобрали вполне подходящую. Некоторые из ваших поделщиков уже здесь. Остальные будут по мере поступления.

Ангелы, наблюдавшие сцену со стороны. И ведь ни один до сих пор нас не помянул!

Прокарканное имя

Бригада древнеегипетских жрецов-патологоанатомов потрошила почившего фараона Фетхапсутараннаншатормета, растянутого на каменном ложе. Подготовка к длительному путешествию в Царство Мертвых шла неспешно и основательно: ТАМ у покойного не должно возникать никаких проблем! Жрецы заметно подустали. Даже Верховный жрец, которому по уставу церемонии надлежало без конца повторять имя усопшего, начал путаться, произнося это сложное для языка и слуха звукосплетение. Нет, чтобы назвать правителя коротко, как Хеопса или Сета! Досточтимые родители покойного думали, что длинное имя – залог длинной жизни. А он и тридцати лет не прожил, да примет его достойную душу Царство Мертвых! Верховный жрец так устал, что на какое-то время забыл о своих переживаниях по поводу преемника Фетхапсутараннаншатормета – его малолетнего и малоумного сына Надхамсхуммудшамета. О, боги! Неужто и этого нельзя было назвать короче?! Например, просто Хам или Муд. От длинного имени придурку ума не прибавится. Мать его, вдова почившего, хитра и ловка, как сто чертей. Нетрудно догадаться, кто в действительности будет править. А еще ходят слухи, брат покойного, Астарнахортамос, глаз на эту стерву положил.

Да уж, предстоит еще работенка Верховному жрецу!

Через несколько дней, когда закончились церемонии отпевания усопшего и воспевания взошедшего фараонов, Верховный жрец, сидя на террасе, наблюдал из-под полуопущенных век за вереницей слуг, разбиравших парадные атрибуты. Как он устал! Вдова фараона глаз с него не сводила во время церемоний. Их взаимная неприязнь давно выросла во взаимную ненависть. Оба слишком умны, чтоб терпеть друг друга у власти. Хвала Богам, никто не может читать его мыслей. Уж подивились бы жители благословенной Месры!

– Ведьма! – думал Верховный жрец о супруге усопшего. – Как ловко придумала! При таком длинном имени, ни одной буквы «Р»! Как же убедить народ в ее иудейских корнях? Как вызвать неприязнь к ее придурковатому сынку? Малый ведь не только слабоумен, но еще и картав. Мать умудряется говорить, избегая слов, вы-

дающих ее картавость. И дитяню научит! Тот, хоть и слабоумен, но красив. А народ падок до внешней пригожести. Любуясь красотой наследника, будут снисходительны к его дурусти. И даже станут сочувствовать. А этого никак нельзя допустить! Думай, думай, глиняная голова!

Верховный жрец перетряхивал в памяти козни своих хитроумных сподвижников и предшественников. Но ничего путного на ум не шло.

Заговоры, убийства, измены – все это слишком старо и примитивно. Да и результат порой бывает обратный.

– Кар-р-р! – уселся ворон на башенку у края террасы.

– Ну, ты еще тут мне покаркай! – проворчал Верховный жрец. Но вдруг, хлопнув себя по лбу, весело воскликнул: – Покаркай, покаркай еще, божественная птица!

Теперь он знает, что делать!

Утро следующего дня началось с обращения Верховного жреца к присутствующим в большом зале, где обычно принимают послов.

– Этой ночью не сомкнул я глаз, моля Богов о долгом и мудром правлении фараона. Услышан я был Богами! И сейчас оглашу вам их волю. Фараон прекрасен ликом, как Бог Ра, был знак мне от которого. Отныне, дабы и дела фараона были так же прекрасны, во славу и процветание благословенной Месры, пусть имя его содержит четыре солнца!

Мать фараона беспокойно заерзала, вцепившись в подлокотники смуглыми пальцами. Тень страха пробежала по ее лицу: «что задумала эта старая гиена?!..»

– Раферрахнашрапалшурамон – таково новое имя фараона! – продолжал Верховный жрец. – Принимаешь ли ты его, солнцеподобный? – обратился он к красивому недорослю, восседавшему на троне.

Это было так неожиданно, что у матери правителя пересохло во рту. Картавый фараон, произнося свое имя, каждый раз будет вызывать усмешки подданных. А для иностранцев он вообще будет катастрофой. Ее сын станет всеобщим посмешищем!

А фараон тем временем в знак согласия уже кивнул головой и, оглянувшись на мать, искал взглядом ее одобрения. Вдова одного и мать другого фараона, Муснахат откинулась в кресле, подзывая жестом лекаря, обреченно и тоскливо глядя на жреца-триумфатора. Фараон-недоумок прижимал к груди жезл и счастливо грезил, уподобляя себя Солнцу. А Верховный жрец с упоением представлял себе, как без устали будет повторять многомерное и замысловатое имя над распростертым телом фараона, когда священнослужители станут поливать его благовониями и бальзамическими маслами.

«Чудотворец»

Статуэтка Святого Филомистиса стояла в окружении свечей, искусственных цветов и прочей бутафории на небольшом домашнем алтаре. Волосы и плащаница семейного идолишки были свежевыкрашены по случаю праздника золотисто-желтой охрой, а глаза подсвечены голубой лазурью. Святой Филомистис держал в правой руке свой главный атрибут – дубовую веточку с тремя желудями. Левая была прижата к груди в знак благоволения и любви к пастве. Святой Филомистис – весьма узкопрофильный святой. Задуман он был некогда как покровитель нечистого на руки домочадца, обладавшего сильным даром убеждения. Вероятно, дело было так. Глядя прямо, не отводя невинных глаз от лица претерпевших убытки, воришка так красочно описывал некие «чудеса» и мистические казусы, сопровождавшие исчезновение ценностей и денег из семейных кубышек и ларцов, что не поверить было просто невозможно. Тогда-то и «привиделся» ему Святой Филомистис, порекомендовавший

водрузить на домашнем алтаре его изваяние и даже указал день принятия даров: каждая тринадцатая пятница от рождества Христова. И «примета» была весьма приметная: если до утра дары оставались на месте, значит – мало. Либо не расположен их принимать Святой Филомистис, и семья впредь будет терпеть убытки. «Чудесное» же исчезновение даров (главным образом, денег) до рассвета означало, что Святой Филомистис дары принял и благословил семейство на перспективу прибыли.

На этот раз дарница была полна. Хозяин дома не поскупился. Накануне сорвал он приличный куш и, возблагодарив Святого Филомистиса за покровительство, да желая задобрить его на будущее, наполнил резную чашу перед «святым» серебряными монетками. Сверху водрузил перстенок с небольшим розовым рубином. Дары от остальных домочадцев были поскромнее: бабка уложила к стопам «святого» атласный платок, хозяйка нацепила на него ниточку мелких гранатов, а сноха отдала покровителю барыша недорогой браслет сусального золота.

– Да будут приняты дары ваши, и вознаградит вас сторицей Святой Филомистис, – проворковал настоятель местного прихода, посетивший наемный хлебосольный дом. – Воистину, не оскудеет рука дающего и прибудет ей от щедрот господних.

Статуэтка Святого Филомистиса стояла на алтаре, сверкая золотистой плащаницей, томно возведя к небу лазуритовые очи. Кажется, он был доволен дарами, потому что легкая улыбка на его розовых устах, оживляемая солнечными лучами и бликами горящих свечей, казалась очень естественной.

Наконец, добропорядочное семейство отошло ко сну, а Святой Филомистис остался стоять в окружении свечей и теней, все так же прижимая руку к груди и закатив светлые очи. Когда последний огарок распластал в чаше-подсвечнике прозрачно-желтые останки и Святой Филомистис стал отбрасывать подрагивающие полутени, комната наполнилась неким странным, жутковатым шорохом. А может быть, шепотом... Нечто нематериальное, как бы прощупывая пространство, изучало комнату, а затем, приподняв и повертев в невидимых руках статуэтку, вновь поставило ее меж цветов и огарков.

– Сказано ведь: «Не сотвори себе кумира!» – то ли с насмешкой, то ли с осуждением произнесла тень-дымка, концентрируясь вокруг статуэтки. – Что же это, если не идолопоклонство?! Бог создал человека, а человек создал многобожие. Наплодили божков по своему образу и подобию! В этом суть человеческая – в поклонении тельцу видимому. Пусть даже и вором придуманному... Как вы меня называли, Филомистис? – хихикнула тень-дымка. – Ну, мистис, так мистис. Чудес жаждете? Получите!

Тихонько скрипнула половица, и в комнату пробрался хозяйский слуга. Воровато озираясь, он подошел к алтарю, протянул руку к дарнице. В этот миг дарница «подпрыгнула» в воздухе, и содержимое, обернувшись пеплом, разлетелось по всей комнате.

– Разве это твое? – были последние слова, которые услышал упавший замертво слуга. Рука его так и осталась вытянутой.

– Не возжелай чужого добра! Все богатства жаждете. Малым за большое откупиться хотите, идолопоклонники! Сто лет терпел вашу дурь! Отныне все на свои места расставлено будет: великому богатству – великая цена!

Утро началось с переполоха. Обнаружив в «алтарной» комнате бездыханное тело слуги, хозяева приписали это случайности. Но отсутствие даров никого не удивило. Никто даже не обратил внимания на едва заметный слой пепла на алтаре. Пыль, должно быть... Принял, стало быть, Святой Филомистис жертвенные дары! Слава Богу!

– Вот и попались вы, идолопоклонники, – спрятал в золотистой бороде ухмылку «Святой» Филомистис. – Дары мне, а слава – Богу! Ну, на том и порешим...

Бедная родственница

Белая крыса Маргоша лениво прохаживалась по своей просторной новой клетке. Она подергивала розовым рыльцем, изучая запахи и не обращая внимания на фарфоровую мисочку с отборными зернами, сдобренными салом. Сыта была. Тонкие прутья клетки сливались в подслеповатом зрении альбиноски в легкую дымку. Казалось, их и нет вовсе, да не удрать. Но такой замкнутый, уютный и сытый мирок Маргошу вполне устраивал. Тем более, что другого она и не знала. Хозяйка Маргошу любила и холила.

– Красавица, – ласково приговаривала хозяйка, беря ее в ладоши и поднося к своему лицу. – Голубка моя!

Маргоша обнюхивала хозяйский нос, довольно шевеля голым хвостом и суча чистыми теплыми лапками. Ей нравился запах хозяйки. К тому же он всегда сопровождался свежими зернами или сладкими витаминками.

Предшественницы Маргоши, две белые мышки, благополучно скончались от старости и были похоронены в саду между розовыми кустами.

У Маргоши, как у всех альбиносов, было плохое зрение, и сад виделся ей большим цветным пятном. С подоконника, где в теплые дни стояла клетка Маргоши, открывался другой, чужой и непонятный мир.

– Там лежат наши милые крошки, – печально говорила хозяйка, указывая пальцем на желто-зеленое пятно розовых кустов. Она вздыхала и продолжала: – Бедняжки! Мне так их не хватает!

– Какие же они бедняжки? – с возмущением думала старая пегая крыса, наблюдая за этими сценами из-за ветхого комода. – Без забот и страхов прожили беспечную жизнь и счастливо почили в старости! Не то, что их серая родня. Вот и этой ватной сардельке подфартило. Ни ума, ни смекалки, а живет, как сыр в масле катается! Зато нас травят и травят! А за что? И нам ведь жить хочется. А как орут, когда увидят! Неужто мы страшнее этих белых игольниц? Что, не вышли рылом? Так и мы гладкими да холеными стали бы при той жизни, что этим «сестричкам» досталась. Разве это справедливо? Одним крысам специальный корм с витаминами закупают, другим – специальный корм с отравой. Иногда он мясом пахнет. Но не дура же я, чтоб его есть! Вот Маргоша твоя поверила бы и слопала. Ей нет резона в хозяйской доброте и щедрости сомневаться. А я, хоть и не белая, зато умная, – заводила себя пегая крыса.

Зависть, обида, голод, страх и месть смешались в душе пегой крысы, как составляющие таких привлекательных с виду отравленных кусочков, которые выкладывались для нее в чулане в качестве «угощения».

– Ты думаешь, хозяйка тебя любит? – тихонько спросила она по-крысиному, топорща желтые усы, у Маргоши. Та тоже не спала по ночам. Ведь, что белая, что пегая, крыса, по сути, крысой и остается. Есть рычажки, которые природа не выключает даже для белых крыс.

– Притворяется она! – продолжала пегая крыса свой монолог, вперив черные глаза в глуповатые зрачки Маргоши. – Люди вообще притворщики и коварные создания. Если любит, почему держит в клетке? А чем она тебя кормит? Фи! Зерно с запахом сала! Ой, уморила! А мне, вот, разрешает жить, где хочу, кормит мясом и овощами. Смотри, – показала пегая крыса Маргоше пакетик из-под отравленных мясных кусочков. – Хочешь попробовать? Чуешь, как пахнет? Блаженство!

Маргоша тарасила в темноту розовые глазки, дергала влажным рыльцем и удивлялась чувству голода, которого никогда прежде так остро не испытывала. Фарфоровая мисочка, полная витаминизированных жирных зерен, оставалась нетронутой.

Но Маргоше вдруг ужасно захотелось тех мясных и овощных крошек, аромат которых исходил из пакетика пегой крысы.

– Не суетись, я дам тебе попробовать. Завтра. Сегодня они уже закончились. А завтра хозяйка купит свеженьких. Обязательно угощу тебя. Родня, как-никак. Да и жаль тебя, бедолагу. Вот так, всю жизнь в клетке! Какая жестокость!

На следующий день хозяйка не могла понять, что происходит с ее любимицей: от еды отказывается, соломку раскидала, мечется, как угорелая, из угла в угол. Даже пытается грызть стальные прутья клетки. Неужто захворала?

– Что с тобой, Маргоша? – обеспокоено вопрошала хозяйка. – Не заболела ли ты, милая?

Она попыталась взять Маргошу в руки, но та вдруг укусила ее за палец.

– Ай! – ужаснулась хозяйка неожиданной выходке Маргоши. – Кажется, ты, действительно, больна. Зря я не послушалась доктора и не сделала тебе прививку в прошлый раз. Но ничего, моя лапонька, сейчас мы тебя подлечим.

С этими словами она достала из картонной коробочки крошечный пластиковый флакончик с насаженной иглой и, крепко прижав свою любимицу к полу клетки, сделала ей инъекцию.

– Вот и все! – удовлетворенно сказала хозяйка. – Скоро-скоро наша снежиночка поправится и не будет больше кусать свою мамочку.

Ночью пегая крыса, осторожно подкравшись к Маргошиной клетке, внезапно возникнув из темноты, снова продолжила свой монолог.

– Убедилась? Видишь, как она тебя любит? За что иглу всадила? Разве ты больна? Им, людям, просто необходимо над кем-нибудь измываться! Правда, мне грех жаловаться, но за тебя обидно. Не горюй! Вот, принесла я тебе кое-что вкусненькое. Угощайся, – забросила пегая крыса в клетку Маргоши несколько крошечных кусочков отравленного мяса.

Маргоша с жадностью набросилась на них, мгновенно слопала и с мольбой в глазах просила еще. Надо же, как вкусно!

– Думаю, тебе хватит, – ухмыльнулась пегая крыса и исчезла так же внезапно, как и появилась, растворившись в темноте.

Утром хозяйка долго охала и ахала над трупиком Маргоши, не понимая, что могло стать причиной ее гибели.

Затем Маргоша была похоронена между розовыми кустами, рядом с белыми мышками.

Очень скоро в пустующей клетке Маргоши появилась новая хозяйка – морская свинка Эмма.

– Ничего-ничего, – думала старая пегая крыса, глядя на глупую морду жирненькой рыжей твари, – и с тобой поговорим. По-родственному. Как грызун с грызуном.

Синяя борода

Двадцать пар стройных ножек по всему периметру длинного, нежного тела сводили с ума песчаного скорпиона, когда юная сороконожка пробежала мимо норки, бросая в его сторону игривый взгляд прозрачных розовых глазок. Она была похожа на воздушную кружевную салфетку, что колышется на ветру. А ее переливчатая спинка искрилась на солнце, как янтарное ожерелье.

– Как она прекрасна! – думал скорпион, провожая ее влюбленными глазами и с трудом сдерживая напряжение в ядовитой петельке хвоста. – Само совершенство! Ни одна бабочка в мире не согдилась бы и в подметки каждого из сорока ее баш-

мачков. О, какое счастье, что она их не носит! Прятать такую красоту в грубой обуви, разве это не преступление?

И вот, набравшись с духом и предварительно скушав для храбрости перебродившую винную ягоду, скорпион преградил, наконец, путь янтарной сороконожке.

– Выходи за меня, красавица! Я буду устилать незабудками землю под твоими славными ножками и сдувать с них пыль, о, богиня грез моих.

Сороконожка сначала опешила. Не ожидала она, что скорпион способен на такое романтическое признание. Теперь он не казался уже таким зловещим и не-симпатичным. И даже наоборот: а ведь он по-своему хорош!

– Ты предлагаешь мне стать твоей женой? Я согласна. Но могу ли я просить свадебный подарок?..

– Проси, чаровница!

– Как хотелось бы мне иметь туфельки, сшитые из крыльев голубых стрекоз!

– М-м-м... Так ведь их должно быть двадцать пар... Зачем они тебе? Твои ножки так хороши!

– Я хочу! – топнула сороконожка правой дюжиной ножек и надула губки. – Иначе не стану твоей женой!

– Не станешь женой – станешь добычей, – холодно произнес скорпион и тот-час сожрал кокетливую сороконожку.

Все произошло так молниеносно, что бедная сороконожка и ахнуть не успела. А скорпион, собрав клешнями соломинки ее ножек в кучу, улегся спать на ней, прикрыв сверху ножки-соломинки фиолетовым крылышком глупой бабочки, отвергнувшей его любовь прошлым летом. Скажите пожалуйста, отказалась жить в его норке! Цветочную поляну запросила! Он отшвырнул клешней покореженную половинку надкрылка божьей коровки.

Да-а, пора навести порядок в норе... Помнится, та божья коровка, хоть и попроще была, а туда же – подарок к свадьбе подавай. Какие-то конфетки. Все вспоминала дурацкий стишок: «Там твои детки кушают конфетки». А сама так и не смогла толком объяснить, что это такое. Жаль. Хозяйкой в норе была бы отменной.

Гусеница жеманно выгнула желтую спинку с пурпурным пятнышком, когда песчаный скорпион, от которого исходил едва уловимый запах перебродившей винной ягоды, преградил ей путь.

– Согласна ли ты стать моей женой, несравненная? Это пурпурное пятно на твоей спинке похоже на мое сердце, которое ты уносишь с собой, каждый раз удаляясь от моего порога!

У гусеницы голова пошла кругом от таких слов. Ах, как он мил, этот таинственный скорпион! Так красиво говорит, а глаза прячет. Смущается, наверное.

– Я согласна, согласна! Но я хотела бы получить подарок к свадьбе. Серебряный поясик. Я слышала, земляные паучки ткут такие.

–

–

Последнее яйцо курочки рябы

– Та-ак, еще одно... Ну, погоди, курвочка Ряба, отправлю я твои ляжки на «стратегический запас»! – косясь на клеть с павлинами, возмущался петух, когда курочка Ряба снесла еще одно золотое яичко. – И что теперь ты скажешь, вертихвостка вислозадая? В прошлый раз повезло тебе, что мышь золотое яйцо разбила, и не успела ты его высидеть. Но уж это сам стеречь буду! Поглядим, какой лебедь из него вылупится!

Курочка Ряба тем временем вертела невинными карими глазками-бусинками и безрезультатно пыталась пробиться к золотому яичку сквозь кордон распластанных крыльев разъяренного петуха. Он отшвыривал бедную курочку, поддавая когтистыми лапами, украшенными острыми шпорами. Курочка, жалобно кудахча, встряхивала пёрышки и вытягивала шею, ища поддержки обитателей птичьего двора.

Но не тут-то было! Пернатая родня, дальняя и ближняя, уже стекалась в полукруг, предвкушая грядущее зрелище и строя домыслы и предположения. Все ждали развязки. Больше всех закручивающаяся интрига волновала индюков. Вся эта в перспективе снесь и содержимое кастрюль и подушек вовсе не была заинтересована в благополучном исходе.

– А как же! Доколе эта невзрачная несушка будет так неза заслуженно обласкана? Не многовато ли почета этой кривоногой квочке за то, что изредка несет блестящие яйца? Еще проверить надо, золотые ли, – перекрякивались и перехрюкивались Рябины соседи, не испытывая ни малейшего сочувствия к бедной курочке.

– Мои индейки яйца несут втрое крупнее этой воробьихи, а их одну за другой на кухню отправляют, – ворчал чёрный индюк, раскрыв веером полосатый хвост и тряся красным кожистым отростком клюва.

– А помните серую гусыню, что яйца несла с двумя желтками? Так и ее под рождество, в том году, яблоками набили до зоба, – укоризненно качала головой жирная индоутка и с обидой добавляла: – Кому на этот раз жребий выпадет? Измаялись в страхе...

– Погоди, погоди, придет чучельник по твою душу! – крутил петух рыжим глазом, глядя на клеть с павлинами. – Будешь чужих кур топтать, коромысло хвостоглазое!

Павлин же, надменно выгнув переливчатую шею, важно прохаживался по просторной клетке, не обращая внимания на гвалт и гогот птичьего двора. Его гарем из полудюжины павлинок высиживал в закутках клетки свои серо-бурые яйца. Надо сказать, среди них не было ни одного золотого. Но это никого не удивляло.

Интрига вокруг золотого яичка курочки Рябы набирала обороты. Несла бы себе обычные яйца – так нет же, угораздило ее отличиться! Так ей и надо, пусть знает свое место!

Две недели, лишённая возможности высиживать драгоценное яичко, курочка Ряба уныло кудахтала неподалеку. А яйцо, лишённое Рябиного тепла, блекло и тускло. Так из него ничего и не вылупилось...

С тех пор курочка Ряба, подавленная общественным мнением, перестала нести золотые яйца. И очень скоро мелковатую и непородистую курочку ощипали и отправили на кухню...

Зато обитатели птичьего двора были удовлетворены, и жизнь здесь потекла своим чередом. Без разнообразия и чудес.

АЛИНА ТАЛЫБОВА

Стансы XXI веку

Хочешь – стой прямо,
хочешь – лежи криво.
Хочешь – отстаивай правду,
хочешь – копи гривны
(шекели, тугрики, евро...)
Спасай Европу от лепры,
Азию – от цунами,
сворачивай в оригами
кашне, облака, салфетки,
жури отвязных нимфеток...
Проявляй человечность –
будь вежлив с маньяком встречным,
в труху разнося при этом
этносы и континенты
(холст «Толерантность в разрезе»,
автор – не Веронезе
и пишет не маслом – кровью,
но с выдумкой и любовью...)

Слушайся шефов и брендов,
не лезь в анализ контентный,
бери лежаки на пляже,
чти праздничные распродажи,
чисти зубы потщательней –
и будет всем вам по счастью...

Бреди своим мегаполисом
(смог прилагается бонусный)
верблюжьим шагом натруженным,
горбы набивай потуже
асанами, ведами, снами,
прикапливай высшего знания,
сбивай авиценнам цены –
суши галлюциногены
для ядерных зим грядущих.
А стансы пусть пишет Пушкин
и дочери нефтемагнатов,
коими так богато
искусство нового века...

Не поднимайте мне веки!..
Не засоряйте чакры,

не словоблудьте в чатах –
будьте – на пару с Богом –
горды и одиноки,
сердце пряча, как грыжу...
Чадит луна над Парижем
(или Ханты-Мансийском).
Крылья откнопив сизые,
ангелы – честь по чести –
пьют за победу «Челси»
и смотрят украдкой порно,
радуясь, что бесполы...

Ветер гудит рассветный
в пустых городах планеты,
что плавно уходят в землю,
мольбам бездомных не внемля.
А где-то трескают суши,
делят моря и суши,
кто-то кружит во фраке,
а кто-то влезает в хаки
и вышивает знамя:
«Ленин (Бен Ладен) с нами!..»

В газетах:

*«Сдамся на органы.
Качественно и недорого».*
Без будущего и без прошлого –
поколение ГМО-шное...
Ну, здравствуй, моя химера:
Ассоль, подросшая в стерву
в следах пластических латок –
тебе ведь тоже несладко
Греев тягать в постели...
Бубнит под окном отельным
рэппер, беременный Моцартом...
Душа, как «жигуль» покоцанный,
жжет последние шины.
Мир этот, впавший в шизу
жлобства и живодерства,
выбросить, где придется
на трассе – в окошко, фантиком
(билборд:

«Не сори в Галактике!»)

Ладно, сорить не будем.
«Гринпис» предъявляет на блюде
Арктики тающий студень
(У динозавров ступор).
Крипто рулит и мутит,
Рифмами сыт не будешь –

Рванем в уикенд к Иуде?..
Он выставляет манну...
Ломай переборки классовые –
неси чипизацию в массы...
А все-таки –
 чую фибрами –
всегда есть свобода выбора...

Хочешь – пиши гимны,
хочешь – иди в схиму,
хочешь – лепи манты,
хочешь – бубни мантры,
хочешь – копай глубоко,
хочешь – сиди высоко,
дыша предстоящему в копчик...
А хочешь –
 будь просто Кóрчаком,
водящим детей по раю...
Мне кажется, мы заигрались
в лего причин и следствий.
Сердце – дельфин, растерзанный
в «цивилизованной» Дании...
Vitae, Amour –
 до свидания...

Из осени – с любовью

Осень – то ли года,
 то ли жизни...
Мир летит по замкнутому кругу.
Запоет свирель, залают лисы
В травах у подножья виадука.

Призрачную, грозную армадой
Двинут облака
 к преддверьям рая.
Засквозят тавриды и пенаты,
Внутреннюю сущность обнажая.

Весь в пыльце винтажной позолоты,
Хрупок мир,
 как крылышко стрекозье.
Из ладоней пастухов бесплотных
Пьют воспоминания, как козы.

В комнате твоей, пустой и белой,
Моросит октябрь
 в дверную прорезь.

Птица

В.Н.

**Бойкая, носатая,
Скачет между строк:
Перышки измятые,
Севший голосок.**

**Из гнезда панельного
Выпорхнувши в мир,
Крыльями несмелыми
Пробует эфир.**

**Снова время ушлое
Ставит шах и мат.
Папочка разбухшая
Ворохом бумаг.**

**О семействе ратуя,
Крутится весь день.
Челка седоватая,
Кепи набекрень.**

**Брошка, пара клипсиков
С тусклой бирюзой...
Мир твердит о кризисе,
Шеф угрюм и зол.**

**Всюду клювы хищные.
Лезвия когтей...
А она под крышею,
В комнатке своей**

**Правит чьи-то опусы,
Не передохнув...
Побежит к автобусу,
Хвостиком махнув**

**С пестрою отметиной,
Скоком по земле...
Сквозь двадцатилетие
Я смотрю ей вслед.**

**Сыплю крошки хлебные
В прорези стекла...
Милая, нелепая,
Птица – умерла.**

Смугл, шестопал, золотоглаз,
Улыбчив, дружелюбен, чужд.
Ловец серебряных пичуг,
Фанат команды Черных дыр
И туров в параллельный мир
(Мы не решаемся спросить,
Что наблюдал он по пути...)

Когда мы обретем покой,
Смешавшись с красною землей,
Он станет славно жить без нас,
Обхаживая свой канал,
И сад, и шаровидный дом,
Припоминая нас с трудом
По картотеке голограмм,
Не суетясь, не зная драм...

На нем, увы, прервется род –
Ему неведом тайный код,
И зов, и гон, что нас, землян,
Бросает в марево полян
Или в объятия мансард,
Что вместе –

Март, и рай, и ад,
Что описал суровый Дант
В хитовом фэнтези своем,
Когда с возлюбленной вдвоем
Брёл наугад меж солнц и недр,
Чему вовек названья нет...

Я прерываюсь на дела.
Пустая комната светла,
Шуршат страницы в дневнике
На межпланетном сквозняке...

...А где-то там,
на краешке Земли,
Иудины деревья расцвели...

Гость

(Драма в одном стихотворении)

Где-то в наших временах –
так бывает –
женщина живет одна,
проживает

Предназначенный ей срок.
Вечер – близко.

Одиночество, как смог,
в доме виснет.

И тоска пылит с утра,
словно рухлядь,
Подтекает, словно кран
в белой кухне.

Вот уже который год
Командором
к ней приходит тот же гость
в свитре черном.

Или сером – но не суть...
В двери входит,
держит тортик на весу,
на отлете.

Он журчит о том, о сем
в ровном темпе.
Город реет за окном,
словно Бэтмен.

Этот гость ей – словно кость
в белом горле.
Обрезает стебли роз,
спину горбит.

Улыбается ему –
губы сводит.
Телевизорная муть
хороводит.

У певицы бровь черна,
плоть атласна...
Не, не выйдет ни черта,
все напрасно.

Выдыхается бокал,
сохнет шпротка.
Нагуляв себе бока,
дрыхнет котка.

Снится котке кот Жоффрий –
черный, с плешью...
Город тает, словно фейк,
в нóчи снежной.

Стынет время на нуле,
бьют куранты.

Расплываются во мгле
фигуранты.

И к стеклу припавши лбом,
подвывает
их безлюбая любовь...
Так – бывает.

Ненастная ночь

Когда сдувает с неба птиц
И, как деревья, клонит ниц
Прохожих, что бредут во мрак;
И ночь похожа на овраг
С тоской, струящейся на дне, –
Тогда, топя луну в вине,
Я вспоминаю, милый друг,
Объятий наших тесный круг,
И весь тот чад, и яд, и Рим,
К которым так непримирим
Людской суровый трибунал...

Да будет ночь твоя нежна
И там, за гранью бытия.
А я – ну что тут скажешь?.. Я,
Давно и всё тебе простив
И телом, словно дом, остыв,
Сердечной памятью жива:
Нижу ненужные слова,
Чтоб тут же встречным их раздать.
Я провожаю поезда,
Воображая: ты – в одном
Из них...

Горчит мое вино,
Настоянное на луне.
Ты возвращаешься. Во сне.
И я целую голос твой...
Но глух и нем рассветный двор,
И окна смежены во мгле,
Как веки мертвых королей.

...Всё врут стихи, мороча нас:
Не серо-, а зеленоглаз,
И не король, и не герой,
И нету дочери со мной,
Чтоб разбудить и поглядеть...
И до тебя –

лететь, лететь...

Я стучу о столик кроной,
Шарф, как рифму, тебе.
Прага вьюжною воронкой
Втягивает нас в себя.

Из тумана звякнет рында,
Созывая водяных...
Ведьма рыжая в цилиндре
Правит парой вороных,

Преуспев в мужской науке...
И – забавный персонаж –
Дышит в зябнущие руки
Соотечественник наш,

Что торгует змрзлиной¹
В ледяной декабрьский день.
Прага снова месит глину
Для невиданных затей.

То изобразит факира,
То тоскующего пса...
Ночь сгущается сапфиром,
Словно шесть веков назад,

В перстне злого епископа
Над застывшею толпой.
Ах, славянская Европа –
Бог с тобою и со мной!..

Вот тебе от сердца ключик –
Медный, стертый, золотой.
Пражский вечер.
Ветр колючий
Рвет на атомы пальто.

Теребит соборов гроздь,
Чтоб однажды в главный день
Мне вступить легко и просто
В хоровод твоих теней.

¹ Мороженое (чешск.)

ЛАЧИН

СКАЗКИ О ДЕВОЧКАХ И МАЛЬЧИКАХ

соч. 101

Виталию Пуханову

1. Сказка о правильных мальчике и девочке

Один мальчик читал много сказок о настоящих правильных девочках. Но вокруг себя такой не видел. А одна девочка читала сказки о настоящих правильных мальчиках. Но не могла такого встретить. Тогда мальчик лёг на операцию по перемене пола, чтобы самому стать такой девочкой. Она тоже легла, чтобы стать таким мальчиком. А потом они встретились. И полюбили друг друга. Вот и живут счастливо – настоящий мальчик и настоящая девочка.

Вот и сказке финал, кто не слушал – прогадал.

2. Сказка о красивом мальчике и страшенной девочке

Один мальчик был очень красивым, и все его дразнили девчонкой. Были и случаи харрасмента. А одна девочка была мужеподобна, и её тоже дразнили. Бедняжка никак не могла стать жертвой харрасмента, как ни хотелось. Тогда мальчик стал носить брутальную маску, а девочка – маску секс-куклы. Но при этом мальчик мечтал, чтобы девочки стали бы мужеподобны, и тогда он не будет на них похож. А девочка мечтала, чтобы мальчики стали нежными на вид, и тогда она не будет на них похожа. Потом они встретились и решили жить вместе. «Я должен открыть тебе тайну», – грустно сказал мальчик и сорвал маску, обнажив луноликое личико. «Я должна открыть тебе тайну», – грустно сказала девочка и сорвала маску, выказав брутальную хамору свою. Очень они друг другу понравились – ведь о том и мечтали. Стали они миловаться, и встал у них дым коромыслом, так что и рассказывать дальше неловко.

Вот и сказке финал, кто не слушал – прогадал.

3. Сказка о девочке – борчихе с харрасментом, нежданно для самой себя благодетельствовавшей отчизну

Одна девочка очень не любила харрасмент со стороны мальчиков. И решила им в отместку тоже чинить харрасмент в отношении мальчиков. Щупать, тискать и, наконец, просто лапать. И подали на нее в суд за ущемление мужского достоинства и сексизм. Дали ей на суде последнее слово. Встала девочка, чтобы произнести заготовленную речь: «Пусть мужчины не чинят харрасмента, тогда и я не буду». Но вместо этого, будто по наитию, выпалила: «Мальчики! Вы не судите нас за харрасмент, тогда и мы на вас жаловаться не будем. А коли нет – засудим! Не суди – да не судим будешь!». Напугались судьи-мужчины и оправдали девочку. С тех пор в той стране люди счастливо живут – знай себе чинят взаимный харрасмент, щупают, тискают и даже просто лапают друг друга. Не пиндосы небось. А всё благодаря девочке! За что и памятник ей поставили. А какой – неловко и описывать.

Вот и сказке финал, кто не слушал – прогадал.

4. Сказка о мальчике и девочке, пожертвовавших собою во имя других

Один мальчик любил подсматривать за голенькими девочками. А одна девочка любила подсматривать за голенькими мальчиками. Обоим было стыдно за своё поведение, но они ничего не могли с собой поделать. Как-то они сблизились и друг другу покаялись. «Мы должны обречь себя на страдания во имя спасения других от нас, – сурово сказала девочка. – Давай жить вместе и подсматривать друг за другом. Мы будем постоянно унижать друг друга, но ведь мы это заслужили. Зато другие страдать больше не будут». «Давай, – храбро сказал мальчик. – А унижая друг друга, мы искупим свои грехи». Стали они жить одной семьей и друг за дружкой постоянно подсматривать. И долго никто не знал, чем они пожертвовали во имя других и отчего всегда ходят смущенные, друг перед дружкой потупившись. А когда узнали, то памятник поставили, только вот какой – неловко и описывать.

Вот и сказке финал, кто не слушал – прогадал.

5. Сказка про перекрашенного мальчика

Один голубой мальчик сильно страдал от дискриминации. Тогда он попросил девочку-волшебницу ему помочь. Девочка дала ему машину времени и сказала: «Полетишь ты в империю Римскую, и там не будешь голубым». Прилетел мальчик к латинянам. А те присмотрелись к его повадкам и вскричали со смехом: «Братва! Да он же зеленый!». (У латинян голубых кличут зелеными). Обрадовался мальчик – он уже не голубой. Правда, авторитетом он и там не стал, с такой-то ориентацией, зато написал гордое письмо в будущее: «Я уже не голубой, а член партии зеленых». Помогла ему девочка-волшебница.

Вот и сказке финал, кто не слушал – прогадал.

6. Сказка про сказочника и незваную девочку-соавтора

Один сказочник писал притчи о мальчиках и девочках. А одна девочка приписывала к ним концовки. Напрасно сказочник протестующе вопил – непослушная девочка знай себе дописывала. Прошли века. Остались от сказок Витала Пухана – так звали сказочника – только последние фразы. Анжеликой – так звали девочку – приписанные. По ним филологи и восстанавливали предыдущий текст. Обрадовался дух Витала Пухана. Говорит девочке в эмпиреях: «Спасла ты меня! Зови меня теперь просто Вит Пухом». «Ну, а ты меня, – ответила девочка, – просто Анжелой». С тех пор все писатели мечтают о девочках, кто им приписывать концовки будет. Да не каждому везет, как Вит Пуху.

Вот и сказке финал, кто не слушал – прогадал.

7. Сказка о девочке и жабе

Одна девочка читала сказку, где девочка поцеловала жабу, и та превратилась в прекрасного принца. Сделала она то же с пробегающей жабой. И – сама в жабу превратилась. «Как же так?», – спросила экс-девочка. «У сказок свои законы, у жизни свои», – ответила мудрая жаба.

8. Сказка о девочке, драконе и принце

Одна девочка мечтала, чтобы её спас от страшного дракона прекрасный принц. С тех пор она всё ждёт его. Дракона. Ведь не будь его, и принц не прискачет. А Дракона всё нет.

9. Сказка о мальчике и трубах Судного дня.

Одного мальчика на именины посетил ангел и попросил задуть свечи на именинном торте. Мальчик дунул так, что свечи разлетелись, а торт взлетел и впечатался в ангельский лик. «Что ж, – сказал ангел, умываясь шампанским, – возьму я тебя в оркестр трубачей для Судного дня. Да ты не бойсь, не сейчас... Попозже».

Вот и сказке финал, кто не слушал – прогадал.

10. Сказка о девочке и бессмертии

Одна девочка не знала, что все умирают, и ужасно страдала – всё вокруг будет без конца повторяться, и зачем что-то делать, если торопиться некуда и всё успеется. В результате она впала в глубокую депрессию и протрацию. Тогда добрый волшебник рассказал ей о смерти, и что она тоже умрет. С тех пор девочка радуется жизни, непрерывно повторяет: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!» и ведет активную творческую деятельность. Ведь времени осталось не так уж много.

Вот и сказке финал, кто не слушал – прогадал.

11. Сказка о девочке и чёрте

Одна девочка работала в санатории, где толстосумам помогали худеть. Ужасно надоело ей смотреть на дряблые жировики. Стала она на работу опаздывать и пренебрегать своими обязанностями. Тогда главврач вызвал ее в свой кабинет. Снял парик и показал ей рожки на лбу. «Ты делаешь важное дело, – сказал чёрт. – Когда они отправятся в мир иной, мои коллеги будут жарить их, подбрасывая в топку жир, который они сбрасывают здесь. Больше жира – жарче огонь». С тех пор девочка не опаздывала на работу и даже стала стахановкой.

Вот и сказке финал, кто не слушал – прогадал.

12. Сказка о девочке и охоте на мух

Одна девочка постоянно наблюдала, как ее мать борется с мухами. Мать днями напролёт бегала по комнатам с мухобойкой, но мух меньше не становилось. «Я буду ставить перед собой только реальные цели», – подумала девочка. Она закончила три магистратуры, получила две ученые степени и пять любовников в четырех курортных городках. Ей стало скучно, ибо всё желаемое было уже достигнуто, и она впала в депрессию. Тогда девочка вернулась домой, взяла мухобойку и вместе с матерью пошла бегать за мухами.

Вот и сказке финал, кто не слушал – прогадал.

13. Сказка о девочке и поэтах

Одна девочка была непьющей и потому на поэтических тусовках ее не признавали поэтом, а потом и приглашать перестали. Юная поэтесса с горя начала выпивать. Теперь ее все приглашают, но она не приходит, ибо перестала считать их поэтами.

14. Сказка о девочке и честном поэте

Одна девочка решила стать музой и пришла к поэту жить, вырядившись в белое платье. А поэт встретил ее в семейных трусах и с бутылкой початого пива. Лёжа в кресле, он между глотками стал жаловаться ей, что его никто не понимает, оправдываться. что случайные связи ему нужны для вдохновения, а потом намекнул, что это из-за нее он растранижил годы творческого расцвета. Девочка испугалась и убежала. А поэт не хотел ее обижать, он просто был честным и показал ей перспективу проживания с яркой творческой личностью.

